

**Федеральный социологический центр РАН
Фонд «Интерсоцис»**

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

2024. Том XXVII. № 4

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)

ISSN 2306-6946 (электронная версия)

Журнал выходит 4 раза в год

**Санкт-Петербург
2024**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences**

“Intersotsis” Foundation

**ZHURNAL SOTSILOGII
I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII**

(The Journal of Sociology and Social Anthropology)

2024. Volume XXVII. No 4

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)

ISSN 2306-6946 (online)

Frequency: quarterly

**Saint Petersburg
2024**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Вячеславович Козловский (д. филос. н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)

Асалхан Ользонович Бороноев (д. филос. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Руслан Геннадьевич Браславский (к. соц. н., зам. главного редактора, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Майкл Буравой (PhD, профессор, Калифорнийский университет, Беркли, США)

Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)

Юрий Витальевич Веселов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Вадим Викторович Волков (PhD, д. соц. н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Андреевна Григорьева (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к. соц. н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Инна Феликсовна Девятко (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Александр Владимирович Дука (к. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Андреевна Здравомыслова (к. соц. н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Дмитрий Владиславович Иванов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Иванович Ильин (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинский Университет, Финляндия)

Вольфганг Кнебль (Dr., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)

Николай Николаевич Крадин (д. истор. н., профессор, чл.-кор. РАН, ИИАЭ ДВОРАН, Владивосток, Россия)

Фредерик Лебарон (Dr., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)

Елена Леонидовна Омельченко (д. соц. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Евгеньевич Покровский (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Николай Генрихович Скворцов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)

Лариса Григорьевна Титаренко (д. соц. н., профессор, БГУ, Минск, Белоруссия)

Жанна Владимировна Чернова (д. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

© **Интерсоцис**, 2024

© **Авторы материалов, статей**, 2024

EDITOR

Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR

Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD

Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)
Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Ruslan Braslavskiy (CSc., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Michael Burawoy (PhD, Prof., University of California, Berkeley, USA)
Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)
Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Finland, Helsinki, Finland)
Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)
Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east, Vladivostok, Russia)
Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)
Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)
Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)
Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)
Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)
Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)
Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Социология труда

- Кабалина В.И., Воронина Н.Д., Чеглакова Л.М., Джокич А.*
Влияние организационных и индивидуальных факторов
на выгорание сотрудников 7
- Милецкая А.Р., Якушкин Н.С.* Невротизация работников нематериального
труда в постфордистской экономике: сравнительный анализ
прекариата и салиариата 40

Социология здоровья

- Русинова Н.Л., Сафронов В.В.* Переживание одиночества и проблемы
со здоровьем: значение социально-экономического контекста
и культуры 69

Социология старения

- Штомпель Л.А.* Культура старения в фокусе повседневных практик
представителей «третьего возраста» 93

Социология молодежи

- Нечаева Н.А.* Амбивалентность как характеристика гендерной картины
мира молодежи: исследования 1996–2023 гг. 123

Социология миграции

- Парвадов С.О.* Компоненты национальной идентичности
как предикторы антииммигрантских установок в Европе:
анализ на основе данных ISSP 149

Когнитивная социология

- Василькова В.В.* Когнитивные искажения в практиках
кибермошенничества: эвристический потенциал теории
М. Нортон 179

Городские исследования

- Хохлова А.М.* В поисках языка легитимации: фреймирование ценности
оспариваемых городских объектов в Нижнем Новгороде 202
- Поляков Ф.Д.* Граффити как инструмент освоения городской среды:
исследование пространственных практик 238

Научная жизнь

- Мазалова Н.Е., Галкин К.А.* Конференция «Антропология Петербурга:
Город. Академия. Три века жизни» 273

CONTENTS

Sociology of Labor

- Veronika Kabalina, Natalia Voronina, Liudmila Cheglakova, Andriya Djokic.*
The Influence of Organizational and Individual Factors
on Employee Burnout 7
- Alisa Miletskaya, Nikita Yakushkin.* Neuroticization of Immaterial Workers
in Post-Fordist Economy: a Comparative Analysis of the Precariat
and the Salariat. 40

Sociology of Health

- Nina Rusinova, Viacheslav Safronov.* Loneliness and Health Problems:
The Impact of Socio-Economic Context and Culture 69

Sociology of Aging

- Liudmila Shtompel.* The Culture of Aging in the Focus of Everyday Practices
of Representatives of the “Third Age” 93

Sociology of Youth

- Natalia Nechaeva.* Ambivalence in Young People’s Gender Worldview:
Research from 1996 to 2023. 123

Sociology of Migration

- Simion Parvadov.* National Identity Components as Predictors
of Anti-Immigrant Attitudes in Europe: an Analysis Based on ISSP Data 149

Cognitive Sociology

- Valerya Vasilkova.* Cognitive Biases in Cyber Fraud Practices:
The Heuristic Potential of M. Norton’s Theory 179

Urban Studies

- Anisya Khokhlova.* In Search of the Language of Legitimation:
Framing the Value of Contested City Objects in Nizhny Novgorod 202
- Fedor Polyakov.* Graffiti as a Tool of Urban Environment Appropriation:
A Study of Spatial Practices 238

News / Information

- Natalya Mazalova, Konstantin Galkin.* Conference “Anthropology
of St. Petersburg: The City. The Academy. Three Centuries of Life” 273

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ

*Вероника Ивановна Кабалина*¹ (vkabalina@hse.ru)

*Наталья Дмитриевна Воронина*²

*Людмила Михайловна Чеглакова*¹

*Андрия Джокич*¹

¹ Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Цитирование: Кабалина В.И., Воронина Н.Д., Чеглакова Л.М., Джокич А. (2024) Влияние организационных и индивидуальных факторов на выгорание сотрудников. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 7–39.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.1> EDN: IXYDAQ

Аннотация. В последние несколько лет проблема выгорания приобрела массовый характер. Несмотря на растущее число публикаций и исследований, большинство из них уделяют внимание преимущественно психометрическим характеристикам выгорания, и они носят скорее описательный, чем объяснительный характер. В публикациях заметно доминирование психологических подходов и проведение исследований на индивидуальном уровне, что влечет за собой практические рекомендации менять отношение и поведение работников, заниматься усовершенствованиями на конкретных рабочих местах, не затрагивая при этом более кардинальные решения на уровне организации в целом. В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования, цель которого заключается в определении наличия и характер взаимосвязи между рядом организационных и индивидуальных факторов и составляющими выгорания сотрудников промышленной компании. Данные собраны путем проведения опроса 915 сотрудников в феврале-марте 2022 г. Для выявления взаимосвязей между факторами и такими компонентами выгорания по модели К. Маслах и коллег, как эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных достижений, были построены три регрессионные модели, которые показали достаточно высокую объяснительную силу. В результате статистического анализа собранных данных выявлены факторы, как повышающие, так и снижающие вероятность выгорания сотрудников изучаемой компании, в том числе в разбивке по трем компонентам выгорания. В числе факторов, снижающих общее выгорание, оказались такие организационные факторы, как справедливое вознаграждение, адекватная рабочая нагрузка, возможность рассчитывать на помощь коллег и интенсивное общение. В качестве снижающих эмоциональное

выгорание, проявили себя такие индивидуальные факторы, как невысокий статус в управленческой иерархии (рабочие и специалисты) и мужчины, имеющие несовершеннолетних детей. Научная ценность исследования заключается в привлечении внимания к факторам выгорания на работе как одного из проявлений состояния и поведения работника в промышленной компании, которая пока еще весьма редко является эмпирическим объектом исследования.

Ключевые слова: выгорание на работе, организационные факторы, индивидуальные факторы, промышленная компания.

Введение

В последние десятилетия компании все чаще сталкиваются с таким феноменом, как выгорание сотрудников, в связи с увеличением требований и нагрузки на работе, ростом количества стрессовых ситуаций, усложнением трудовой среды, быстрыми и непредвиденными внешними изменениями (Alarcon 2011). Распространение пандемии COVID-19 привело к росту числа работников, испытывающих состояние выгорания. На фоне процессов рецессии в экономике и драматических глобальных событий масштаб выгорания сотрудников, согласно данным ряда консалтинговых агентств (AON 2021; Deloitte 2018) вызывает сильную обеспокоенность руководства: это состояние называют одной из главных причин оттока персонала. В российской прессе отмечалось, что в 2022 г. эмоциональное выгорание работников стало массовым явлением в российских компаниях (Более 50 % работников... 2022).

Феномен выгорания на работе изучается учеными с 1970-х гг. Первоначально выгорание рассматривалось как индивидуальная проблема, например, болезнь или недостаток, решение которой состоит в том, чтобы помочь сотрудникам более эффективно справляться с требованиями работы. Исследования проводились психологами на индивидуальном уровне с целью определения того, что является выгоранием, выявления тех, кто испытывал это состояние, а также предложения личных стратегий выхода из него (Hobfoll 2001). Постепенно исследовательский фокус стал смещаться на изучение индивидуальных условий работы. В частности, с течением времени основатели многофакторной теории выгорания К. Маслах и М.П. Лейтер стали рассматривать выгорание как проблему взаимоотношений между работником и рабочим местом, утверждая, что высокий риск выгорания существует при несоответствии между человеком и его работой (Maslach, Leiter 2022). Заострив внимание на причинах выгорания, авторы остались на индивидуальном уровне решения проблемы, предлагая менять отношение и поведение работников, заниматься усовер-

шенствованиями на конкретных рабочих местах, не затрагивая при этом более кардинальные решения на уровне компании в целом.

К настоящему времени сложилось понимание того, что управленческие воздействия по уменьшению симптомов выгорания могут быть сосредоточены на уровне организации или отдельного человека (Bakker, de Vries 2021). В большинстве опубликованных статей по выгоранию сотрудников в качестве отправной точки для разработки мер по снижению уровня выгорания принимали отдельного сотрудника. Группой авторов были проанализированы результаты 47 интервенционных исследований среди сотрудников различных профессий (Maricuțoiu et al. 2016). Около 96 % описанных практик работы с синдромом выгорания были сосредоточены на отдельном сотруднике (например, развитие навыков межличностного общения, релаксации, навыков преодоления трудностей). Результаты показали их небольшое влияние на эмоциональное выгорание и отсутствие влияния на остальные компоненты выгорания.

Можно предположить, что организационные ресурсы и управленческие инициативы, нацеленные на всю организацию, отделы или команды, которые реализуются структурированным и систематическим образом, могут оказать значимое воздействие на снижение уровня выгорания сотрудников компании. Однако в имеющейся литературе пока недостаточно публикаций, включающих эмпирические исследования с фокусом на изучение влияния организационных факторов на выгорание сотрудников.

Несмотря на то что ежегодно публикуется немало исследований выгорания, большинство из них уделяют внимание преимущественно психометрическим характеристикам выгорания и они носят скорее описательный, чем объяснительный характер. Хотя в литературе существует мнение, что сочетание высоких требований к работе и низких рабочих ресурсов является важным объяснением выгорания (Bakker, Demerouti 2017; Lesener et al. 2019), было бы очень полезно иметь еще более детальный и комплексный учет организационных и индивидуальных факторов, которые приводят к выгоранию и тем самым к снижению результативности как работников, так и организации в целом.

Цель исследования, лежащего в основе статьи, заключается в определении наличия и характер взаимосвязи между рядом организационных и индивидуальных факторов и составляющими выгорания сотрудников промышленной компании. Его научная ценность заключается в привлечении внимания к взаимодействию организации и работника, организационным и индивидуальным факторам выгорания на работе как одного из проявлений состояния и поведения работника в промышленной среде.

Статья имеет следующую структуру. В ее первой части на основе анализа зарубежных публикаций определяются основные понятия и теоретические подходы к изучению выгорания в организационной среде, а также излагаются результаты эмпирических исследований по теме статьи. Затем сделана попытка проанализировать подходы российских авторов, отраженных в научных публикациях с начала 2000-х гг. и по настоящее время. В основной части статьи излагаются методология и результаты проведенного авторами эмпирического исследования организационных и индивидуальных факторов, оказавших влияние на выгорание сотрудников промышленной компании в период завершения ковидных ограничений и разворачивания драматических событий в феврале 2022 г. Заключение содержит обобщение полученных результатов, указывает на ограничения исследования и перспективные направления изучения факторов выгорания на работе в современных условиях.

Основные понятия и теоретические подходы

Наиболее распространенным определением выгорания является то, которое предложили К. Маслах, В. Шауфели и М. Лейтер (Maslach et al. 2001). Оно существует в разных редакциях, но неизменным является наличие трех компонент: связанный с работой синдром, который характеризуется эмоциональным истощением, деперсонификацией (цинизмом) и редукцией личных достижений. Эмоциональное истощение выражается в исчерпании энергетических ресурсов и постоянным чувством усталости. Цинизм означает дистанцирование от работы, а также развитие негативного отношения к людям, с которыми работаешь. Редукция личных достижений (профессиональной эффективности) описывается как снижение чувства компетентности и успешных достижений на работе (Maslach, Leiter 2008). Есть и другие определения выгорания (см., например: Demerouti et al. 2010), но большинство из них содержит такие компоненты, как эмоциональное истощение и цинизм.

Международная организация труда (МОТ) определяет связанный с работой стресс как ситуацию, в которой требования рабочей среды превышают способности работника справляться с ними или их контролировать (ILO 2016). В 2019 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определила выгорание как «синдром, который считается результатом хронического стресса на рабочем месте, с которым не удалось успешно справиться» (WHO 2019).

Наиболее наглядно связь между терминами «стресс» и «выгорание» прослеживается в динамической модели Б. Перлмана и Х. Хартман стресса и выгорания, в которой выделены четыре стадии: 1) напряжение, свя-

занное с осуществлением дополнительных усилий при адаптации к сложившейся здесь и сейчас ситуации; 2) усиление стресса; 3) проявление индивидуальных вариаций одновременно с точки зрения физиологии, аффекта, поведения; 4) проявление хронического стресса (Perlman, Hartman 1982). Именно последняя стадия развития стресса признается ВОЗ синдромом выгорания. Три измерения, которыми было охарактеризовано выгорание в документе ВОЗ, очень близко к определению Маслах, Шауфели и Лейтера: чувство энергетического истощения; повышенная ментальная дистанция от своей работы или чувство негативизма или цинизма, связанное с работой; снижение профессиональной эффективности. Важно отметить уточнение, которое делает ВОЗ: «Выгорание относится конкретно к явлениям в профессиональном контексте и не должно применяться для описания опыта в других сферах жизни» (WHO 2019).

Сравнивая определения, которые были даны международными организациями ООН выгоранию и стрессу, можно заметить, что выгорание — это крайняя степень хронического стресса. Иными словами, выгорание на работе — это стойкое состояние плохого самочувствия, сигнализирующее о том, что сотрудники больше не могут и не хотят вкладывать усилия в свою работу.

Основным подходом, которому следуют ученые при объяснении причин стресса и выгорания, является теория требований-ресурсов на работе (job demand-resource theory, JD-R), которая утверждает, что к выгоранию ведет возникновение дисбаланса между требованиями на рабочем месте и ресурсами, которыми обладает работник. Сторонники данной теории рассматривают рабочие требования и ресурсы в качестве предикторов выгорания.

Исследования последних десятилетий показали, что выгорание часто является результатом высоких требований к работе — тех аспектов работы, которые требуют постоянных физических, эмоциональных или когнитивных усилий (Demerouti et al. 2001). Особенно важны рабочая нагрузка, ролевая неопределенность, ролевой конфликт, стрессовые события и напряжение (метаанализ см.: Alarcon 2011). Под продолжительным воздействием высоких требований на работе сотрудники хронически утомляются и психологически дистанцируются от своей работы. Важную роль в развитии выгорания играют ресурсы работы, которые могут смягчить влияние требований работы на выгорание. К ним относят физические, психологические, социальные или организационные аспекты работы, которые помогают достичь рабочих целей и способствуют личностному росту и развитию. Так, было выявлено, что перегрузка на работе, повышенные физические эмоциональные требования, семейные обязательства

не приводили к повышению уровня выгорания, когда сотрудники испытывали автономию в работе, получали обратную связь, имели доступ к социальной поддержке или развивали высококачественные отношения со своими руководителями (Bakker et al. 2005; Lesener et al. 2019; Xanthopoulou et al. 2007).

Согласно теории JD-R, сотрудники могут также использовать свои личные ресурсы для удовлетворения рабочих требований. Как и рабочие ресурсы, личные ресурсы, такие как оптимизм, самоэффективность и устойчивость, являются мотивационными, поскольку помогают сотрудникам достигать своих рабочих целей. Исследования показали, что личные ресурсы имеют прогностическую ценность для рабочих ресурсов и вовлеченности в работу (Xanthopoulou et al. 2009). Таким образом, когда люди имеют позитивную систему убеждений и доступ ко многим личным ресурсам, они с меньшей вероятностью будут испытывать стресс на работе и выгорание.

Анализ публикаций, в частности по управлению стрессом, свидетельствует о том, рабочая (организационная) среда выступает одновременно как комплексный источник стресса и как пространство, в котором возможно регулирование действия стрессоров путем применения «анти-стрессовых» управленческих стратегий (Murphy 1995; Palmer et al. 2003).

Как было отмечено выше, аналогичный подход используется и в решении проблем выгорания на работе. Основанием для управленческих рекомендаций нередко служат результаты исследований. И в этом случае важно принимать во внимание, на какие концептуальные основы опираются ученые. Так, одно из недавних исследований такого авторитетного автора, как А. Баккер, исходило из предположения, что выгорание является результатом плохих условий труда в сочетании с неспособностью работника к саморегуляции. Вместе с соавторами он рассматривает избегание трудностей и самоподрыв как стратегии саморегуляции, которые, как правило, неадекватны, а стремление восстановиться от стресса и обустроить свое рабочее место как стратегии адаптивной саморегуляции. В статье предлагаются новые средства борьбы с выгоранием в виде нисходящих (сверху вниз) вмешательств, в том числе несколько практик управления персоналом и эффективное лидерство. Особое внимание уделяется ключевым личным ресурсам, таким как эмоциональный интеллект и проактивное поведение, которые играют значимую роль в саморегуляции рабочего напряжения и помогают сотрудникам своевременно и эффективно распознавать и регулировать свою усталость, чтобы предотвратить выгорание.

Как было отмечено выше, для объяснения причин (условий, факторов) выгорания чаще всего используется теория JD-R, которая, на наш взгляд,

хорошо сочетается с изучением профессионального выгорания на индивидуальном уровне, когда факторами выгорания могут выступать условия работы на конкретном рабочем месте, которое занимает работник. Но если феномен выгорания изучается на организационном уровне, т.е. в организации, в которой трудятся представители разных профессий, то в расчет должны приниматься общеорганизационные условия и принятые в данной организации нормы. Например, существующие практики вознаграждения, обучения и развития работников, поддерживаемые всеми правилами коммуникаций и взаимодействия и другие характеристики, которые входят в понимание организационной культуры, в конкретный период времени проявляющейся в сложившемся на данный момент организационном климате.

Несмотря на огромное число источников (на запрос по термину *burn-out in industry* Google Scholar выдает примерно 73 700 источников с 2020 г. и 19 600 — с 2022 г.), заметно преобладание публикаций по диагностике профессионального выгорания у работников отраслей, которые отличаются интенсивными коммуникациями с людьми (здравоохранение, образование, туризм и индустрия гостеприимства, правоохранительные органы и пр.). Для последних лет характерны теоретические обзоры литературы (см., например: Ayachit, Chitta, 2022). Среди эмпирических исследований можно отметить изучение взаимосвязи между выгоранием и удовлетворенностью (см., например: Tarcan et al. 2017), а также исследования, в которых выгорание выступает медиатором между вовлеченностью и организационным поведением или результативностью сотрудников, их намерением уволиться (см., например: Lambert et al. 2018). В 2020-е гг. стали чаще появляться статьи, в которых затрагиваются факторы выгорания. Так, в одном из недавних систематических обзоров публикаций исследований выгорания в ИТ-индустрии (Ajayi, Udeh 2024) рассматриваются исследования, которые выявили несколько ключевых факторов, способствующих выгоранию ИТ-специалистов, включая рабочую нагрузку, дисбаланс между работой и личной жизнью, отсутствие контроля над работой, недостаточное вознаграждение, разрушений связей и отсутствие чувства справедливости. Как отмечают авторы обзора, эти факторы, часто взаимосвязанные, создают среду, в которой ИТ-специалисты чувствуют себя подавленными, недооцененными и оторванными от своей работы и коллег, что способствует возникновению чувства выгорания. Можно согласиться с выводами обзорной статьи, что решение этих проблем требует комплексного подхода, выходящего за рамки традиционных программ оздоровления и включающего меры, направленные на улучшение организации работы, организационной культуры и практик управления. Однако эмпирические исследования выгорания в промышленных отраслях

с включением в дизайн организационных факторов по-прежнему редки (Janssen et al. 1999). Следует также отметить, помимо использования JD-R теории, отсутствие признаков движения в сторону разработки новой теории, отражающей комплексную природу процессов выгорания работников в организационной среде.

Теоретическая модель, которая легла в основу нашего эмпирического исследования, была построена с учетом поставленной цели и результатов анализа научной литературы, в том числе существующих пробелов. В качестве предикторов выгорания сотрудников мы рассматриваем факторы на двух уровнях — организационном и индивидуальном. Организационные факторы представлены как характеристиками рабочего места, которые учтены в модели JD-R, так и организационными факторами более высокого порядка, которые являются общими условиями для всех работников организации. В основе нашего понимания выгорания лежит трехкомпонентная концепция К. Маслах и ее коллег с такими компонентами, как эмоциональное истощение, деперсонализация и оценка/редукция личных достижений (Maslach 1976; Maslach et al. 1996; Maslach, Leiter 2022).

Обзор российских исследований выгорания работников

Первоначально интерес к изучению выгорания проявили психиатры и психологи, которые рассматривали его как медицинский феномен. Их внимание было сфокусировано на диагностике и измерения степени проявления выгорания у работников здравоохранения, которые контактируют с людьми¹. Вопросы факторов (в первую очередь организационных), которые могут влиять на формирование состояния выгорания, до недавнего времени оставались за рамками психологических исследований.

Некоторые признаки интереса к организационным и индивидуальным факторам, формирующим ресурсное состояние, поведение и установки работников организаций на результативный труд, наблюдались в 2000–2010 гг. среди исследователей в области социологии труда или социологии организаций, однако лишь в небольшом числе публикаций затрагивались эти вопросы (см., например: Темницкий 2002; Воронина, Зангиева 2011; Бессокирная, Темницкий 2013; Темницкий, 2013) и напрямую проблематика выгорания на работе в них не рассматривалась. Проведенные социологические исследования показали, что удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами по работе, как и взаимоотношениями с руководством, является значимым конструктивным фактором трудового поведения.

¹ Мы не приводим список публикаций в профессиональных медицинских журналах. С ним можно ознакомиться, в частности, в статье: (Русских и др. 2023).

В 2000-е гг. получили распространение темы, заимствованные из западной теории и практики исследований в сфере управления персоналом: корпоративная культура, лояльность, вовлеченность персонала, бренд работодателя и многие другие. Больше внимания стало уделяться организационным факторам, взаимоотношениям организации и индивида.

Такие теоретические подходы, рассматривающие взаимодействие человека с организацией, членом которой он является, предложены концепциями соответствия личности и организации (person-organization fit), организационной приверженности и идентификации персонала с организацией. Психологическая наука и организационная теория рассматривают эту диаду с разных позиций. В рамках психологии, как отмечает С.А. Липатов, работа подразумевает постоянное взаимодействие индивида с организационным окружением, человек в этой модели выступает в роли ресурса организации, который она использует наряду с другими ресурсами. В современных управленческих концепциях предполагается полное включение каждого члена организации в ее структуру, систему коммуникационных связей, в происходящие в ней технологические и социальные процессы, профессиональную и социально-психологическую адаптацию индивида к организации, усвоение ее культурных ценностей и норм поведения. Возможности включения в организационное окружение зависят в равной мере от характеристик организации и самого человека. И в каждой конкретной ситуации возникновения трудностей и проблем взаимодействия с организационным окружением могут быть найдены свои конкретные причины (Липатов 2012).

Одновременно в 2000-е гг. стали отмечаться изменения в сфере труда, которые были связаны с неустойчивостью внешней среды, ускорением бизнес-процессов, повышением интенсивности труда, в результате чего организационная среда становится источником стресса. В рамках организационного подхода возникает новое направление, сторонники которого поднимают проблему социальной обусловленности реакций работников на потенциальные стрессоры (Cox et al. 2008; Marmot, Wilkinson 2006). При таком подходе важным становится не столько давление организации на работника, сколько то, как работники трактуют это давление. Определение потенциального стрессора как реального происходит под влиянием факторов социальной среды (профессиональной, институциональной, социокультурной), важным элементом которой остается организация, понимаемая как некая совокупность социальных отношений (Серезкина 2019).

Результаты исследования факторов риска возникновения стресса, связанных с содержанием и условиями труда российских и французских программистов, представлены в статье И.М. Козиной и Е.В. Серезкиной

(2019), основанной на анализе материалов сравнительного кейс-стади IT-компаний России и Франции. Они показывают, что наиболее негативное воздействие на работников оказывают факторы перегруженности, неопределенности в отношении будущего, отсутствия признания результатов труда и свободы действий в процессе выполнении заданий. В совокупности они формируют общую «зону профессионального риска», но характер их проявления и степень влияния на работников различаются.

Параллельно разработке проблематики стресса, внимание российских исследователей привлекла тематика выгорания на работе (Журавлева, Сергиенко 2011; Кабалина и др. 2023). Помимо статей, освещающих выгорание среди медицинских работников (Русских и др. 2023), появился ряд публикаций, в которых изучение этого явления выходит за рамки привычных отраслей (здравоохранения, образования, индустрии туризма и гостеприимства), в частности в сфере информационных технологий (Гофман и др. 2023) и полиции (Булгаков, Кулиева 2023). Вопрос роли организационных факторов в эмоциональном выгорании врачей-онкологов рассматривается в статье (Русских и др. 2023) в рамках эмпирического исследования взаимосвязи выгорания и удовлетворенности работой. В результате корреляционного анализа связи между степенью выраженности симптомов эмоционального выгорания и его отдельных компонентов с уровнем удовлетворенности различными характеристиками рабочего процесса была выявлена заметная статистически достоверная корреляция для следующих факторов: общий уровень удовлетворенности работой, удовлетворенность заработной платой в сравнении с другими организациями, справедливостью заработной платы, возможностями карьерного роста, стилем руководства начальника. Авторы статьи приходят к выводу, что «самые эффективные меры по снижению синдрома эмоционального выгорания — это повышение эффективности рабочего процесса, командной работы и лидерства» (Русских и др. 2023:24).

В фокусе теоретического обзора (Гофман и др. 2023) находится профессиональное выгорание IT-специалистов, и это накладывает отпечаток на выбор организационных факторов, которые связаны в первую очередь с дистанционной занятостью (виртуальная организация, трудности дистанционного управления персоналом) и личностных детерминант (черты личности, возрастные, гендерные, ценностно-мотивационные особенности). Обращаясь к результатам исследований, авторы обзора приводят противоречивые данные относительно влияния факторов возраста. Обобщая результаты обзора, авторы ограничиваются соображениями создания системы психологической профилактики и преодоления выгорания IT-специалистов. И хотя они апеллируют к работе на организационном и ин-

дивидуальном уровнях, их предложения по управлению рисками выгорания не выходят на общеорганизационный уровень. Несмотря на упоминание необходимости создания здоровьесберегающей организационной среды, акцент в статье сделан на корпоративных практиках по самоконтролю и самопомощи для предотвращения выгорания (образ жизни, баланс работы и отдыха, система восстановления, совладания с рабочими стрессами и расширение «ресурсной базы» психологической устойчивости).

Как следует из обзора, подготовленного А.В. Булгаковым и Т.А. Кулиевой на основе анализа семи отечественных исследований (с 2016 по 2022 г., выборка от 30 до 500 человек), российские авторы ограничиваются пока измерением степени выраженности и распространения синдрома выгорания у различных групп работников полиции (Булгаков, Кулиева, 2023). Авторы отмечают, что эмоциональное выгорание сотрудников полиции исследуется отечественными учеными посредством имеющихся методик без адаптации их к данной профессии. В связи с этим они предлагают расширить исследования в части актуализации факторов и условий служебной деятельности сотрудников полиции, способствующих снижению эмоционального выгорания, а также учитывать сложности и особенности служебных задач и функций, социального взаимодействия, региональную специфику службы, сменность работы полицейских и другие факторы.

Следует отметить, что в ситуации дефицита квалифицированного персонала, особенно острого в промышленности, для российских компаний актуализировался вопрос об инструментах купирования негативных проявлений в поведении и самочувствии работников посредством регулирования тех или иных организационных и индивидуальных факторов, влияющих на выгорание сотрудников.

Методология исследования

Исследование проводилось в промышленной энергетической компании, которая на момент сбора данных являлась российским подразделением международной группы. В его состав входили три производственных энергетических объекта, расположенные в разных регионах России. С наличием иностранной материнской компании связаны позитивные управленческие изменения, а именно внедрение передовых практик управления безопасностью труда и формирования культуры безопасного поведения сотрудников, этических норм ведения бизнеса, а также современных подходов к управлению персоналом. В связи с началом пандемии и переходом на удаленную работу компания осуществила ряд проектов с участием известных консалтинговых фирм в целях регулирования социально-

психологического самочувствия и благополучия работников. Компания несколько раз получала признание за достижения в сфере ESG согласно международным стандартам.

Выбор компании обусловлен заинтересованностью руководства в формировании политики вовлечения и благополучия сотрудников и уже укоренившейся практикой получения обратной связи методом анкетного опроса персонала по вопросам культуры безопасности труда, вовлеченности и благополучия сотрудников. Поскольку инициатором сбора информации о состоянии выгорания сотрудников был директор по персоналу и организационному развитию, исследование имело, помимо научных целей, практические задачи найти те условия, которые могли бы негативным образом влиять на самочувствие работников и тем самым снижать их результативность. Неожиданным и острым моментом исследования, которое готовилось совместно с представителями HR-департамента в течение трех месяцев, стало время проведения онлайн-опроса с 25 февраля по 9 марта 2022 г., которое совпало с драматическими событиями и могло повлиять на тональность самооценок респондентов относительно своего эмоционального состояния, отношения к людям и своих достижений.

После проведения анализа ситуации с выгоранием с точки зрения влияния организационного климата (Кабалина и др. 2023) у авторов появилась идея применить другой подход и выявить не только организационные, но и индивидуальные факторы, которые связаны с выгоранием сотрудников, но ранее не были учтены в анализе данных опроса. Выбор индивидуальных факторов ограничивался вопросами отдельного блока анкеты («паспортчика»). Для отбора вопросов по организационным факторам были использованы материалы четырех интервью со специалистами, которые имели опыт работы в компании более пяти лет, а по характеру работы могли общаться с сотрудниками разных функциональных и производственных подразделений (руководитель Центра компетенций по развитию и трансформации, заместитель руководителя маркетингового подразделения, HR бизнес-партнер, и менеджер по развитию персонала и корпоративной культуры). Целью интервью стало обсуждение результатов проведенного опроса, а также особенностей корпоративной культуры компании, которые способствовали адаптации сотрудников к изменениям, в том числе непредвиденным (к их числу были отнесены пандемия коронавируса и события февраля 2022 г.). Все респонденты отметили заметно возросшую в последние годы рабочую нагрузку и скорость изменений, которые, с одной стороны, приводили к недовольству, с другой стороны, побуждали, в первую очередь молодых специалистов, быть более собран-

ными и организованными. Примечательным результатом интервью стало совпадение в выделенных респондентами благоприятных для работы факторов: взаимоотношения с коллегами, поддержка со стороны непосредственных руководителей и открытость руководителей компании в отношении предоставления информации о целях и текущем состоянии компании.

По результатам анализа литературы, результатов опроса 2022 г. и интервью в эмпирическую модель были включены переменные, основанные на вопросах по практике УЧР, роли руководителей, отношениям в коллективе, условиям выполнения работы (нагрузка, автономия). Были включены также вопросы, характеризующие рабочее место респондента, которые авторы не использовали в анализе влияния организационного климата на выгорание: работа преимущественно в одиночку или в команде, интенсивное общение с людьми на рабочем месте, формат работы в период пандемии новой коронавирусной инфекции. Наконец, в анализе в качестве контрольных переменных учтены индивидуальные факторы, включая социально-демографические (пол, наличие детей до 18 лет) и социально-профессиональные (должность). Информация по операционной организации организационных и индивидуальных факторов в вопросах анкеты, а также ключевые параметры полученных распределений выборки содержатся в таблице 1.

Для измерения выгорания использовался опросник выгорания К. Маслах (Maslach Burnout Inventory — MBI) (Maslach et al. 1996). После пилотажа опросника MBI для медицинских работников на русском языке (Водопьянова, Старченкова 2008; Водопьянова, Старченкова 2023), формулировки части вопросов были скорректированы, затем после проверки внутренней согласованности суждений и шкал на надежность оригинальная семичленная шкала выгорания («никогда», «очень редко», «редко», «иногда», «часто», «очень часто», «каждый день») была переведена авторами к диапазону [0; 5] («никогда», «очень редко», «редко», «часто», «очень часто», «постоянно»).

Выборка. Количество занятых по состоянию на начало марта 2022 г. составляла 1446 человек (доля мужчин — 70,6 %, женщин — 29,4 %). Использовалась целевая направленная выборка (915 чел.), что не предполагает распространения полученных выводов на всю совокупность работников промышленных предприятий. Анкета направлялась сотрудникам через корпоративную рассылку, число ответивших составило около 70 % от численности персонала, структура выборки по полу и стажу работы в компании близка к показателям генеральной совокупности. По просьбе руководства переменная возраста была включена как интервальная.

Таблица 1

**Операционализация организационных
и индивидуальных факторов в вопросах анкеты и значения
ключевые параметров распределения по выборке**

А: Организационные факторы	Псевдонтервальные переменные	Mean	S.E. mean	SD
Практики УЧР: вознаграждение	Сотрудники нашей компании получают за работу справедливое вознаграждение	2,60	0,04	1,16
Лидерство	Существующая система мотивации способствует моей заинтересованности в достижении максимального результата Руководство компании доходчиво и убедительно доносит до работников самые сложные решения, затрагивающие их интересы Мой непосредственный руководитель постоянно заботится о своих подчиненных и берет на себя решение жизненно важных для них вопросов Мой непосредственный руководитель всегда и своевременно предоставляет обратную связь по результатам моей работы Моему руководителю удается поддерживать командный дух и мотивацию сотрудников (в том числе работающих удалённо).	2,72	0,04	1,13
Рабочая нагрузка	Мне достаточно отведенного рабочего времени для выполнения своих обязанностей, я работаю без перерывов Организация работы в компании позволяет мне совмещать личную жизнь и работу	3,24	0,03	0,91
		3,44	0,03	0,96
		3,71	0,03	0,85
		3,44	0,03	1,00
		2,66	0,04	1,30
		2,94	0,04	1,16

Продолжение табл. 1

Автономия/ Контроль	Моя работа предоставляет мне много возможностей принять решения по своему усмотрению	2,78	0,03	1,00
	Мой непосредственный руководитель проявляет излишний контроль за выполнением рабочих задач	2,28	0,04	1,07
Отношения на работе	В нашей компании поддерживается дружественная атмосфера и культура уважения между сотрудниками	3,57	0,03	0,95
	Я всегда могу рассчитывать на помощь своих коллег	3,85	0,03	0,81
Категориальные переменные	Я всегда могу рассчитывать на помощь непосредственного руководителя	3,85	0,03	0,89
			Количество	%
Характер работы	Вы работаете преимущественно в одиночку или в команде?	В одиночку	187	20,4
		В команде	728	79,6
	В каком режиме Вы работали в период пандемии COVID-19?	Офис/ Производство	664	72,6
		Гибрид	66	7,2
		Удаленка	185	20,2
Ваша работа предполагает интенсивное общение с людьми?	Нет	152	16,6	
	Да	763	83,4	

Окончание табл. 1

Б: Индивидуальные факторы (контрольные переменные)	Социально-демографические	Ваш пол:	Мужчины	642	70,2
		Возраст:	Женщины	273	29,8
			18-24 лет	6	0,6
			25-34 лет	141	15,4
			35-44 лет	323	35,3
			45-54 лет	343	37,5
		Старше 55 лет	102	11,2	
		Есть ли у Вас несовершеннолетние дети?	Нет	413	45,1
			Да	502	54,
		Социально-профессиональные	Укажите, пожалуйста, к какой категории персонала Вы принадлежите:	Рабочий	296
			Специалист	485	53,0
			Линейный руководитель	120	13,1
			Директор	14	1,5
		Всего		915	100

Анализ результатов произведен в программе IBM SPSS Statistics версия 26. В качестве методов анализа использовались дескриптивная статистика, проверка надежности шкал с помощью коэффициента альфа Кронбаха, корреляционный анализ для проверки данных на мультиколлинеарность и регрессионный анализ для определения значимых факторов как предикторов выгорания по каждой его компоненте.

Результаты исследования

На первом этапе обработки данных выполнена проверка надежности шкал, используемых в вопросах по выгоранию. Для всех используемых шкал были рассчитаны коэффициенты альфа Кронбаха. Значения коэффициентов составили 0,918 для шкалы «Эмоционального истощения», 0,820 для шкалы «Деперсонализация» и 0,849 для шкалы «Оценка личных достижений». Все полученные значения говорят о внутренней согласованности суждений в шкалах и высокой надежности используемых шкал на наших данных по выгоранию работников (Cho 2020).

На этом основании для построения зависимых переменных мы просуммировали соответствующие суждения и привели их к диапазону [0; 5] путем деления полученной суммы на количество слагаемых. Максимальное значение признака для шкал «Эмоциональное истощение» и «Деперсонализация» говорит о максимальном уровне выгорания; а для шкалы «Оценка личных достижений» — о минимальном. Описательные статистики для всех трех итоговых шкал приведены в таблице 2.

Таблица 2

Описательные статистики для переменных «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация» и «Оценка личных достижений»

Шкала	Mean	S.E. mean	SD
Эмоциональное истощение	1,638	0,873	0,029
Деперсонализация	0,972	0,780	0,026
Оценка личных достижений	3,321	0,661	0,022

Регрессионные модели. Далее нами были построены три регрессионные модели, в которых зависимыми переменными выступали рассчитанные переменные для выгорания, а в качестве независимых переменных использовались суждения, описывающие организационные и индивидуальные факторы (см. табл. 1). Описательные статистики для независимых переменных также приведены в таблице 1.

Контрольные переменные были включены в модели с помощью наборов фиктивных переменных (опорные категории обозначены в таблицах с результатами). Переменные «пол» и «наличие несовершеннолетних детей» включались в модели по отдельности и оказались незначимыми. Тогда было принято решение включить их в формате переменных взаимодействия, и такое решение привело к появлению значимых регрессионных коэффициентов.

Проверка на мультиколлинеарность ожидаемо обнаружила высокие показатели VIF для большинства независимых переменных, что привело к необходимости дополнительных проверок и преобразований переменных.

Во-первых, тесно коррелируют между собой суждения, измеряющие переменную «Практики УЧР: вознаграждение» (см. табл. 1), r Пирсона для них составляет 0,726 ($P < 0.001$). Для преодоления мультиколлинеарности мы рассчитали сумму этих суждений (итоговая переменная получила название «Вознаграждение») и в дальнейшем включили ее в регрессионную модель.

Во-вторых, схожая ситуация наблюдается для суждений, измеряющих переменную «Рабочая нагрузка» (r Пирсона = 0,606 ($P < 0.001$)). Для преодоления мультиколлинеарности мы также рассчитали сумму этих суждений (итоговая переменная получила название «Рабочая нагрузка») и в дальнейшем включили ее в регрессионную модель.

В-третьих, очень тесная связь была зафиксирована между суждениями, измеряющими переменные «Лидерство» и «Отношения на работе» (коэффициент альфа Кронбаха для всех этих суждений оказался равен 0.901). Высокая внутренняя согласованность этого набора суждений, на теоретическом уровне относящихся к разным концептам, говорит о том, что в сознании респондентов все эти суждения описывают одно и то же и разделения, предполагаемого теорией, не происходит.

Решение проблемы мультиколлинеарности в данной ситуации может происходить двумя путями: во-первых, суждения можно просуммировать и включить в итоговую модель полученную сумматорную шкалу, во-вторых, можно включить в модель только одно суждение из набора, в наибольшей степени отражающее необходимый теоретический конструкт (Dougherty 2011). Авторами был выбран второй путь — экспертным путем для каждой переменной было выбрано по одному суждению, которое отражало выявленную в исследованиях разных лет ситуацию. Так, для представления переменной «Отношения на работе» было использовано суждение «Я всегда могу рассчитывать на помощь своих коллег», поскольку, как было указано в исследовании Г.П. Бессокирной и А.Л. Темницкого,

«готовность помочь товарищам в работе в рабочей среде в постсоветский период не только сохраняется, но и растёт» (Бессокирная, Темницкий 2013: 126).

Для выбора такого предиктора были построены вспомогательные регрессионные модели для всех трех зависимых переменных, в которых по очереди использовали каждое из суждений, и выбрано то, включение которого приводило к максимальному значению коэффициента R^2 и максимальному регрессионному коэффициенту (Орлова, Филонова, 2015). Таким оказалось именно суждение «Я всегда могу рассчитывать на помощь своих коллег» (табл. 3).

Таблица 3

**Коэффициенты детерминации и регрессионные коэффициенты
вспомогательных регрессий**

	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Оценка личных достижений
R2/скорректированный R2			
Руководство компании доходчиво и убедительно доносит до работников самые сложные решения, затрагивающие их интересы	42,4/41,5	21,5/20,3	24,1/22,9
Мой непосредственный руководитель постоянно заботится о своих подчиненных и берет на себя решение жизненно важных для них вопросов	43,2/42,3	23,4/22,2	25,5/24,4
Мой непосредственный руководитель всегда и своевременно предоставляет обратную связь по результатам моей работы	43,8/42,9	24,0/22,9	28,6/27,5
Моему руководителю удается поддерживать командный дух и мотивацию сотрудников (в том числе работающих удалённо)	44,0/43,2	24,0/22,8	26,7/25,6

Продолжение табл. 3

	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Оценка личных достижений
В нашей компании поддерживается дружелюбная атмосфера и культура уважения между сотрудниками	44,5/43,7	28,9/27,8	27,1/26,0
Я всегда могу рассчитывать на помощь своих коллег	44,8/43,9	30,6/29,5	29,3/28,2
Я всегда могу рассчитывать на помощь непосредственного руководителя	43,3/42,4	24,7/23,6	27,0/25,8
Регрессионные коэффициенты для суждений ($P < 0,001$ для всех коэффициентов)			
Руководство компании доходчиво и убедительно доносит до работников самые сложные решения, затрагивающие их интересы	-0,104	-0,148	0,172
Мой непосредственный руководитель постоянно заботится о своих подчиненных и берет на себя решение жизненно важных для них вопросов	-0,129	-0,183	0,180
Мой непосредственный руководитель всегда и своевременно предоставляет обратную связь по результатам моей работы	-0,168	-0,217	0,249
Моему руководителю удается поддерживать командный дух и мотивацию сотрудников (в том числе работающих удалённо)	-0,159	-0,195	0,198

Окончание табл. 3

	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Оценка личных достижений
В нашей компании поддерживается дружелюбная атмосфера и культура уважения между сотрудниками	-0,191	-0,309	0,225
Я всегда могу рассчитывать на помощь своих коллег	-0,219	-0,369	0,283
Я всегда могу рассчитывать на помощь непосредственного руководителя	-0,145	-0,233	0,223

Описанные действия привели к преодолению проблемы мультиколлинеарности. Итоговые регрессионные модели по всем трем составляющим выгорания приведены в таблице 4. Отметим, что обозначенные нами предикторы показывают достаточно высокую объяснительную силу. Так, для эмоционального выгорания они объясняют почти 45 % общей дисперсии, для деперсонализации и оценки личных достижений — около 30 %.

Таблица 4

Итоговые регрессионные модели

Предикторы	Эмоциональное истощение		Деперсонализация		Оценка личных достижений		VIF
	B	Beta	B	Beta	B	Beta	
Константа	3,672*** (0,149)		2,841*** (0,149)		1,86*** (0,127)		
Вознаграждение	-0,218*** (0,025)	-0,266	-0,099*** (0,025)	-0,135	0,071** (0,022)	0,114	1,532
Рабочая нагрузка	-0,249*** (0,023)	-0,315	-0,1*** (0,023)	-0,142	0,046* (0,02)	0,077	1,390
Я всегда могу рассчитывать на помощь своих коллег	-0,219*** (0,031)	-0,203	-0,369*** (0,031)	-0,382	0,283*** (0,026)	0,346	1,304

Продолжение табл. 4

Моя работа предоставляет мне много возможностей принимать решения по своему усмотрению	-0,004 (0,024)	-0,004	0,002 (0,024)	0,003	0,072*** (0,02)	0,110	1,223
Мой непосредственный руководитель проявляет излишний контроль за выполнением рабочих задач	0,035 (0,021)	0,043	0,047* (0,021)	0,064	-0,006 (0,018)	-0,009	1,131
Пол и наличие детей (опорная категория — мужчины без детей до 18 лет)							
Мужчины с детьми до 18 лет	-0,116* (0,053)	-0,065	-0,134* (0,053)	-0,085	0,079 (0,045)	0,059	1,475
Женщины без детей до 18 лет	0,114 (0,068)	0,050	-0,143* (0,068)	-0,070	0,072 (0,058)	0,042	1,440
Женщины с детьми до 18 лет	0,128 (0,077)	0,048	-0,123 (0,077)	-0,052	0,034 (0,066)	0,017	1,379
Должность (опорная категория — руководители)							
Рабочий	-0,182* (0,075)	-0,098	-0,06 (0,075)	-0,036	-0,087 (0,064)	-0,062	2,627
Специалист	0,01 (0,066)	0,006	0,081 (0,066)	0,052	-0,142* (0,056)	-0,107	2,309
Формат работы опорная категория — преимущественно в команде							
В одиночку	0,107 (0,056)	0,049	0,087 (0,056)	0,045	-0,154** (0,048)	-0,094	1,095
Интенсивность общения (опорная категория — работа предполагает интенсивное общение)							
Нет интенсивного общения	0,151* (0,061)	0,064	0,144* (0,061)	0,069	-0,162** (0,052)	-0,092	1,102

Формат работы во время пандемии (опорная категория — в офисе/на производстве)							
Гибрид	0,097 (0,087)	0,029	0,051 (0,087)	0,017	0,015 (0,075)	0,006	1,088
Удаленка	0,146* (0,062)	0,067	0,047 (0,062)	0,024	-0,109* (0,053)	-0,066	1,325
R2 / скорректированный R2	44,8%/43,9%		30,6%/29,5%		29,3%/28,2%		

Вознаграждение, адекватная рабочая нагрузка, возможность рассчитывать на помощь коллег и интенсивное общение являются факторами, снижающими выгорание: все они снижают эмоциональное истощение и деперсонализацию и повышают оценку личных достижений. Рабочая нагрузка при этом сильнейший предиктор эмоционального истощения. В случае деперсонализации и оценки личных достижений самым сильным предиктором является возможность рассчитывать на помощь коллег (см. значения коэффициентов beta).

Следует также отметить, что для эмоционального выгорания и деперсонализации именно эти три предиктора становятся самыми сильными в модели, в то время как для оценки личных достижений рабочая нагрузка не входит в тройку сильнейших и уступает нескольким другим факторам из модели.

Возможность принимать решения по своему усмотрению не значима для эмоционального выгорания и деперсонализации, но повышает оценку личных достижений и для этой переменной является одним из трех сильнейших предикторов. В это же время излишний контроль непосредственного руководителя не влияет на эмоциональное истощение и оценку личных достижений, но имеет повышающий эффект влияния на деперсонализацию.

По сравнению с мужчинами, не имеющими несовершеннолетних детей, женщины (вне зависимости, есть ли у них несовершеннолетние дети) имеют более высокие оценки эмоционального истощения, а мужчины с детьми, напротив, показывают более низкие оценки. Для деперсонализации снижение оценок наблюдается у мужчин, имеющих несовершеннолетних детей, и у женщин, у которых таких детей нет. Что касается оценки личных достижений, то здесь пол и наличие детей значения не имеют.

Если говорить о статусе в управленческой иерархии, то самые высокие показатели эмоционального истощения наблюдаются у опорной категории — линейных руководителей и директоров, в то время как у рабочих и у специалистов оно значительно ниже, уровень деперсонализации с должностью связи не показал, а оценка личных достижений напротив, снижена у специалистов.

Формат работы преимущественно в одиночку повышает эмоциональное истощение. Он не связан с уровнем деперсонализации и снижает оценку личных достижений. А вот интенсивное общение с людьми является фактором, снижающим выгорание: отсутствие интенсивного общения увеличивает эмоциональное истощение и деперсонализацию и одновременно снижает оценку личных достижений.

Наконец, ограничения, которые вводились в период пандемии коронавирусной инфекции, также выступили фактором выгорания: сотрудники, вынужденные перейти на удаленный формат работы, показывают более высокие показатели эмоционального истощения и снижение оценки персональных достижений.

Для удобства читателя в таблице 5 собраны факторы, снижающие или повышающие отдельные составляющие выгорания. В описании фигурируют не сами переменные операционализации из таблицы 1, а показан содержательный смысл их значений. Так, согласие респондента с двумя суждениями фактора «рабочая нагрузка» говорят о том, что последняя оценивается им как адекватная и не чрезмерная, соблюдается баланс работы и личной жизни. А на противоположном полюсе — рабочая нагрузка оценена респондентом как неадекватная (несогласие с представленными суждениями). Аналогично трактуются и остальные факторы.

Таблица 5

**Влияние организационных и индивидуальных факторов
на составляющие выгорания**

Снижают эмоциональное истощение	Повышают эмоциональное истощение
Достаточное вознаграждение	Недостаточное вознаграждение
Адекватная рабочая нагрузка	Чрезмерная рабочая нагрузка
Возможность рассчитывать на помощь коллег	Отсутствие возможности рассчитывать на помощь коллег
Принадлежность к мужскому полу и наличие несовершеннолетних детей	Принадлежность к мужскому полу Принадлежность к женскому полу (наличие несовершеннолетних детей или без детей)

Характер работы/ интенсивное общение	Характер работы/ отсутствие интенсивного общения
Невысокий статус в управленческой иерархии (рабочие)	Высокий статус в управленческой иерархии (линейный руководитель и директор)
Формат работы преимущественно в команде	Формат работы преимущественно в одиночку
Преимущественно в офисе / на производстве или гибрид	Удаленный формат работы
Снижают деперсонализацию	Повышают деперсонализацию
Достаточное вознаграждение	Недостаточное вознаграждение
Адекватная рабочая нагрузка	Чрезмерная рабочая нагрузка
Возможность рассчитывать на помощь коллег	Отсутствие возможности рассчитывать на помощь коллег
Отсутствие излишнего контроля непосредственного руководителя	Излишний контроль непосредственного руководителя
Принадлежность к мужскому полу и наличие несовершеннолетних детей	Принадлежность к мужскому полу и отсутствие детей
Принадлежность к женскому полу (без детей)	
Характер работы/ интенсивное общение	Характер работы/ отсутствие интенсивного общения
Повышают оценку личных достижений	Снижают оценку личных достижений
Достаточное вознаграждение	Недостаточное вознаграждение
Адекватная рабочая нагрузка	Чрезмерная рабочая нагрузка
Возможность рассчитывать на помощь коллег	Отсутствие возможности рассчитывать на помощь коллег
Автономия	Отсутствие автономии
Работники-мужчины, имеющие несовершеннолетних детей	Мужчины без детей
	Невысокий статус в управленческой иерархии (специалисты)
Формат работы преимущественно в команде	Формат работы преимущественно в одиночку
Характер работы/ интенсивное общение	Характер работы/ отсутствие интенсивного общения
Преимущественно в офисе / на производстве и гибрид	Удаленный формат работы

Таким образом, в результате статистического анализа собранных данных были выявлены факторы, как повышающие, так и снижающие вероятность выгорания сотрудников изучаемой компании, в разбивке по трем компонентам выгорания.

Заключение

Освещенное в статье исследование носило разведывательный характер с точки зрения изучения проявлений выгорания у работников и влияющих на него факторов, отражающих особенности промышленного сектора, поскольку оно охватило лишь одну компанию, причем в специфический момент времени. Но даже принимая в расчет указанные ограничения, а также относительно небольшой набор организационных факторов, построенные регрессионные модели показали высокое качество прогноза риска выгорания на работе при определенных условиях.

Специфика рассматриваемого кейса компании с высоким уровнем квалификации персонала, ориентацией менеджмент на социально-ответственные практики бизнеса и учет обратной связи от работников по уровню благополучия и условий работы проявляется в довольно низких показателях выгорания (см. табл. 2). Эмоциональное истощение (1,6 из 5) находится на уровне низкий — ниже среднего; деперсонализация (0,972) низкая, а оценка личных достижений (3,3 из 5) выше среднего — высокая.

Рассматриваемая компания может считаться достаточно благополучной с точки зрения оценки персоналом позитивного влияния всех изучаемых организационных факторов (вознаграждение, лидерство, рабочая нагрузка, автономия/контроль, отношения на работе). Нельзя все же исключать, что респонденты давали социально ожидаемые ответы, чем можно объяснить преобладание высоких оценок. Самые высокие оценки в числе организационных факторов получили характеристики лидерства и отношения на работе — на высоком уровне 3,24 до 3,85 из 5 возможных.

Если говорить о факторах по отдельным составляющим выгорания, то особенно чувствительной компонентой выгорания оказалось эмоциональное истощение, которое подвержено влиянию большего числа факторов, нежели две другие. Среди них на первом месте высокая рабочая нагрузка, что вполне ожидаемо, как и то обстоятельство, что работающие женщины испытывают эмоциональное истощение чаще, чем мужчины. Решение авторов расширить список организационных факторов, характеризующих условия работы, которые не так часто включали другие исследователи (удаленная занятость, работа в одиночку), и такого индивидуального фактора, как руководящая должностная позиция, оказался

оправданным, поскольку их влияние на эмоциональное выгорание в настоящем исследовании было подтверждено.

Если посмотреть на результаты исследования с другой стороны, а именно со стороны факторов, способствующих снижению выгорания, то самыми важными оказались такие организационные факторы, как справедливое вознаграждение, которое мотивирует на повышение результативности, адекватная рабочая нагрузка и возможность рассчитывать на помощь коллег. Именно они оказывают влияние на все три компонента выгорания: снижают эмоциональное истощение и деперсонализацию и повышают оценку личных достижений.

Практики УЧР в виде вознаграждения, рабочей нагрузки и такие условия работы, как отношения на работе и характер последней (интенсивность общения с людьми на рабочем месте) действуют на все три компонента выгорания. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в целом по трем регрессионным моделям для всех трех показателей выгорания именно организационные факторы являются наиболее сильными предикторами. Индивидуальные факторы значимы, но не входят в число самых сильных.

Следует обратить внимание на позитивный вклад в снижение эмоционального истощения и деперсонализации такого индивидуального фактора социально-демографического характера, как наличие у мужчин несовершеннолетних детей. Без дополнительных исследований с применением, в первую очередь, качественных методов сложно предоставить обоснованную интерпретацию механизмов воздействия этого фактора. Возможно, этот результат случайный и требует проверки в других аналогичных исследованиях. Но то, что не подлежит сомнению, это необходимость включать в число индивидуальных факторов выгорания (как и других сложных организационных феноменов состояния или поведения) те, которые отражают включенность работников в социум, в другие сообщества, в которых он играет другие социальные роли. Более полный учет социально-экономического контекста функционирования индивида в организации и вне ее, по нашему мнению, является перспективным направлением изучения механизмов формирования и распространения выгорания в современных условиях быстро меняющейся внешней и внутренней среды организации. Вопрос о дополнительных организационных и индивидуальных ресурсах, помимо тех, что уже были выявлены в исследованиях в качестве смягчающих воздействие все возрастающих рабочих требований, остается открытым. Вполне очевидна актуализация запроса на проведение эмпирических исследований и теоретического обобщения закономерностей влияния факторов разного уровня на фено-

мен выгорания сотрудников не только для профессий, предполагающих постоянный непосредственный контакт с другими людьми в стрессовых условиях, но и для организаций, находящихся в условиях непредсказуемых и быстрых изменений.

Литература / References

Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. (2013) Рабочие в реформирующейся России как объект управления и субъект труда. *Мир России*, 3: 115–150.

Bessokirnaya G.P., Temnitskiy A.L. (2013) Workers in reforming Russia as an object of management and a subject of labor. *Universe of Russia*, 3: 115–150 (in Russian).

Булгаков А.В., Кулиева Т.А. (2023) Обзор отечественных и зарубежных исследований синдрома эмоционального выгорания у сотрудников полиции: инструментарий, результаты, профилактика. *Вестник Московского университета МВД России*, 1: 326–333.

Bulgakov A.V., Kulieva T.A. (2023) Review of domestic and foreign studies of emotional burnout syndrome in police officers: tools, results, prevention. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1: 326–333 (in Russian).

Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. (2008) *Синдром выгорания: диагностика и профилактика*. СПб.: Питер.

Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. (2008) *Burnout syndrome: diagnostics and prevention*. St. Petersburg: Piter (in Russian).

Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. (2023) *Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие*. М.: Юрайт.

Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. (2023) *Burnout syndrome. Diagnostics and prevention: a practical guide*. Moscow: Yurait (in Russian).

Воронина Н.Д., Зангиева И.К. (2011) Установки работников на внутрифирменное взаимодействие в сфере социально-трудовых отношений. *Экономическая социология*, 12(5): 72–90.

Voronina N.D., Zangieva I.K. (2011) Employees' attitudes towards intra-firm interaction in the sphere of social and labor relations. *Economic Sociology*, 12(5): 72–90 (in Russian).

Гофман О.О., Водопьянова Н.Е., Джумагулова А.Ф., Никифоров Г.С. (2023) Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор. *Организационная психология*, 13(1): 117–144.

Gofman O.O., Vodopyanova N.E., Dzhumagulova A.F., Nikiforov G.S. (2023) The problem of professional burnout of specialists in the field of information technology: a theoretical review. *Organizational Psychology*, 13(1): 117–144 (in Russian).

Журавлева А., Сергиенко Е. (ред.) (2011) *Стресс, выгорание, совладание в современном контексте*. М.: Институт психологии РАН.

Zhuravleva A., Sergienko E. (eds.) (2011) *Stress, burnout, coping in the modern context*. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Кабалина В.И., Джокич А., Чеглакова Л.М. (2023) Организационный климат и выгорание сотрудников промышленной компании. *Российский журнал менеджмента* 21(2): 228–254.

Kabalina V.I., Djokic A., Cheglakova L.M. (2023) Organizational climate and burnout of employees of an industrial company. *Russian Journal of Management*, 21(2): 228–254 (in Russian).

Козина И.М., Сerezькина Е.В. (2019) Производственные факторы стресса в работе российских и французских IT-специалистов. *Социологические исследования*, (5): 26–35.

Kozina I.M., Serezhkina E.V. (2019) Production stress factors in the work of Russian and French IT specialists. *Sociological research*, 5: 26–35 (in Russian).

Липатов С.А. (2012) Проблема взаимодействия человека и организации: концепции и направления исследований. *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*. 1: 85–96.

Lipatov S.A. (2012) The problem of interaction between man and organization: concepts and directions of research. *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, 1: 85–96 (in Russian).

Орлова И.В., Филонова Е.С. (2015) Выбор экзогенных факторов в модель регрессии при мультиколлинеарности данных. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 5(1): 108–116.

Orlova I.V., Filonova E.S. (2015) Selection of exogenous factors in a regression model with multicollinearity of data. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 5(1): 108–116 (in Russian).

Русских С.В., Москвичева Л.И., Тарасенко Е.А., Тимурзиева А.Б., Макарова Е.В., Макарова Е.В., Тырановец С.В., Васильев М.Д. (2023) Взаимосвязь эмоционального выгорания с удовлетворённостью работой у врачей-онкологов терапевтического и хирургического профилей. *Организационная психология*, 13(1): 9–34.

Russkikh S.V., Moskvicheva L.I., Tarasenko E.A., Timurzieva A.B., Makarova E.V., Makarova E.V., Tyranovets S.V., Vasiliev M.D. (2023) The relationship between emotional burnout and job satisfaction in oncologists of therapeutic and surgical profiles. *Organizational Psychology*, 13(1): 9–34 (in Russian).

Сerezькина Е.В. (2019) Управление стрессом на рабочем месте: организационный подход. *Российский журнал менеджмента*, 17(2): 233–250.

Serezhkina E.V. (2019) Workplace stress management: An organizational approach. *Russian Management Journal*, 17(2): 233–250 (in Russian).

Темницкий А.Л. (2002) Социокультурные факторы трудового поведения промышленных рабочих, 1990-е годы. *Социологический журнал*, 2: 76–94.

Temnitsky A.L. (2002) Sociocultural factors of industrial workers' labor behavior, 1990s. *Sociological Journal*, 2: 76–94 (in Russian).

Темницкий А.Л. (2013) Расширение функций и контекста современных исследований удовлетворенности трудом. *Социологический журнал*, 3: 139–148.

Temnitsky A.L. (2013) Expanding the functions and context of modern job satisfaction studies. *Sociological Journal*, 3: 139–148 (in Russian).

Ajayi F.A., Udeh C.A. (2024) Combating Burnout in the IT industry: A review of employee well-being initiative. *International Journal of Applied Research in Social Sciences*, 6(4): 567–588.

Alarcon G. (2011) A meta-analysis of burnout with job demands, resources, and attitudes. *Journal of Vocational Behavior*, 79(2): 549–562.

Ayachit M., Chitta S. (2022). A systematic review of burnout studies from the hospitality literature. *Journal of Hospitality Marketing & Management*, 31 (2): 125–144.

Bakker A.B., Demerouti E., Euwema M.C. (2005) Job resources buffer the impact of job demands on burnout. *Journal of Occupational Health Psychology*, 10(2): 170–180.

Bakker A.B., Demerouti E. (2007) The job demands-resources model: State of the art. *Journal of Managerial Psychology*, 22(3): 309–328.

Bakker A.B., Demerouti E. (2017) Job Demands-Resources theory: Taking stock and looking forward. *Journal of Occupational Health Psychology*, 22(3): 273–285.

Bakker A.B., de Vries J.D. (2021) Job Demands-Resources theory and self-regulation: new explanations and remedies for job burnout. *Anxiety, Stress, & Coping*, 34(1): 1–21.

Cho E. (2020) A comprehensive review of so-called Cronbach's alpha. *Journal of Product Research*, 38(1): 9–20.

Cox T., Karanika-Murray M., Griffiths A., Houdmont J. (2008) Evaluating Organizational-level Work Stress Interventions: Beyond Traditional Methods. *Work & Stress*, 21: 348–362.

Demerouti E., Bakker A.B., Nachreiner F., Schaufeli W.B. (2001) The job demands–resources model of burnout. *Journal of Applied Psychology*, 86(3): 499–512.

Demerouti E., Mostert K., Bakker A.B. (2010) Burnout and work engagement: A thorough investigation of the independency of both constructs. *Journal of Occupational Health Psychology*, 15(3): 209–222.

Dougherty C. (2011) *Introduction to econometrics*. USA: Oxford University Press.

Janssen P.P., Schaufeli W.B., Houkes I. (1999) Work-related and individual determinants of the three burnout dimensions. *Work & Stress*, 13(1): 74–86.

Hobfoll S.E. (2001) The influence of culture, community, and the nested-self in the stress process: Advancing conservation of resources theory. *Applied Psychology*, 50(3): 337–421.

Lambert E.G., Qureshi H., Frank J., Klahm C., Smith B. (2018) Job stress, job involvement job satisfaction, and organizational commitment and their associations with job burnout among Indian police officers: a research note. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 33(2): 85–99.

Leiter M.P., Maslach C. (2004) Areas of worklife: a structured approach to organizational predictors of job burnout. In: Perrewe P.L., Ganster D.C. (eds.) *Occupational Stress and Well-being*. Oxford: Elsevier: 91–134.

Lesener T., Gusy B., Wolter C. (2019) The job demands-resources model: A meta-analytic review of longitudinal studies. *Work & Stress*, 33(1): 76–103.

Marmot M., Siegrist J., Theorell T. (2006) Health and the Psychosocial Environment at Work. In: Marmot M., Wilkinson R.G. (eds.) *Social Determinants of Health*. Oxford: Oxford University Press.

Maslach C. (1976) Burned out. *Human Behaviour*, 9: 16–22.

Maslach C., Jackson S.E., Leiter M.P. (1996) *Maslach Burnout Inventory Manual*. 3rd ed. Consulting Psychologists Press.

Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M. (2001) Job burnout. *Annual Review of Psychology*, 52(1): 397–422.

Maslach C., Leiter M.P. (2008) Early predictors of job burnout and engagement. *Journal of Applied Psychology*, 93(3): 498–512.

Maslach C., Leiter M.P. (2022) *The Burnout Challenge: Managing People's Relationships with Their Jobs*. Harvard University Press.

Maricuțoiu L., Sava F., Butta O. (2016) The effectiveness of controlled interventions on employees' burnout: A meta-analysis. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 89(1): 1–27.

Murphy L. (1995) Occupational Stress Management: Current Status and Future Directions. *Trends in Organizational Behavior*, 2: 1–14.

Palmer S., Cooper C., Thomas K. (2003) Revised Model of Organizational Stress for Use within Stress Prevention/Management and Wellbeing Programs — Brief Update. *International Journal of Health Promotion and Education*, 41(2): 57–68.

Pearlman B., Hartman E.A. (1982) Burnout: Summary and Future Research. *Human Relations*, 35(4): 283–305.

Tarcan G.Y., Tarcan M., Top M. (2017) An analysis of relationship between burnout and job satisfaction among emergency health professionals. *Total Quality Management & Business Excellence*, 28(11–12): 1339–1356.

Xanthopoulou D., Bakker A.B., Dollard M.F., Demerouti E., Schaufeli W.B., Taris T.W., Schreurs P.J.G. (2007) When do job demands particularly predict burnout? The moderating role of job resources. *Journal of Managerial Psychology*, 22(8): 766–786.

Xanthopoulou D., Bakker A.B., Demerouti E., Schaufeli W.B. (2009) Reciprocal relationships between job resources, personal resources, and work engagement. *Journal of Vocational Behavior*, 74(3): 235–244.

Источники

Более 50 % работников испытывают эмоциональное выгорание: чем им помочь. РБК Про: *сайт*. [<https://pro.rbc.ru/demo/637f14349a79473d0d570f7f>] (дата обращения: 18.01.2024).

AON (2021) *Aon Survey Finds Direct Link Between Employee Wellbeing and Business Results*. [<https://www.aon.com/canada/media/21-apr2021-aonsurveyemployeewellbeing.jsp>] (accessed: 09.01.2023).

Deloitte (2018) *Workplace burnout survey*. Deloitte. [<https://www.deloitte.com/us/en/pages/about-deloitte/articles/burnout-survey.html>] (accessed: 09.01.2023).

ILO (2016) *Workplace stress: A collective challenge*. Geneva: International Labour Organization.

WHO (2019) *Burn-out an “Occupational Phenomenon”: International Classification of Diseases*. [www.who.int/news/item/28-05-2019-burn-out-an-occupational-phenomenon-international-classification-of-diseases] (accessed: 10.07.2024).

THE INFLUENCE OF ORGANIZATIONAL AND INDIVIDUAL FACTORS ON EMPLOYEE BURNOUT

Veronika Kabalina¹ (vkabalina@hse.ru),
Natalia Voronina²,
Liudmila Cheglakova¹,
Andriya Djokic¹

¹ Graduate School of Business, HSE University, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Citation: Kabalina V., Voronina N., Cheglakova L., Djokic A. (2024) The influence of organizational and individual factors on employee burnout. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 7–39 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.1> EDN: IXYDAQ

Abstract. Over the past few years, the problem of burnout has become widespread. Despite the growing number of publications and studies, most of them focus primarily on the psychometric properties of burnout, and they are more descriptive than explanatory in nature. In publications, there is a noticeable dominance of psychological approaches and research at the individual level, which entails practical recommendations for changing the attitudes and behavior of workers, making improvements at specific workplaces, without affecting more fundamental decisions at the level of the organization as a whole. The article discusses the results of an empirical study, the purpose of which is to determine the presence and nature of the relationship between a number of organizational and individual factors and the components of burnout among employees of an industrial company. Data were collected through a survey of 915 employees in February–March 2022. To identify the relationships between factors and such components of burnout according to the model of K. Maslach and colleagues, such as emotional exhaustion, depersonalization and reduction of personal achievements, three regression

models were built, which showed a fairly high explanatory power. As a result of statistical analysis of the collected data, factors were identified that both increased and decreased the likelihood of burnout among employees of the company under study, including a breakdown by three components of burnout. Organizational factors such as fair remuneration, adequate workload, the ability to rely on coworkers for help, and intensive communication were among the factors that reduced overall burnout. Individual factors such as low status in the management hierarchy (workers and specialists) and men with minor children have proven to reduce emotional exhaustion. The scientific value of the study lies in drawing attention to the factors of burnout at work as one of the manifestations of the state and behavior of an employee in an industrial company, which is still very rarely an empirical object of research.

Keywords: burnout at work, organizational factors, individual factors, industrial company.

НЕВРОТИЗАЦИЯ РАБОТНИКОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ТРУДА В ПОСТФОРДИСТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕКАРИАТА И САЛАРИАТА

Алиса Ростиславна Милецкая
(alisamiletskaya@gmail.com),

Никита Сергеевич Якушкин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Милецкая А.Р., Якушкин Н.С. (2024) Невротизация работников нематериального труда в постфордистской экономике: сравнительный анализ прекариата и salariата. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 40–68. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.2> EDN: JBJIIS

Аннотация. Предпринята попытка анализа проявлений специфического феномена невротизации, возникающего у работников нематериального труда в условиях постфордистской экономики. Под невротизацией мы понимаем состояние, при котором у субъекта наблюдаются негативные психологические проявления, такие как депрессия и тревожность, с параллельным постоянным стремлением к совершенствованию собственных навыков, высокой рационализацией персональной жизни и планированием своего времени. Фокус на работников нематериального труда обусловлен тем, что они обладают высокой степенью самостоятельности и гибким графиком работы, но также сталкиваются со значительной ответственностью и стрессом, что может привести к негативным последствиям для психического здоровья и социальной жизни. Рассматриваются проявления невротизации среди двух социально-экономических групп работников: прекариата и salariата, различаемых по степени стабильности занятости. Сбор данных представлял собой проведение 15 глубинных интервью с представителями российских компаний и самозанятыми работниками, а также распространение опроса среди 806 человек для дальнейшего анализа с использованием как количественных, так и качественных методов. К числу выявленных ключевых психологических состояний относятся эрозия личности, деморализация, генерализированная депрессия и тревожность, а также рационализация, которым в разной степени подвержены две группы работников. Наибольшая разница наблюдается в проявлении тревоги и депрессии: у salariата их уровень значительно ниже, в то время как прекариат испытывает больше негативных психологических переживаний. Мы также выявили, что некоторые работники имеют потенциал преодолеть невротизацию в будущем, поскольку большинство работников сообщили, что карьера не является для них приоритетом в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: нематериальный труд, постфордистская экономика, невротизация, социология труда, социология власти, прекариат.

Введение

В современной трудовой сфере в условиях постфордистской экономики вместе с технологическим прогрессом и разнообразием возможностей занятости постепенно появляются новые типы работников. К таким субъектам относятся представители нематериального труда, рабочий процесс которых обладает новыми особенностями, такими как аффективный характер труда (Негри, Хардт 2006), отсутствие привязки к рабочему месту и формального внешнего контроля за процессом труда (Вирно 2015; Лаццарато 2008).

Трудовой процесс в современной экономике, особенностью которой является ориентация на производство знаний (Vercellone 2005), перемещается за пределы рабочего места прямоком в жизненное пространство субъекта (Harney 2006). Соответственно работники обладают определенной автономией в реализации рабочих задач и гибким графиком, которые позволяют им полностью самостоятельно заниматься планированием своей жизни (Горц 2010). Однако побочным эффектом является повышенное внимание к рациональному планированию своего времени для успешного выполнения задач в срок, а круглосуточная доступность таких работников позволяет всегда держаться «в тонусе» (Webster 2016), инкорпорируя логику «предпринимателя самого себя», в рамках которой субъект придерживается высокой самоэффективности и автономности (Moisander et al. 2018; Scharff 2016; McNay 2009).

В таких условиях постоянной рабочей атмосферы и озабоченности собственной продуктивностью вкупе с высоким самоконтролем, которые доводят субъекта до высокого напряжения, у работников могут возникать негативные проявления, такие как тревожные и депрессивные состояния, возникновение чувства вины при отдыхе, психологические расстройства и эмоционально тяжелые выгорания (Хан Бен Чхоль 2023). Такое состояние, при котором у работника наблюдаются подобные негативные проявления при параллельном постоянном стремлении к улучшению собственных навыков, высокой рационализации, планировании своего времени и ряде других особенностей, называется *невротизацией*.

Однако мы предполагаем, что переживание невротизации может различаться и среди работников нематериального труда. Несмотря на то что особенности занятости и характер труда схожи, важным аспектом, от которого может зависеть состояние работников, является стабильность занятости. Именно рассмотрение взаимосвязи стабильности занятости и возникающей тревожности и депрессии среди работников стало фокусом ряда зарубежных исследований (Mimoun et al. 2020; Lopez et al. 2021;

Oh et al. 2022), поэтому целесообразно рассмотреть различия восприятия респондентов именно по этой шкале.

В рамках российского научного поля данная проблематика приобретает всё большую актуальность в связи с рядом факторов. Прежде всего это связано с растущим числом работников, относимых к прекариату (Тощенко 2020). В условиях такой нестабильности возрастает значимость вопросов, связанных со свободным временем, которое становится всё более труднодостижимыми для данной категории работников (Тартыгашева 2022).

Кроме того, исследования указывают на значительную перегрузку прекариата, вызванную интенсивной трудовой деятельностью (Шевченко, Шевченко 2022). Параллельно с этим отмечаются многочисленные проявления психологической напряженности, включая стресс и выгорание (Понукалина 2023).

Множество исследований также фокусируются на нестабильной занятости как таковой, в то время как мы исследуем феномен среди группы нематериальных работников. Среди российских исследований достаточно много работ посвящено психологическим переживаниям и балансу между рабочей и личной жизнью у прекариата (Тартаковская 2019). Тем не менее российская наука сталкивается с нехваткой сравнительных данных, что затрудняет понимание специфики переживаний в зависимости от социальной группы. Это создает необходимость изучения ключевых проявлений невротизации в данном контексте.

В рамках исследования принято решение рассмотреть две группы работников нематериального труда: прекариат и салиариат (Стэндинг 2014). Такое разделение активно используется в работах социолога Г. Стэндинга, их основным различием является стабильность занятости. Несмотря на схожий характер труда и занятости работников нематериального труда, различия в стабильности занятости (группы прекариат и салиариат) могут играть ключевую роль в переживании невротизации. Соответственно цель нашего исследования — выявление ключевых характеристик невротизации среди работников нематериального труда, представителей салиариата и прекариата.

Невротизация работников нематериального труда

Относительно новое понятие «невротизация» требует объяснений. Сразу скажем, что это не диагноз в психологическом смысле, не заболевание, которое возникает исходя из внутренних особенностей нервной системы субъекта или неблагоприятных внешних факторов. Это скорее хаотично возникающее состояние, которое сопровождает работников

в условиях постфордистского труда. В то же время невротизацию нельзя назвать позитивным способом адаптации субъекта к новой форме труда. Ее особенность заключается в том, что она имеет негативные последствия на психологическое состояние работника, в некоторых случаях может приводить к различным ментальным заболеваниям. Но, подчеркнем, сама невротизация таковым не является.

Фактически невротизация выражается в наборе практик, таких как перманентное стремление к совершенствованию своих навыков, коммодификация свободного времени, рационализация персональной жизни, четкое планирование, охотная капитализация собственных когнитивных способностей и чувство самоценности исключительно в труде. Данное состояние зачастую сопровождается возникающим непроходящим чувством тревоги, боязнью упущения возможностей, депрессивными состояниями, отчуждением в межличностных отношениях и рядом других негативных проявлений (Хан Бен Чхоль 2023). Таким образом, субъект, подверженный невротизации, заставляет себя постоянно совершенствоваться (в широком смысле — в рабочих задачах, собственных навыках или в увеличении социального капитала), что приводит к перманентному напряжению.

Ключевым для данного состояния является то, что оно становится для человека «стилем жизни», которого он начинает придерживаться на постоянной основе. Это происходит из-за того, что современный характер нематериального, эмоционального труда наделяет работников механизмом самоконтроля (Корсани 2015), при котором субъект становится «экспертом самого себя» (Донзло, Гордон 2008; Fleming 2017) или воспринимает себя как бренд, который нужно постоянно конструировать и улучшать (Vallas, Hill 2018). При этом эмпирические исследования подтверждают, что предпринимательский дискурс действительно стал повсеместной чертой экономического ландшафта для многих работников (Vallas, Christin 2018), а возникающая тревога является ключевым элементом становления такого дискурса (Mackenzie, McKinlay 2021).

В рамках повышенного самоконтроля у работника не остается пространств, в которых он мог бы скрыться от принуждения, так как оно совершается самим субъектом, при этом жизнь приобретает характер перманентного внутреннего аудита (De Angelis 2007). Это приводит к субъективному восприятию, что психологические проблемы работника в условиях текущей трудовой жизни становятся его собственной ответственностью, а не следствием структурных проблем (Vachet 2024). Так, существование работника в эпоху постфордизма становится все более изнурительным (Spence, Carter 2011) и субъекту не остается ничего

ино, кроме постоянного самообвинения в непродуктивности (McNay 2009).

Первично данный стиль жизни субъект неосознанно выбирает для себя исходя исключительно из экономических соображений (Read 2009). В одном из исследований на опросных данных подтверждалось, что неолиберализм причиняет вред здоровью индивидов, культивируя оторванность от других и социальную изоляцию (Becker, Hartwich, Haslam 2021). В реалиях постфордистской экономики новые сферы и аспекты жизни в условиях проникновения рыночной логики в нематериальное (в такие области, как образование или психологическое здоровье) тоже постепенно становятся товаром (Žižek 2009; Harvey 2005). Так как рабочий процесс все больше проникает в личную жизнь индивида, рыночная логика существования становится доминирующей во всех сферах жизни. По результатам одного из российских исследований известно, что количество свободного времени трудоспособного населения снижается (Тартыгашева 2022). Личная жизнь становится временем для совершенствования своих навыков (Корсани 2007), увеличения собственной продуктивности и накопления стратегически важных знакомств, которые обеспечат преимущество на рынке труда. Товарная форма всего, что окружает работника, несомненно подталкивает его к подобному поведению, обосновывая это потенциальным достижением наивысшего успеха при следовании правилам рынка (Dardot Laval 2014).

Предполагается, что невротизация работников проявляется как следствие определенной формы занятости, которая позволяет субъекту «попадать в ловушку» невидимой власти, исходящей от него самого. Именно работникам нематериального труда, на наш взгляд, присуще такое состояние. В условиях постфордистского труда граница между трудовой и жизненной сферами размывается (Fleming 2009). Это и является той ключевой особенностью, без которой возникновение невротизации было бы невозможным. Чтобы разговор был более предметным, рассмотрим конкретные характеристики нематериального труда.

Первая особенность заключается в ориентации на производство конечного товара, а не на сам процесс труда (Вирно 2015). Процесс создания продукта, особенно при рассмотрении креативного ядра сектора нематериального производства, фактически перестает иметь физическую оболочку, что позволяет работнику существовать в гибком графике. Данная особенность имеет амбивалентное влияние на работника. С одной стороны, субъекту доступна самостоятельная модерация личного времени, что, несомненно, может быть большим преимуществом. С другой стороны, отсутствие внешнего контроля перекладывает всю ответственность за

конечную успешную реализацию продукта на самого работника, что может вызывать сильное напряжение.

Напряжение также возникает вследствие переработок, которые возникают именно из-за размытой границы рабочего и нерабочего времени (Корсани 2015; Rose, Spencer 2016). Работник, который несет полную ответственность за реализацию задачи, иногда самостоятельно избирает стратегии, при которых ему необходимо перерабатывать: накапливает большое количество дедлайнов, оставляет важные дела на самый последний момент или берет увеличенное количество задач при высокой вовлеченности в работу. Все это может приводить к полному отсутствию дней отдыха, большим задержкам на рабочем месте и многочасовым переработкам, что свидетельствует об увеличении эксплуатации из-за интенсивности труда (Marazzi, Mecchina 2007). Что самое главное — работник зачастую легитимизирует для себя переработки, объясняя это важностью задачи, миссией компании или процессом самосовершенствования.

Вместе с этим сама нематериальная форма продукта подталкивает работника к круглосуточной занятости. Когда работник покидает стены офиса, у него всегда присутствует возможность продолжать обдумывать создание товара, особенно если оно предполагает реализацию креативных способностей индивида. Это заметно преимущественно у тех, кто работает в удаленном формате, когда фиксация рабочего места может вовсе отсутствовать. Так, у современного работника появляется сама возможность круглосуточной работы, отсутствовавшая у работников материального труда при фордизме, при котором обязательным условием выполнения работы было присутствие на рабочем месте для использования производственных мощностей в создании массовых продуктов (Tolliday 1986).

Проявления невротизации

Дардо и Лаваль в книге о неолиберальном обществе говорят о психологическом состоянии современных работников. Они предполагают, что объектом власти является желание реализовать себя, так как новый неолиберальный субъект существует в рамках глобальной конкуренции, в которой он берет все риски за неудачу на себя (Dardot, Laval 2014). Он работает над собственной эффективностью, «как если бы им командовал изнутри властный приказ его собственного желания, которому невозможно сопротивляться» (Dardot, Laval 2014: 290). В связи с этим у современных работников возникают определенные психологические последствия новых систем управленческой власти.

Среди них наблюдаются следующие особенности, выделенные Дардо и Лавалем, которые будут напрямую тестироваться в исследовании.

Эрозия личности — процесс, возникающий вследствие высокой гибкости и прекарности современной занятости. При отсутствии стабильности в трудовой сфере характер индивида также начинает напоминать калейдоскоп различных черт, которые в условиях невозможности долгосрочной перспективы могут быстро меняться. Это в том числе непосредственно связано с требованием постоянного самосовершенствования, при котором субъект аккумулирует новые навыки как человеческий капитал, который нужно «обновлять» максимально часто, чтобы оставаться конкурентным.

Деморализация — особенность современных отношений между людьми, которые также становятся объектом экономических стратегий. В современной властной модели чувства и эмоции также становятся выгодными товарами. Причина разрушения социальных уз видится в постоянном сомнении в искренности выражаемых чувств и высокой мобильности, при которой в целом поддержание долгосрочных связей становится затруднительным.

Генерализованная депрессия и тревожность — депрессивное состояние, которое возникает из-за культа производительности, в котором существует индивид. Индивиды, отказывающиеся от участия в гонке за успех, становятся изгоями, которые «не смогли приложить достаточно усилий», чтобы быть успешными и счастливыми. В то же время данное состояние формируется из-за усталости субъекта при постоянной рациональной оценке собственного выбора. Это ведет к возникновению пагубных привычек и демонстративному потреблению в качестве средства спасения.

В дополнение к проявлениям, которые были описаны Дардо и Лавалем, нам хотелось бы описать еще одну особенность.

Рационализация — процесс, при котором индивид подчиняет все свое существование экономической логике планирования своей жизни для контроля рабочих задач и личного времени. В условиях, когда индивид полностью ответственен за конструирование расписания своей жизни, могут возникать проблемы с балансом между работой и личной жизнью, отсутствием отдыха в принципе. Это также напрямую сказывается на психологическом состоянии субъекта, подверженного невротизации.

Салариат и прекариат. Так как исследование предполагает изучение невротизации среди разных групп работников, два типа работников (Стэндинг 2014), которые будут рассматриваться в работе, имеют следующие особенности.

Салариат — работники с постоянной занятостью, имеющие множество социальных гарантий, имплицитное право голоса в фирме и гарантированную заработную плату. К представителям класса относятся сотрудники крупных фирм (телекоммуникационные компании, консалтинг, рекламные агентства, юридические фирмы и др.), работники правительственных учреждений и органов государственной власти. Как правило, трудоустройство закреплено бессрочным трудовым договором или срочным трудовым договором.

Прекариат — работники с временной занятостью, не имеющие социальных гарантий, стабильного социального положения, гарантированной заработной платы, фиксированного рабочего дня, у них отсутствует профессиональная самоидентификация и фактически нет контроля над трудом «сверху». К представителям класса, которых в то же время можно было бы отнести к работникам нематериального труда, преимущественно относятся работники, предлагающие свои услуги на рынках платформ (биржи фриланса). В России, как правило, трудоустройство таких работников закреплено либо договором гражданско-правового характера (ГПХ), либо работник имеет статус самозанятого, либо юридическое оформление вовсе отсутствует.

Такое деление работников на два типа для поиска различий среди их реакций обусловлено стремлением выявить, каким образом нестабильность влияет на проявление невротизации. Известно, что прекариат может переживать больший дистресс именно из-за своего нестабильного положения на рынке труда (Jonsson et al. 2021), особенно представители молодежи (MacDonald 2019). Это позволяет предположить, что невротизации молодой прекариат также подвержен в большей степени. Салариат же, обладая большими социальными гарантиями и стабильной заработной платой, возможно, испытывает меньший уровень невротизации благодаря уверенности в своем рабочем месте. Мы также хотели бы обратить внимание на то, что аспект субъективного восприятия собственной трудовой деятельности также может влиять на переживания относительно рабочей сферы (Гасюкова, Петрова 2021). Таким образом, мы можем сформировать гипотезы, которые проверим на основе количественных данных.

H1: Стабильность занятости (принадлежность к группе прекариата и salariата) связана с уровнем проявления аспектов невротизации.

H2: Социально-демографические факторы (пол, возраст, доход) связаны с уровнем проявления аспектов невротизации.

H3: Факторы, смежные с условиями труда (форма договора, продолжительность работы на одном месте) связаны с уровнем проявления аспектов невротизации.

Н4: Внутреннее ощущение возможности контроля переживаний, связанных с трудовой деятельностью, связано с уровнем проявления аспектов невротизации.

Методологическая программа исследования невротизации работников

Так как предметом исследования являются характеристики невротизации работников нематериального труда, качественные данные были получены путем сбора глубинных интервью с работниками обеих категорий. Учитывая специфическую задачу классификации рассматриваемых феноменов, появляется необходимость посмотреть «вглубь» конкретных случаев. В условиях рассмотрения определенных категорий работников имеет смысл придерживаться стратегии кейс-стади. Несмотря на достаточно широкие различия внутри этих двух категорий работников, предполагается, что форма занятости в области нематериального труда приводит к единому результату: работники испытывают невротизацию той или иной интенсивности. В рамках качественной части исследования мы ставим целью изучить особенности проявления невротизации среди двух групп работников с учетом предполагаемых переживаний. Для отбора кейсов мы воспользовались стратегией «типичного случая», которая лучше всего иллюстрирует средние показатели феномена среди конкретной группы (Штейнберг и др. 2009).

В выборку попадали респонденты, различающиеся по месту занятости (трудоустройство в компании или работа в качестве фрилансера) и форме трудового договора (ранее мы указывали, какое трудоустройство присуще той или иной группе). К базовому критерию отбора относится занятость в области нематериального труда, ключевые особенности которого были описаны в статье ранее. Выборка формировалась преимущественно методом снежного кома: первично респондентов мы находили среди работников определенных компаний, в том числе по социальным сетям и их активности в них. Впоследствии респонденты сами делились контактами тех, кто также подходил под заданные критерии, и с ними также проводились интервью. Всего проведено 7 интервью с представителями прекариата (П.1 — П.7) и 8 — с работниками, относимыми к сариариату (С.1 — С.8). Респонденты-прекарии заняты в следующих профессиональных сферах: копирайтинг, продюсирование, менеджер по социальным медиа, репетиторство, стажер-исследователь в образовательной организации. Среди представителей сариариата отобраны работники из следующих компаний: две телекоммуникационные компании, фармацевтическая компания, образовательная организация, юридическая фир-

ма. Также в выборку включены два респондента, которые заняты в некоммерческой организации и на государственной службе. Что касается гендерной сбалансированности выборки, то в ней присутствуют 9 женщин и 6 мужчин. В группу прекариата вошли представители молодежи (от 18 до 35), среди salariата присутствуют работники старше 35 лет. Все они являются жителями крупных городов России.

Для обоих типов работников был составлен практически идентичный гайд, единственная разница в котором касалась информации о фирме, в которой трудоустроен респондент (в случае прекариата вопросы о месте трудоустройства не задавались, так как у работников зачастую нет привязки к конкретной фирме).

Гайд составлен по блокам, которые при необходимости можно было комбинировать в зависимости от хода беседы. В первом блоке респондентам задавались вопросы относительно самого трудоустройства для ключевой проверки на стабильности занятости, чтобы убедиться, что опрашиваемый относится к конкретному типу работников, как было изначально сделано предположение при поиске (вопросы про стабильность занятости, социальные гарантии, профессиональную идентификацию).

Далее задавались вопросы для раскрытия переживания невротизации респондента. Они были разработаны в соотношении с теоретическим аппаратом и возможными негативными проявлениями данного процесса, которые были выдвинуты как предположения ранее (по категориям: эрозия личности, деморализация, депрессия и тревожность, рационализация).

Для анализа собранных интервью выбран качественный контент-анализ, который предполагает структурирование данных в формате транскриптов, которые были получены в рамках сбора интервью. Использование именно качественного контент-анализа обусловлено тем, что данный подход ориентирован на поиск конкретных случаев — кейсов, которые рассматриваются «во всей полноте», а сам феномен изучается не изолированно, а с учетом других характеристик жизни участников исследования (Schreier 2012). Данный метод предполагает не только изучение частоты упоминаний отдельных категорий, но и поиск центральных тем, возникающих в процессе интервью, и их взаимосвязей (Leavy 2014). В рамках анализа единицам данных присваиваются содержательные коды, которые впоследствии трансформируются в отдельные категории.

Так как перед началом сбора данных был произведена достаточно проработанная теоретическая конструкция, предполагающая создание «гипотез», на основе которых был составлен гайд интервью, имеет смысл обратиться к подходу top-down, что позволяет сразу ориентироваться на категории, изначально введенные в исследование на этапе теоретического

построения. То есть в рамках стратегии concept-driven анализа предполагается создание кодов на основе того, что было заранее подготовлено в форме предположений о конкретных проявлениях невротизации и практик сопротивления, что является оптимальным решением. В случае, если у респондентов будут отмечаться характеристики невротизации, которые ранее не были разработаны в теории, то их также продуктивно будет учитывать, делая построение на основе data-driven анализа, однако обращение к нему будет скорее комплементарным.

В целях валидации результатов качественного контент-анализа проверенные на малой выборке коды были преобразованы в форму анкеты, которая была распространена среди большего числа респондентов. Анализ количественных данных позволяет дополнить выводы качественной части исследования, так как изучение 15 кейсов хоть и позволяет достоверно сформировать представление о явлении, но недостаточно для вывода о распространенности феномена среди генеральной совокупности. Соответственно цель количественной части исследования — оценить распространенность феномена в генеральной совокупности на основе валидации выводов качественного анализа и проверки их применимости к более широкой выборке респондентов.

Для решения этой задачи бы проведен опрос среди работников нематериального труда (N=806), в котором респонденты по шкале Лайкерта оценивали показатели нестабильности своей занятости и проявление таких аспектов невротизации, как эрозия личности, деморализация, генерализованная депрессия и тревожность, а также рационализация. В качестве контрольных переменных респонденты обозначили свой пол, доход, сферу занятости, продолжительность занятости на текущем месте работы и форму, которой закреплена их трудовая деятельность (срочный или бессрочный трудовой договор, договор ГПХ, отсутствие документального закрепления). Также в опросе выявлялось мнение респондента о том, возможен ли контроль негативных переживаний в связи с трудовой деятельностью и интерес к получению рекомендаций по этому поводу — это необходимо для оценки практической актуальности исследования.

Результатом количественной части будет заключение о распространенности явления невротизации в обществе в целом (включая исследование разрезом и стратификации по полу, возрасту, сфере занятости, форме договора). Разрез по стабильности труда будет произведен по 4 показателям нестабильности, описанным ниже. Выделяются две группы работников — прекариат и салиариат, где прекариат составляют те респонденты, которые выражают ту или иную степень неуверенности по всем показателям стабильности их занятости.

Невротизация: миф или реальность?

Как изначально предполагалось в исследовании, по итогу проведения его качественной части мы можем сделать вывод, что большинство работников нематериального труда в той или иной степени переживают состояние невротизации. Стоит отметить, что всем негативным проявлениям подвержены оба типа работников.

Работники затрачивают много времени, чтобы сохранять свои компетенции на высоком уровне, а также улучшать их, и можно с большой уверенностью сказать, что периодически это приводит их в достаточно угнетенное состояние, когда они больше не способны работать с такой же интенсивностью.

Продуктивность приводит к большому количеству ментальных проблем, когда ты начинаешь сходить с ума (С. 2).

У прекариата наблюдается особенность того, что из-за своей нестабильности представители данной группы стараются охватить различные сферы, чтобы в дальнейшем определиться, в какой из них они собираются работать. Это также сильно сказывается на их самочувствии, они часто сетуют на нестабильную конкурентную обстановку, в которой им приходится существовать:

...часто кажется, что если ты ничего не делаешь, а люди вокруг реально... что-то делают, у тебя сразу работает вот это ощущение непродуктивности (П. 4).

В случае салиариата драйвером постоянного развития выступает сама компания, ее корпоративная культура принуждает субъекта к круглосуточной доступности для решения рабочих задач, а также активно поощряет саморазвитие:

...у компании, наверное, особенность такая, что нельзя стоять на месте, если ты там остаешься в одной позиции и никуда не идешь и не дергаешься, ты достигаешь потолка и у тебя нет повышения зарплаты (С. 4).

Ключевой аспект также заключается в том, что респонденты напрямую связывали это с тем, что работа подразумевает удаленный формат, и задачи можно выполнять круглосуточно, так что респондент ощущает себя всегда как на работе:

Мы все ушли на удаленку и мы работали из дома, нам выдали наши компьютеры, изменился график и работали почти круглосуточно (С. 5).

Исходя из этого, мы можем сделать вывод о весьма высоком уровне эрозии личности, который наблюдается как у salariата, так и у прекариата.

В то же время представители salariата уделяют больше внимания обеспокоенности, связанной с накоплением социального капитала, нежели представители прекариата. Для salariата поиск выгодных знакомств представляется особым стилем жизни, стратегией, которую обязательно стоит перенимать для дальнейшего успеха:

Я действительно хочу повысить свой социальный капитал напрямую, меня не волнует их отношение ко мне, это принцип личной выгоды (С. 1).

В свою очередь, работники с нестабильной занятостью отвечали на вопрос о социальном капитале с меньшим энтузиазмом, и сообщали о том, что личные отношения и знакомства у них не подчиняются, строго говоря, рыночной логике. Можно сказать, что при рассмотрении проявления деморализации по итогам глубинных интервью прекариат подвержен невротизации в менее яркой форме.

Что касается генерализированной депрессии и тревожности, то salariат и прекариат переживают данное проявление по-разному. Работники из обеих групп переживали состояния абсолютной апатии, ощущения бессмысленности в рамках своей деятельности, а также депрессивные эпизоды разной интенсивности. Однако более интенсивный характер тревоги у прекариата напрямую связан с нестабильностью занятости, при которой участник исследования не понимал, что будет завтра с его зарплатой, профессией, сможет ли он маневрировать на рынке труда или ему придется переживать тяжелые времена:

Вот такая нестабильность меня совершенно не устраивает, угнетает, тревожит, и я всячески пытаюсь ее каким-то образом преодолеть (П. 3).

Таким образом, у прекариата тревожные состояния появляются не только из-за самого рабочего процесса, который бывает довольно изматывающим, но и из-за нестабильности.

Говоря о рационализации, обе группы работников также не могут представить свою жизнь без планирования, это для них является исключительно важным аспектом жизни. Представители и salariата, и прекариата одинаково выражают беспокойство о том, чтобы планировать рабочие задачи и встречи: «... стараюсь планировать всё» (П. 6). Однако работники с нестабильной занятостью занимаются и планированием отдыха, что свидетельствует о большей рационализации своего времени.

Упоминая об отдыхе, стоит сказать, что у salariата также наблюдается более позитивная динамика: ее представители, по их словам, больше отдыхают, склонны ощущать меньшее чувство вины во время отдыха и выделять время для себя. Прекариат же практически не имеет возможности отдыха, во много из-за высокой занятости и имплицитной возможности взятия большого количества работы:

Я не могу полноценно отдыхать, потому что у меня постоянное ощущение того, что нужно это (работу) сделать (П. 1).

Данное состояние постоянного напряжения проявляется не только в решении рабочих задач, но и в виде перманентного участия в «гонке за успех»:

Если у меня какой-то успех карьерный или что-то такое. Меня хватает на неделю, наверное, радости какой-то. После этого снова гонка (П. 3).

Это однозначно свидетельствует о более интенсивном переживании невротизации среди представителей прекариата, при которой субъект не дает себе отдыха, испытывая постоянную тревогу относительно рабочих задач.

При этом некоторые представители обеих групп отмечали, что они способны периодически выходить из символической власти рабочего пространства и оставлять для себя время не-работы:

... вот я еду в метро, я принципиально решил не заниматься работой, а посидеть видео посмотреть (П. 5).

Мы можем предположить, что подобные действия являются поддерживающей практикой, при которой респондент способен осознанно очерчивать границы между работой и личной жизнью.

В финальной части интервью каждому респонденту задавался вопрос о важности карьеры в их жизнях. Однако, несмотря на то что все респон-

денты уделяли много времени работе и охотно делились этим в процессе интервью, практически все отвечали, что карьера для них не является смыслом жизни: «...со стороны я очень часто слышу, что я карьеристка, но я так себя абсолютно не ощущаю» (С. 2). Несмотря на подчинение всего своего существования логике продуктивности и инвестированию в себя, многие респонденты отказывались от утверждения, что карьера — их смысл жизни. Этот ответ крайне не согласуется с тем, что подавляющее большинство респондентов уделяет работе большую часть своей жизни. Многие указывают, что их привлекает активная деятельность, которой позволяет им заниматься работа, однако они сохраняют надежду, что впоследствии смогут уделять работе меньше времени:

Мне кажется, что есть ограничение, 4 года, но больше не стоит (работать в таком графике), я не буду (П. 5).

Это восприятие, которое наблюдается у обеих групп работников, может в перспективе сигнализировать о том, что состояние невротизации является временной трудностью, которая может быть преодолена.

Невротизация: статистические данные

Сбор данных и выборка. При составлении анкеты была выбрана шкала Лайкерта без нейтральных ответов (6 измерений, от абсолютного несогласия до абсолютного согласия), поскольку в изучении нового явления отсутствие нейтральности вынуждает респондента выбрать одну из сторон. Опрос представлял собой онлайн-анкету, которая условно разделяется на три части: измерение нестабильности, измерение невротизации и измерение контрольных переменных. На рисунках 1–5 представлены ответы среди респондентов обеих групп, salariата и прекариата (N=806).

К измерению **нестабильности** относятся следующие суждения (рис. 1):

Я уверен, что мое рабочее место мне гарантировано.

Я уверен, что буду стабильно получать зарплату на моем текущем месте работы.

Я четко осознаю, какую роль я занимаю на рынке труда.

Мой рабочий день регулярен и нормирован.

Измерение невротизации разделено на 4 блока.

Эрозия личности (рис. 2):

Большую часть времени я уделяю работе.

Я беспокоюсь о том, чтобы быть продуктивным.

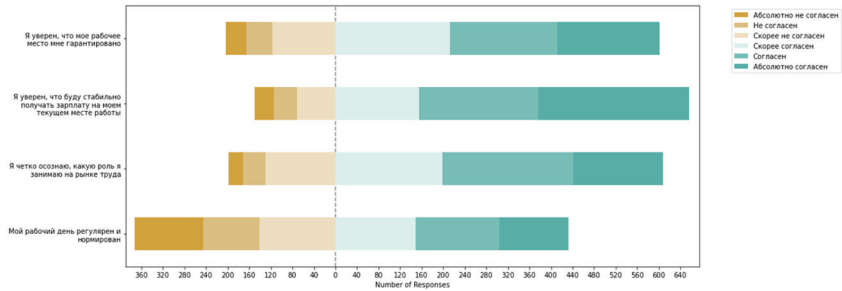

Рис. 1. Распределение ответов по показателям нестабильности по всей выборке

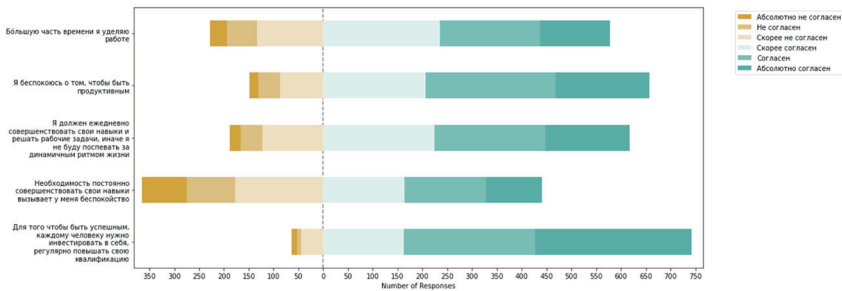

Рис. 2. Распределение показателей эрозии личности по всей выборке

Я должен ежедневно совершенствовать свои навыки и решать рабочие задачи, иначе я не буду поспевать за динамичным ритмом жизни.

Необходимость постоянно совершенствовать свои навыки вызывает у меня беспокойство.

Для того чтобы быть успешным, каждому человеку нужно инвестировать в себя, регулярно повышать свою квалификацию.

Деморализация (рис. 3):

Все мои личные отношения построены на их полезности для моей будущей карьеры.

Я сужу о человеке исключительно по его должности/положению в обществе.

Отношения, построенные ради продвижения по карьере, являются приоритетными для меня.

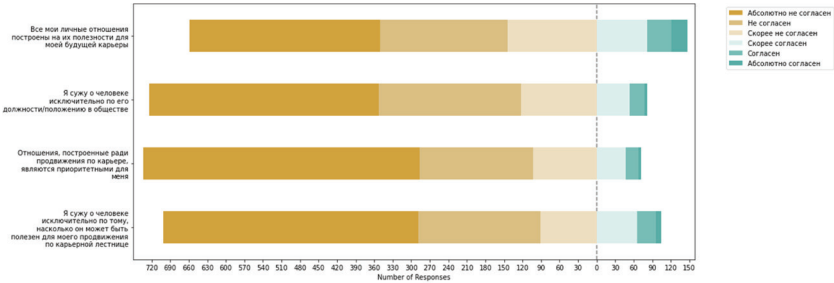

Рис. 3. Распределение показателей деморализации по всей выборке

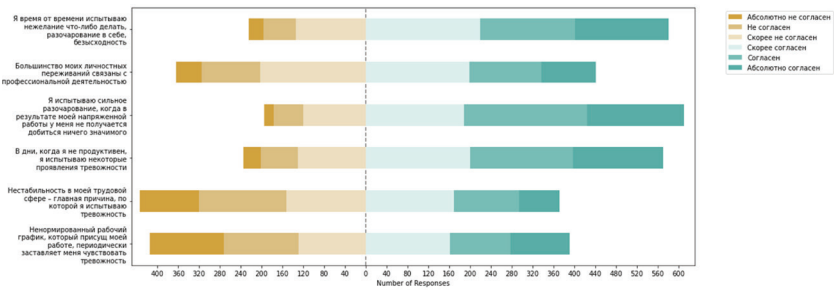

Рис. 4. Распределение показателей депрессии и тревожности по всей выборке

Я сужу о человеке исключительно по тому, насколько он может быть полезен для моего продвижения по карьерной лестнице.

Депрессия и тревожность (рис. 4):

Я время от времени испытываю нежелание что-либо делать, разочарование в себе, безысходность.

Большинство моих личностных переживаний связаны с профессиональной деятельностью.

Я испытываю сильное разочарование, когда в результате моей напряженной работы у меня не получается добиться ничего значимого.

В дни, когда я не продуктивен, я испытываю некоторые проявления тревожности (утомляемость, раздражительность, необъяснимое чувство страха, колебания настроения, трудность в засыпании и др.).

Нестабильность в моей трудовой сфере — главная причина, по которой я испытываю тревожность.

Ненормированный рабочий график, который присущ моей работе, периодически заставляет меня чувствовать тревожность.

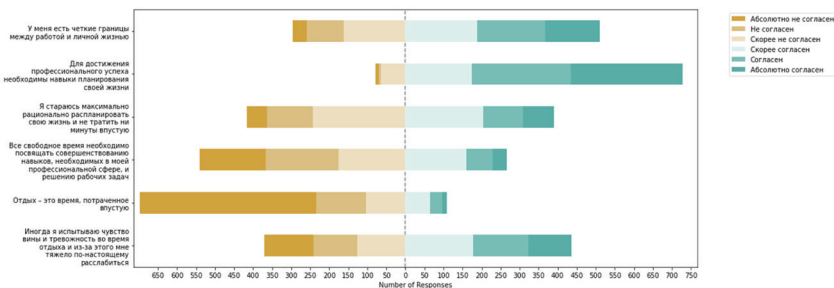

Рис. 5. Распределение показателей рационализации по всей выборке

Рационализация (рис. 5):

- У меня есть четкие границы между работой и личной жизнью.*
- Для достижения профессионального успеха необходимы навыки планирования своей жизни.*
- Я стараюсь максимально рационально распланировать свою жизнь и не тратить ни минуты впустую.*
- Все свободное время необходимо посвящать совершенствованию навыков, необходимых в моей профессиональной сфере, и решению рабочих задач.*
- Отдых — это время, потраченное впустую.*
- Иногда я испытываю чувство вины и тревожность во время отдыха и из-за этого мне тяжело по-настоящему расслабиться .*

Каждое суждение построено так, что более высокий ответ свидетельствует о более выраженном проявлении невротизации. Это свойство позволяет однородно сравнивать эти аспекты невротизации и однозначно утверждать, что большее значение каждого тождественно большей невротизации.

При указании сферы занятости респондент выбирал из заданных заранее категорий (но мог указать «Другое» и вписать сферу самостоятельно), доход также представлен категориальной переменной (респондент выбирал ответ из шести категорий от «Едва хватает на покупку еды» до «Хватает на покупку квартиры, дачи»), время занятости на текущем месте — от «менее одного года» до «более пяти лет», форма договора — также категориальная переменная (ГПХ, бессрочные и срочные трудовой, отсутствие документарного закрепления), пол — бинарная переменная. Также в опросе уточнялся город проживания.

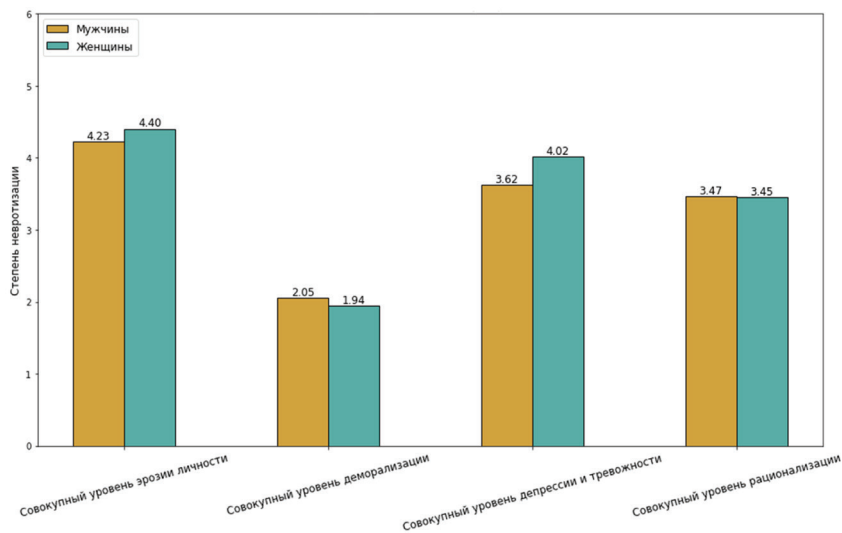

Рис. 6. Невротизация в разрезе пола

Необходимо отметить некоторые ограничения: медианный возраст респондентов — 23 года; 75 % выборки моложе 29 лет; 65,39 % — женщины; около половины выборки недавно меняли место работы (46,15 % работают на текущем месте меньше года); около 65 % — москвичи; среди 18 категорий сфер занятости примерно 20 % выборки представлены сферой ИТ, 20 % — сферой образования и науки; распределение доходов равномерно.

В действительности это сужает возможности для формирования выводов относительно населения всей страны. Результаты исследования отражают специфику анализируемой выборки, где 65 % проживают в Москве, 46 % недавно сменили место работы, а значительная часть занята в сферах ИТ (20 %) и образования (20 %). Это позволяет предположить, что наибольшую релевантность результаты могут иметь для молодых сотрудников нематериального труда, которые не так давно работают на текущем месте занятости.

При подробном анализе результатов количественной части исследования был установлен ряд взаимосвязей между аспектами невротизации и статусами принадлежности к различным социально-демографическим стратам. Согласно результатам опроса, наблюдается значительный гендерный дисбаланс в сторону большей склонности к депрессии и тревожности у женщин (4,02 против 3,62 у мужчин) (рис. 6). Других связей

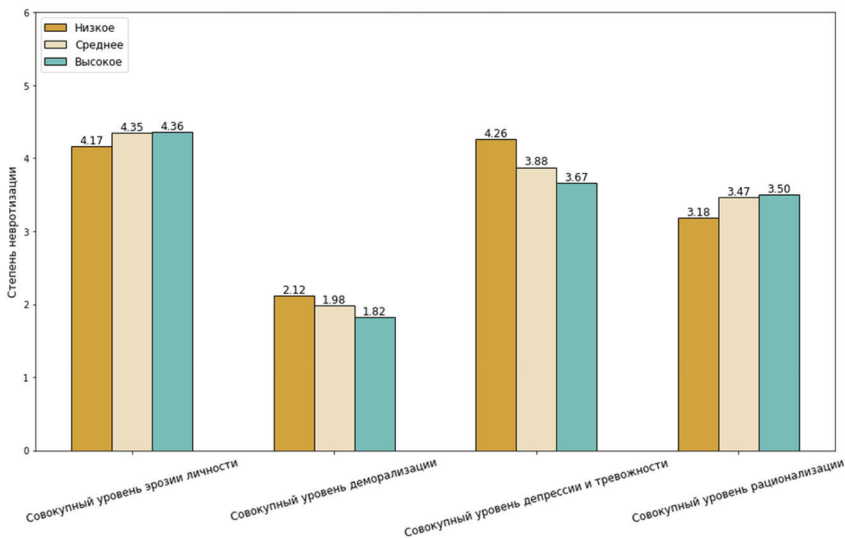

Рис. 7. Невротизация в разрезе материального положения

между аспектами невротизации и гендерной принадлежностью не выявлено.

Вместе с тем важно отметить влияние уровня дохода на исследуемые аспекты (рис. 7): чем выше доход респондента, тем меньше он подвержен деморализации и депрессии, но больше рационализации и эрозии личности. Зависимость роста эрозии личности и рационализации от повышения дохода объяснима особенностями постфордистской экономики, в рамках которой основным ресурсом и источником стоимости становится знание. Следовательно, успешность работника нематериального труда напрямую зависит от его способностей к постоянному повышению квалификации, инкорпорации логики «предпринимателя самого себя» и высокой степени самоэффективности, что и проявляется в виде повышенного уровня эрозии личности (необходимо постоянно работать и обучаться для повышения квалификации) и уровню рационализации (необходимо постоянно оптимизировать рабочие процессы и посвящать свое время работе).

Таким образом, при достижении определенного уровня дохода респондент в целом остается невротизированным, если судить по остальным ее проявлениям, однако не испытывает однозначно негативных проявлений невротизации, таких как депрессия и тревожность. Это дает основания полагать, что при условии достойной оплаты труда работник

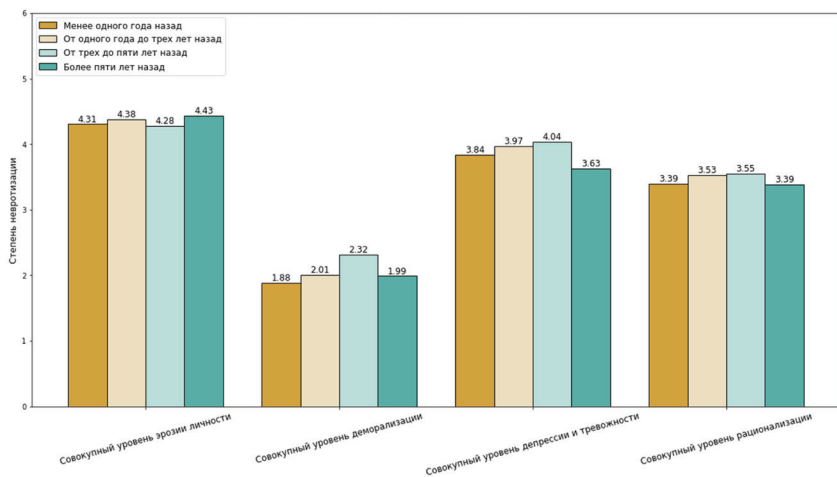

Рис. 8. Невротизация в разрезе периода последней смены работы

не достигает критически высокого уровня невротизации, который начинает негативно сказываться на его ментальном состоянии.

На основании данных по занятости, факторами, влияющими на уровень невротизации, являются срок работы на одном месте и вид договора, которым закреплены трудовые отношения (рис. 8). Длительный срок работы на одном месте (от пяти лет) ведет к незначительному росту двух проявлений невротизации, а именно эрозии личности и деморализации. В том числе мы можем наблюдать снижение уровня депрессии и тревожности, который также наблюдается у респондентов, которые трудоустроены на одном месте более пяти лет. Что касается рационализации, то она находится на одинаковом уровне у работников, которые пришли на новое место менее года назад, а также у тех, кто работает на одном месте более пяти лет. Соответственно нельзя сказать, что уровень невротизации однозначно зависит от стабильности занятости, что в некоторой степени противоречит выводам, полученным на этапе качественного анализа.

Для проверки гипотезы о том, что нестабильность занятости оказывает влияние на проявления невротизации, мы получили результаты медианного теста Муда, который показал статистически значимые различия между группами работников (салиариат и прекариат). Согласно тесту Муда, группы прекариата и салиариата имеют статистически значимые различия ($p\text{-value} < 0.00001$) только по параметрам депрессии и тревожности (табл. 1). Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что

Таблица 1

Результаты медианного тест Муда

	Совокупный уровень эрозии личности	Совокупный уровень деморализации	Совокупный уровень депрессии и тревожности	Совокупный уровень рационализации
Хи-квадрат Пирсона	1.12	0.53	22.83	0.0
P-value	0.29	0.47	0.0	0.99
Медиана	4.4			
	1.75	3.83	3.5	
Вывод	Различия между группами статистически незначимы	Различия между группами статистически незначимы	Различия между группами статистически значимы	Различия между группами статистически незначимы

представители прекариата испытывают значительно больший дистресс, связанный с тревогой и депрессией, нежели работники со стабильной занятостью.

Важным результатом количественной части исследования невротизации стало установление тенденции, показывающей снижение уровня депрессии с увеличением осознанного контроля над негативными переживаниями (рис. 9). Мы можем сделать вывод о том, что снижение депрессии ускоряется с ростом ощущения контроля.

Респонденты, которые считают контроль негативных рабочих переживаний невозможным, чаще испытывают проявления депрессии и тревожности. Таким образом, осознанный работником контроль негативных трудовых переживаний не только возможен, но и снижает уровень депрессии. Исходя из этого, мы делаем вывод, что распространение результатов данного исследования может потенциально увеличить осведомленность сотрудников в вопросе контроля негативных рабочих переживаний, что, как было доказано выше, приведет к снижению уровня депрессии и тревожности.

Если рассматривать результаты исследования применительно ко всем социально-демографическим стратам в совокупности, то необходимо выделить несколько общих трендов, влияющих на уровень невротизации.

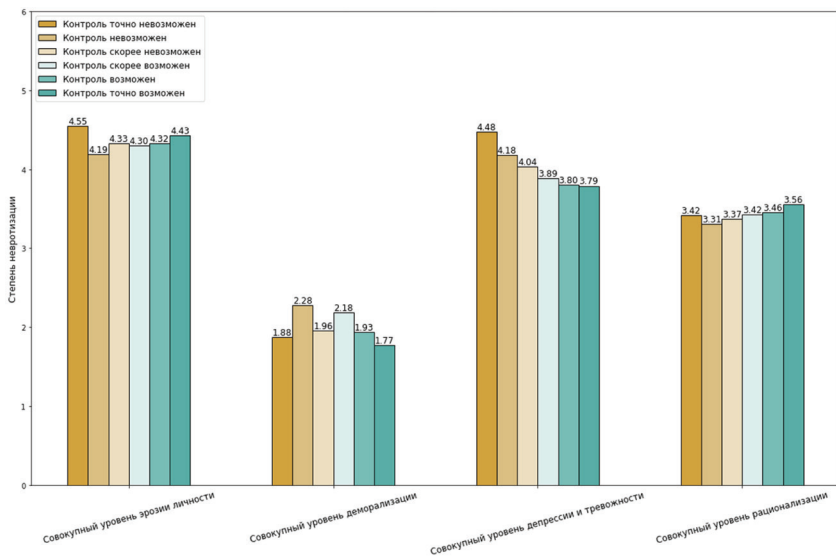

Рис. 9. Невротизация в разрезе субъективных ощущений возможности контроля негативных аспектов невротизации

Во-первых, на психологическое благополучие влияет уровень заработной платы (как финансовой отдачи от перманентных усилий по обучению и повышению квалификации) и динамика в смене мест работы. Во-вторых, положительное влияние оказывают факторы стабильности (бессрочный трудовой договор и большой стаж). В-третьих, фактор нестабильности занятости не является сам по себе весомым для оценки уровня невротизации среди работников нематериального труда.

Заключение

Опираясь на полученные результаты, можно с уверенностью сказать, что невротизация — это реальный феномен, который присутствует в жизни большинства работников нематериального труда, вне зависимости от того, принадлежат они к группе салиариата или прекариата. На данном этапе нам стоит выделить основные характеристики, которые присущи той или иной группе.

Что касается салиариата, то в целом представители данной группы подвержены всем категориям невротизации, которые проверялись в ходе исследования. Его представители, как правило, высоко обеспокоены совершенствованием своих навыков, постоянной рабочей занятостью и по-

свящают труду субъективно много времени. Также такие работники подвержены деморализации, процессу, при котором личные знакомства и построение социальных уз становится объектом экономических стратегий. Работники отмечали, что их знакомства во многом детерминированы стремлением накопить социальный капитал, который впоследствии будет выгодным инструментом в их руках. Это потенциально ведет к разрушению долгосрочных контактов и потери эмоциональной близости с другими людьми.

Тем не менее опрос широкой аудитории показал, что деморализация — наименее распространенное проявление невротизации (см. рис. 3). Настолько нераспространенное, что скорее можно утверждать, что текущая конъюнктура рынка труда не ведет к коммерциализации личностных отношений. Салариат также испытывает депрессивные и тревожные состояния, которые возникают из-за высокой интенсивности работы. Причем такие состояния зачастую сменяются эмоциональными подъемами и «гонка за успех» развивается с новой силой. Планирование для salariата является важным аспектом, без которого он не представляет своей жизни. Перманентная рационализация своего времени также достаточно серьезный признак того, что респондент сильно подвержен невротизации.

Представители прекариата также сильно подвержены невротизации. Они работают практически без выходных и стараются разносторонне развивать свои навыки, во многом из-за нестабильности занятости, вследствие которой работник лишается гарантий в виде получения постоянного дохода. В том числе на них влияет конкурентная обстановка на рынке труда, которая является драйвером их практически круглосуточной работы. Однако данные работники не обеспокоены накоплением своего социального капитала, поэтому их взаимоотношения скорее в меньшей степени продиктованы рыночной логикой. Тем не менее они в большей степени испытывают депрессивные и тревожные состояния, потенциально из-за ненормированного рабочего графика, который позволяет им брать неограниченное количество заказов, а также из-за нестабильности в их жизни, которая доводит субъекта до эмоционального истощения. Прекариату также близка характеристика рационализации, при которой планирование является базовой установкой для успешной жизни.

Полученные результаты явно свидетельствуют о широкой распространенности феномена среди двух групп работников, что заставляет нас поставить вопрос о дальнейших возможностях развития исследования.

Первое, о чем стоит сказать, это важность осознания своего неблагоприятного положения. Как мы отмечали, в количественной части иссле-

дования была обнаружена связь между ощущением индивида способности контролировать негативные рабочие переживания и уровнем депрессии. Соответственно именно отсутствие у индивида игнорирования своего положения является гарантом того, что он не будет испытывать интенсивных негативных переживаний. Поэтому распространение знания о невротизации может способствовать культивации здорового психического состояния.

Подобные выводы стимулируют нас задуматься о разработке советов по предотвращению невротизации в будущем и их дальнейшего распространения. Различные техники, связанные с осознанностью, могут оказать благоприятное влияние на психологическое благополучие, при котором признание собственного проблемного положения уже помогут справиться с ситуацией перегрузки. На основе анализа интервью мы можем предположить, что очерчивание границ между работой и личной жизнью, связанные с выходом из поля рабочего пространства, могут оказывать терапевтическое действие на невротизированного индивида. На данный момент отметим, что более подробная разработка советов в будущем может являться фокусом отдельной работы, посвященной проблематике невротизации.

Помимо этого, потенциальная возможность преодоления невротизации напрямую связана с тем, что работники, несмотря на свой загруженный график и постоянное самосовершенствования, не центрируют карьерный успех в своей жизни. Таким образом, мы наблюдаем противоречие между поведением работника и его когнитивным уровнем мышления. Это наталкивает нас на мысль, что в перспективе невротизация может быть преодолена каждым работником, однако это относится к исследованию глубинных установок. Развитие данных вопросов является ключевым для дальнейших исследований в области изучения невротизации работников нематериального труда в постфордистской экономике.

Литература / References

Вирно П. (2015) *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Virno P. (2015) *The grammar of multitude: towards an analysis of the form of modern life*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Гасюкова Е., Петрова А. (2021) Субъективные оценки нестабильной занятости: так ли уж плохо быть нестабильным? *Экономическая социология*, 22(3): 39–70.

Gasiukova E., Petrova A. (2021) The Subjective Perception of Employment Instability: Is It Bad to Be Unstable? *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 22(3): 39–70 (in Russian).

Горц А. (2010) *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Gorz A. (2010) *Immaterial. Knowledge, value and capital*. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vyshej shkoly ekonomiki (in Russian).

Донзло Ж., Гордон К. (2008) Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире. *Логос*, 2(65): 3–20.

Donzlo Z., Gordon K. (2008) *Governing Liberal Societies — the Foucault Effect in the English-speaking World*. *Logos*, 2(65): 3–20 (in Russian).

Корсани А. (2007) Капитализм, биотехнология и неолиберализм. *Логос*, 4(61): 123–143.

Korsani A. (2007) *Capitalism, biotechnology and neoliberalism*. *Logos*, 4(61): 123–143 (in Russian).

Корсани А. (2015) Трансформации труда и его темпоральностей. Хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени. *Логос*, 25(3): 51–71.

Korsani A. (2015) *Transformation of labor and its temporalities. Chronological disorientation and colonization of non-working hours*. *Logos*, 25(3): 51–71 (in Russian).

Лаццарато М. (2008) Нематериальный труд. *Художественный журнал*, 69.

Lazzarato M. (2008) *Immaterial labor*. *Khudozhestvennyy zhurnal [Art Magazine]*, 69 (in Russian).

Негри А., Хардт М. (2006) *Множество: война и демократия в эпоху Империи*. М.: Культурная революция.

Negri A., Hardt M. (2006) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya (in Russian).

Понукалина О.В. (2023) Соотношение труда и досуга в условиях цифровых трансформаций. *Logos et Praxis*, 22(4): 124–132.

Ponukalina O.V. (2023) *Correlation of labor and leisure in the context of digital transformations*. *Logos et Praxis*, 22(4): 124–132 (in Russian).

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ad Marginem.

Standing G. (2014) *The Precariat. The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem (in Russian).

Тартаковская И. (2019) Баланс жизни и труда precarious работников: гендерные аспекты. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3: 163–178.

Tartakovskaya I. (2019) *Work-life balance of precarious workers: gender aspects. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3: 163–178 (in Russian).

Тартыгашева Г. (2022) О досуге российских работников. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 3: 69–81.

Tartygasheva G. (2022) *On leisure of Russian workers. Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie» [Bulletin of RSUH. Series “Philosophy. Sociology. Art Studies”]*, 3: 69–81 (in Russian).

Тощенко Ж.Т. (2020) Прекарная занятость — феномен современной экономики. *Социологические исследования*, 8: 3–13.

Toshchenko Zh.T. (2020) Precarious employment — a phenomenon of the modern economy. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 3–13 (in Russian).

Хан Бен-Чхоль (2023) *Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива*. М.: АСТ.

Han Byung-chul (2023) *The fatigue society. Negative experiences in an era of excessive positivity*. Moscow: AST Publ. (in Russian).

Шевченко И., Шевченко П. (2022) От прекарнизации занятости к прекарнизации жизни? *Социологические исследования*, 7: 63–75.

Shevchenko I., Shevchenko P. (2022) From precarization of employment to precarization of life? *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 7: 63–75 (in Russian).

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. (2009) *Качественные методы. Полевые социологические исследования*. СПб.: Алетейя.

Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (2009) *Qualitative methods. Field sociological research*. St. Petersburg: Aleteia Publ. (in Russian).

Becker J.C., Hartwich L., Haslam S.A. (2021) Neoliberalism can reduce well-being by promoting a sense of social disconnection, competition, and loneliness. *British Journal of Social Psychology*, 60(3): 947–965.

Dardot P., Laval C. (2014) *The new way of the world: On neoliberal society*. New York: Verso Books.

De Angelis M. (2007) Measure, excess and translation: some notes on cognitive capitalism. *The Commoner*, 12: 71–78.

Fleming P. (2009) *Authenticity and the cultural politics of work: New forms of informal control*. Oxford: Oxford University Press.

Fleming P. (2017) The human capital hoax: Work, debt and insecurity in the era of Uberization. *Organization Studies*, 38(5): 691–709.

Harney S. (2006) Management and self-activity: Accounting for the crisis in profit-taking. *Critical Perspectives on Accounting*, 17(7): 935–946.

Harvey D. (2005) *A brief history of neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.

Jonsson J., Matilla-Santander N., Kreshpaj B et al. (2021) Precarious employment and general, mental and physical health in Stockholm, Sweden: a cross-sectional study. *Scandinavian Journal of Public Health*, 49(2): 228–236.

Leavy P. (ed.) (2014) *The Oxford handbook of qualitative research*. Oxford: Oxford University Press.

Lopez G. et al. (2021) Effects of precarious work on symptomatology of anxiety and depression in Chilean workers, a cross sectional study. *BMC Public Health*, 21: 1–11.

MacDonald R., Giazitzoglou A. (2019). Youth, enterprise and precarity: or, what is, and what is wrong with, the 'gig economy'? *Journal of Sociology*, 55(4): 724–740.

Mackenzie E., McKinlay A. (2021) Hope labour and the psychic life of cultural work. *Human relations*, 74(11): 1841–1863.

Marazzi C., Mecchia G. (2007) Rules for the Incommensurable. *SubStance*, 36(1): 11–36.

McNay L. (2009) Self as enterprise: Dilemmas of control and resistance in Foucault's The Birth of Biopolitics. *Theory, culture & society*, 26(6): 55–77.

Mimoun E., Ben Ari A., Margalit D. (2020) Psychological aspects of employment instability during the COVID-19 pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(S1): S183.

Moisander J., Groß C., Eräranta K. (2018) Mechanisms of biopower and neoliberal governmentality in precarious work: Mobilizing the dependent self-employed as independent business owners. *Human Relations*, 71(3): 375–398.

Oh J.W., Park J.Y., Lee S. (2022) Association between employment stability and depression as moderated by gender among South Korean employees. *Journal of Affective Disorders*, 298: 308–315.

Read J. (2009) A genealogy of homo-economicus: Neoliberalism and the production of subjectivity. *Foucault Studies*, 6(1): 25–36.

Rose J., Spencer C. (2016) Immaterial labour in spaces of leisure: Producing biopolitical subjectivities through Facebook. *Leisure Studies*, 45(6): 809–826.

Schreier M. (2012) *Qualitative Content Analysis in Practice*. London: Sage.

Scharff C. (2016) The psychic life of neoliberalism: Mapping the contours of entrepreneurial subjectivity. *Theory, culture & society*, 33(6): 107–122.

Spence C., Carter D. (2011) Accounting for the general intellect: immaterial labour and the social factory. *Critical Perspectives on Accounting*, 22(3): 304–315.

Tolliday S., Zeitlin J. (1986) Between Fordism and flexibility: the automobile industry and its workers-past, present and future. *CEPR Discussion Papers*, 131: 1–60.

Vachet J. (2024) Toward a sociological explanation of anxiety: Precariousness, class and gender among independent musicians. *The Sociological Review*.

Vallas S.P., Christin A. (2018) Work and identity in an era of precarious employment: How workers respond to “personal branding” discourse. *Work and Occupations*, 45(1): 3–37.

Vallas S.P., Hill A.L. (2018) Reconfiguring worker subjectivity: Career advice literature and the “branding” of the worker's self. *Sociological Forum*, 33(2): 287–309.

Vercellone C. (2005) *The hypothesis of cognitive capitalism*. London: Birkbeck College and SOAS.

Webster J. (2016) Microworkers of the gig economy: Separate and precarious. *New labor forum*, 25(3): 56–64.

Žižek S. (2009) *First as tragedy, then as farce*. London: Verso.

NEUROTICIZATION OF IMMATERIAL WORKERS IN POST-FORDIST ECONOMY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PRECARIAT AND THE SALARIAT

Alisa R. Miletskaya (alisamiletskaya@gmail.com),
Nikita S. Yakushkin

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Miletskaya A.R., Yakushkin N.S. (2024) Neuroticization of immaterial workers in post-fordist economy: a comparative analysis of the precariat and the salariat. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 40–68 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.2> EDN: JBZIIS

Abstract. In this paper authors attempt to analyse the demonstration of a specific phenomenon — neuroticization — arising among workers of immaterial labour under conditions of post-fordist economy. Neuroticization is a condition in which the subject has negative psychological manifestations such as depression and anxiety, with a parallel constant desire to improve their own skills, high rationalisation of personal life and planning of their time. The focus on this type of worker stems from the fact that they possess a high degree of autonomy and flexible working hours, but also face burdensome responsibility and stress, which can lead to negative consequences for their mental health and social life. This study examines the demonstration of neuroticization among two socio-economic groups of workers: the precariat and the salariat, differing in terms of workplace stability. Data collection consisted of 15 in-depth interviews with representatives of Russian companies and self-employed workers, as well as distribution of the survey among 806 residents for further analysis using both quantitative and qualitative methods. Key psychological states identified include personality erosion, demoralization, generalized depression and anxiety, and rationalization, to which the two groups of workers are affected to varying degrees. The most striking difference is observed in the manifestation of anxiety and depression: stable workers have significantly lower levels of these, while the precariat experience greater negative psychological problems. We also identified that some workers tend to overcome neuroticization in future, as the majority of workers reported that career was not a priority for them in the long run.

Keywords: immaterial labor, post-fordist economy, neuroticization, sociology of labor, sociology of power, precariat.

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ: ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА И КУЛЬТУРЫ

Нина Львовна Русинова (nrusinova@gmail.com),
Вячеслав Владимирович Сафронов (vsafironov@list.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Цитирование: Русинова Н.Л., Сафронов В.В. (2024) Переживание одиночества и проблемы со здоровьем: значение социально-экономического контекста и культуры. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 69–92.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.3> EDN: KISGEP

Аннотация. В исследовании рассматривается зависимость между переживанием человеком одиночества и состоянием его здоровья и анализируются общественные условия, способствующие ее проявлению. Научная литература свидетельствует, что чувство одиночества сопряжено со стрессовыми воздействиями на организм, которые негативно сказываются на здоровье. В то же время малоизученным остается вопрос о том, какие факторы общественного контекста способны усилить это влияние одиночества на здоровье. С целью его прояснения было выполнено двухуровневое линейное моделирование с использованием опросных данных Международной программы социальных исследований (ISSP 2017), включающей 29 стран из различных регионов мира, в том числе и Россию, а также сведений сравнительной статистики и аналитики о социально-экономическом развитии этих стран, их культуре и демографической структуре. Результаты показывают, что одиночество действительно отрицательно связано с самочувствием, и эта зависимость проявляется с большей силой в одних странах, чем в других. Общественные условия, способствующие ее усилению, включают уровень экономического и социального развития стран, особенности их культуры и возрастной структуры. С ростом благосостояния и социальной защищенности повышаются оценки людьми своего здоровья, причем это повышение оказывается менее заметным среди тех, кто испытывает чувство одиночества, вследствие чего социально-экономическое развитие приводит к более выраженной зависимости между одиночеством и здоровьем. Она оказалась более отчетливой и в странах с большей долей пожилого населения. При сходном состоянии экономики негативное влияние одиночества на самочувствие индивидов было заметнее в коллективистских обществах, чем в индивидуалистических.

Ключевые слова: здоровье, переживание одиночества, влияние одиночества на самочувствие, контекстуальные различия, социально-экономическое развитие, коллективистская/индивидуалистическая культура, Международная программа социальных исследований (ISSP 2017).

Одиночество и здоровье: состояние исследований

Интерес к потенциальной значимости для здоровья социальных связей или их отсутствия — изоляции и одиночества, растет во всем мире (Alberts 2020; Fried et al. 2020; Leigh-Hunt et al. 2017). Привлечению особого внимания к этой проблеме в последние два десятилетия могли способствовать глобальные социальные изменения, меняющие контур и контекст социальных отношений и приводящие к атомизации общества и росту числа одиноко проживающих людей (например, старение населения, появление новых более фрагментированных семейных структур, компьютерные технологии, изменение форм занятости, повышение социальной мобильности населения, углубление социальных неравенств); дальнейшее распространение культурных ориентаций на ценности индивидуализма и автономии; а также растущий объем научных данных, демонстрирующих краткосрочные и долгосрочные последствия для здоровья.

Новый всплеск беспокойности проблемами социальной изоляции и одиночества был вызван пандемией COVID-19, сопровождавшейся внедрением политики и практики, направленных на сокращение по всему миру социальных контактов во всех слоях общества (Holt-Lunstad 2022). Однако новые тенденции, связанные с нынешней пандемией, не должны скрывать тот факт, что одиночество было определено как одна из самых острых проблем нашего времени, так что стало обычным говорить об «эпидемии одиночества» (Killeen 2002), задолго до ее наступления.

Широкое распространение одиночества по всему миру и высокая значимость этой проблемы для здоровья и благополучия как отдельных индивидов, так и обществ в целом, заставляет ведущие международные организации и правительства ряда стран рассматривать борьбу с этим социально-деструктивным явлением, как одну из ключевых стратегических целей общественного здравоохранения (Holt-Lunstad 2022). В то же время по оценкам аналитиков (Fried et al. 2020) на сегодняшний день все еще сохраняются большие пробелы в понимании феномена одиночества, социальных закономерностей в его распространении, а также характера его сложных связей с физическим и психическим здоровьем.

Заметный вклад в осмысление феномена одиночества и разработку новых подходов к концептуализации этого понятия вносят и отечествен-

ные исследователи (Коркия 2020; Пузанова 2009; Ткач, Русакова 2024; Чурилова, Каминская 2020). Изучается сущность этого явления, причины его возникновения, характерные проявления, стратегии преодоления (Корчагина 2005; Давыдова 2001). Тема одиночества активно разрабатывается также в связи с социальными рисками, связанными с определенными этапами жизненного пути. Это касается в первую очередь пожилого возраста (Акутина, Столярова 2021; Елютина, Трофимова 2017; Седых, Гуляева 2022) и в не меньшей степени подросткового возраста и молодежи (Белых 2018; Примаков, Саутина 2018). Особое внимание привлечено к изучению взаимосвязи состояния одиночества и девиантного поведения подростков (Казанская 2015). Между тем среди многочисленных отечественных работ, посвященных проблемам одиночества, можно найти лишь отдельные исследования (Заворотных 2008; Козырева, Смирнов 2020), затрагивающие интересующую нас тему взаимосвязи одиночества и состояния здоровья человека.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что одиночество следует понимать как негативное субъективное переживание, вызванное недовольством индивида количественными и качественными аспектами социальных отношений — их несоответствием его ожиданиям (Козырева, Смирнов 2022; Пузанова 2008; 2009; Perlman, Peplau 1981). Чувство одиночества отличается от одинокого проживания и от социальной изоляции, указывающей на недостаточную интеграцию человека в социальные сети, — даже поддерживая отношения с другими людьми, он может быть ими не удовлетворен (Valtorta et al. 2016a). Исследования показывают, что у одиночества имеются социальные корни (Козырева, Смирнов 2020; Barjaková, Garnero, d’Hombres 2023) — оно различается по возрастным категориям и полу, с большей вероятностью обнаруживается среди людей с низким социальным статусом и в социально уязвимых группах, включая безработных, мигрантов, этнические меньшинства. Предрасположенность к одиночеству может быть связана и с личностными особенностями — невротизмом и интроверсией (Buecker et al. 2020). Слабая социальная интеграция — отсутствие супруга, супруги или партнера и отношений с окружающими людьми — является важнейшим условием, вызывающим чувство одиночества. Было также установлено, что распространенность одиночества существенно отличается в разных странах, однако все еще мало что известно о контекстуальных факторах, способных объяснить эти отличия, хотя в теоретических подходах отмечается важность изучения культурных особенностей, социально-экономического развития и демографического структурирования населения (de Jong Gierveld, Tesch-Römer 2012; Dykstra 2009; Hawkey et al. 2008).

Одно из важнейших направлений изучения одиночества связано с его негативными последствиями для здоровья. В течение последних десятилетий исследования этой проблемы росли в геометрической прогрессии и включают в настоящее время сотни работ и миллионы информантов. Согласно выводам недавно опубликованных обзоров и метаанализов, одиночество, вызывая стресс и действуя на протяжении длительного периода времени, в долгосрочной перспективе негативно отражается практически на всех аспектах здоровья, ухудшая физическое состояние, когнитивное функционирование и психическое здоровье (Lara et al. 2019; Leigh-Hunt et al. 2017; Valtorta et al. 2016b; Wang et al. 2018). Это происходит вследствие ряда взаимосвязанных влияний на физиологическом и поведенческом уровне — через нейробиологическую дерегуляцию, нарушение функционирования иммунной системы, развитие приверженности нездоровому образу жизни и снижение качества сна (Hawkley, Cacioppo 2010). Одиночество приводит к существенному превышению рисков смертности, сопоставимому с воздействием таких факторов, как ожирение, гиподинамия и курение (Holt-Lunstad et al. 2015). В литературе отмечается, что не только одиночество вызывает проблемы со здоровьем, но и плохое его состояние может способствовать развитию этого чувства (Dahlberg et al. 2021).

Свидетельства о связях между одиночеством и состоянием здоровья были получены главным образом в странах Западной Европы и США, отличающихся высоким уровнем экономического развития и благосостояния населения, развитыми системами государственных социальных гарантий, а также индивидуалистической культурой. Последующие исследования в других регионах мира — в Восточной и Южной Европе, странах бывшего Советского Союза, Юго-Восточной Азии, Африке, Латинской Америке с иными макроэкономическими, институциональными и культурными контекстами — подтверждают широкое распространение одиночества среди населения и его пагубные последствия для здоровья (Gao et al. 2021; Peltzer, Pengpid 2019; Pengpid, Peltzer, Anantanasuwong 2023; Phaswana-Mafuya, Peltzer 2017; Smith et al. 2021; Stickley et al. 2013). В России, как показывают данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), одиночество также достаточно широко распространено и связано с проблемами в физическом функционировании и психическом самочувствии людей, особенно в старших возрастах (Козырева, Смирнов 2020).

В то же время влияние одиночества на здоровье может сильно отличаться в разных обществах. Например, результаты опросов в девяти странах бывшего Советского Союза продемонстрировали, что связь оди-

ночества со злоупотреблением алкоголем обнаруживается только в трех из них, а с курением — лишь в одной, тогда как в восьми — с дистрессом и во всех — с самооценками здоровья (Stickley et al. 2013). Неодинаковой оказалась связь одиночества с когнитивными нарушениями в ряде государств с низкими и средними показателями экономического развития (Smith et al. 2021). В Латинской Америке и Китае наблюдались устойчивые связи между одиночеством и смертностью, но не в Индии (Gao et al. 2021).

Однако до сих пор существуют лишь единичные попытки сопоставления таких эффектов и объяснения их различий факторами макроконтекста. Так, сравнительный анализ опросов в трех европейских странах показывает, что высокий уровень развития экономики и социального государства может способствовать более сильной зависимости между многоаспектным показателем состояния здоровья и краткой шкалой одиночества: в Финляндии связь между ними оказалась заметной более выраженной, чем в Польше и Испании (Rico-Urbe et al. 2016).

При изучении влияния на здоровье психологических конструктов, связанных с одиночеством, высказывалось предположение о важности учета их модерации культурными ориентациями индивидов на ценности индивидуализма или коллективизма. Анализ двух групп студентов из Австралии и Сингапура показал, что обеспокоенность респондентов тем, что другие люди могут их отвергнуть, оказывает особенно заметное влияние на психическое здоровье среди индивидов с ориентациями коллективистского типа. Тогда как психическое самочувствие информантов с индивидуалистическими ориентациями слабее было обусловлено этой обеспокоенностью (Lin, Chew, Wilkinson 2017). На важность культурного контекста указывает сравнительное исследование США и Японии, которое продемонстрировало, что негативные эмоции оказывают большее воздействие на биологические маркеры ухудшения здоровья в западной культуре, считающей эти эмоции проблематичными, тогда как в восточной культурной традиции, где они являются приемлемыми и нормальными, такое воздействие исчезает (Miyamoto et al. 2013). Эти факты указывают, что культурный контекст может влиять на эффекты одиночества для здоровья, однако остается неясным, коллективистская или индивидуалистическая культура способствует их усилению.

Единственное исследование, в котором была предпринята попытка прояснить этот вопрос, было выполнено в рамках проекта «Обследование состояния здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе» (The Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe, SHARE) в 14 странах при опросе людей старших возрастов. Использование культурных различий между этими странами, зафиксированных индексом индивидуализма/коллекти-

визма Г. Хофстеде, позволило установить, что в индивидуалистических странах Европы влияние чувства одиночества практически на все изучаемые показатели физического, психического и когнитивного здоровья (включая депрессию, активность в повседневной жизни, мышечный тонус, умение считать, беглость речи и память) было менее выраженным, чем в обществах, отличающихся приверженностью коллективистским ориентациям (Beller, Wagner 2020). Эти факты могут служить подтверждением теоретических ожиданий о более заметном влиянии одиночества на здоровье в странах с коллективистской культурой, поскольку формируемые ею ожидания и ценности предрасполагают к тесным социальным взаимосвязям и групповой сплоченности, так что одиночество переживается в них с особой остротой, вызывая ухудшение здоровья. Напротив, в индивидуалистических странах, где культурная норма подразумевает личностную автономию и не предполагает поддержания тесных групповых взаимосвязей, одиночество играет менее важную роль в продуцировании стрессов и проблем со здоровьем.

Таким образом, на сегодняшний день исследования с полной определенностью продемонстрировали, что одиночество тесно связано с ухудшением здоровья. Такая зависимость может проявляться в самых разных странах, однако в одних из этих стран она выражена с заметно большей отчетливостью, чем в других. Можно обнаружить лишь единичные исследования, в которых предпринимается попытка объяснить неодинаковые в разных странах ассоциации одиночества со здоровьем. Одно из возможных направлений поиска таких объяснений связано с теорией культурных контекстов, согласно которой связь одиночества со здоровьем будет более сильной в коллективистских странах. Предположение о роли культуры заслуживает дальнейшей проверки, как заслуживают ее и другие контекстуальные факторы, лишь мимоходом упоминающиеся при сопоставлении двух или нескольких стран. Систематическое изучение контекста и его роли в определении зависимости между состоянием здоровья и переживанием одиночества только начинается. Настоящая работа вносит свой вклад в развитие этого направления исследований.

Задачи и методология исследования

Представленная работа, опирающаяся на опросные данные для почти трех десятков стран мира, нацелена на решение двух общих задач. Первая — подтверждение уставленных ранее фактов о негативной связи чувства одиночества и оценок людьми своего здоровья, а также проверка утверждения о том, что эта связь проявляется с большей отчетливостью в одних из этих стран и с меньшей — в других. Вторая задача подразуме-

вает выявление контекстуальных факторов, определяющих межстрановые различия зависимостей между одиночеством и здоровьем, среди которых — состояние экономики, особенности культуры и демографический состав населения.

Отталкиваясь от предшествующих исследований, можно предположить, что переживание одиночества будет особенно заметно способствовать ухудшению здоровья в странах с коллективистской культурой, тогда как в индивидуалистических обществах это ухудшение будет менее выраженным, поскольку нарушение при коллективизме повышенных ожиданий о групповом единстве может стать дополнительным источником стрессовой напряженности, негативно сказывающейся на самочувствии. Возможно, определенную роль играют и некоторые демографические различия социетального контекста. В странах со значительной долей пожилого населения можно ожидать и более широкого распространения одиноких людей и более острого переживания одиночества в сужающемся пространстве социальных взаимоотношений и, как следствие, его более отчетливого воздействия на здоровье.

Отсутствие работ, посвященных социально-экономическому контексту, затрудняет формулировку гипотетических соображений о его роли. Возможно, в более развитых странах, с сильной экономикой и социальным государством, одиночество не будет вызывать столь сильных отрицательных переживаний, как в странах с невысоким уровнем развития. В богатых обществах индивид в значительной мере самодостаточен и способен сам или с помощью государственной поддержки преодолевать жизненные трудности, что способствует смягчению стрессовых нагрузок, вызванных одиночеством, и его негативных последствий для здоровья, тогда как в менее благополучных странах, где источником поддержки индивида в большей мере является его непосредственное окружение, оторванность от близких, друзей, знакомых лишает человека надежды на получение в случае необходимости поддержки со стороны окружающих, усиливая стрессовую напряженность, связанную с материальной депривацией. Согласно этому предположению, связь между чувством одиночества и здоровьем будет проявляться с большей определенностью в странах с низкими показателями экономического развития и государственных социальных расходов. Не исключена и обратная зависимость с этим контекстуальным фактором: социальные отношения начинают оказывать на здоровье существенное воздействие в тех обществах, которым удалось в значительной мере преодолеть материальную депривацию и вызванные ею последствия для здоровья (неправильное питание, недостаточная рекреация, некачественные медицинские услуги, курение и злоупотребление алкого-

лем). Влияние чувства одиночества, как одного из проявлений этих отношений, на здоровье в таком случае становится более отчетливым в наиболее развитых странах мира, отличающихся высоким уровнем благосостояния граждан и социальной защитой со стороны государства уязвимых слоев, поскольку стрессы, обусловленные материальной депривацией, отступают на второй план.

В представленной работе рассматривались данные репрезентативных опросов взрослого населения 29 стран мира, выполненных по Программе международного социального исследования¹, которое было посвящено изучению социальных взаимодействий и социальных ресурсов (Sapin et al. 2020, обзор результатов по странам см.: Hadler, Gundl, Vrečar 2020). В число изучавшихся стран входят: Австралия, Австрия, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Испания, Израиль, Индия, Исландия, Китай, Литва, Мексика, Новая Зеландия, Россия, Словакия, Словения, США, Суринам, Таиланд, Филиппины, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Южная Африка, Япония.

Здоровье в этих опросах фиксировалось с помощью широко применяемого валидного и надежного вопроса анкеты, измеряющего самооценку его состояния (Quesnel-Vallée 2007), в следующей формулировке: «Как вы оценили бы в целом свое здоровье (имеется в виду и физическое, и психическое здоровье)? 1. Отличное, 2. Очень хорошее, 3. Хорошее, 4. Удовлетворительное, 5. Плохое». В представленном далее анализе эта пятибалльная шкала рассматривается в качестве зависимой переменной, а для анализа различий в оценках здоровья применяется линейное моделирование. Хотя допущение о равной метрике между пунктами шкалы может показаться необоснованным и обращение к линейным моделям неправомерным со строго статистической точки зрения, представляется, что для решения задач об общей направленности, характере зависимостей оно может считаться вполне приемлемым, и многие исследования, опубликованные в самых престижных мировых научных журналах, также им руководствуются.

Основная независимая переменная индивидуального уровня — показатель частоты переживания респондентом чувства одиночества. Под одиночеством в релевантной научной литературе понимается субъективное, переживаемое индивидом состояние, более или менее тесно связанное с объективной оторванностью от людей, однако от нее все же отличающееся — человек может чувствовать себя одиноким, даже поддерживая

¹ International Social Survey Program, ISSP, 2017 [<https://www.gesis.org/en/issp/data-and-documentation/social-networks/2017>] (дата обращения: 13.03.2024).

отношения с другими людьми. Один из изучавшихся в ISSP концептов — воспринимаемая социальная интеграция (*perceived social integration*) — измеряется при помощи краткой шкалы одиночества, разработанной для массовых (телефонных) опросов (*Short Loneliness Scale, SLS Hughes et al. 2004*). Именно эта шкала будет применяться в нашем дальнейшем анализе. Ее градации рассчитывались как среднее арифметическое значение ответов на следующие три анкетных вопроса: «Скажите, как часто в течение последних четырех недель... вы чувствовали, что Вам не хватает общения? <...> Вы чувствовали себя изолированным от других? <...> Вы чувствовали, что вас все оставили?» (шкала ответов «1 — никогда, 2 — редко, 3 — иногда, 4 — часто, 5 — очень часто», в общем массиве реакции на эти вопросы тесно взаимосвязаны и могут быть отражены на единой шкале, Cronbach's Alpha=0.85).

Связь шкалы одиночества с самооценками здоровья анализировалась при контроле социальной демографии, от которой они также зависят, — пола, возраста (полных лет) и образования (сумма лет, в течение которых респондент посещал формальные образовательные учреждения — школу, училище, колледж, университет, магистратуру, аспирантуру и т.п.).

Согласно нашим предположениям, связь состояния здоровья с переживанием одиночества варьирует по странам, и эти различия можно объяснить их экономическим развитием или особенностями культуры. Состояние экономики оценивалось по показателю ВВП на душу населения¹. А культурные различия, определяемые в соответствии с теорией Г. Хофстеде и его коллег (*Hofstede, Hofstede, Minkov 2010*), — по индексу коллективизма/индивидуализма (данные для стран доступны на сайте <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/>). В этой теории индивидуализм указывает, насколько люди чувствуют себя независимыми, а коллективизм — на их взаимозависимость в качестве членов более крупных образований. Индивидуализм означает возможность индивидуального выбора и самостоятельного принятия решения, тогда как коллективизм подразумевает, что человек принимает отведенное ему место в жизни, определяемое социально. Наконец, еще один контекстуальный фактор, используемый для контроля демографических особенностей населения, — агрегированная доля в стране пожилого населения (60 лет и старше).

Распределение стран в плоскости, определяемой двумя основными факторами общественного контекста, приведено на рисунке 1: по оси

¹ World Bank, GDP per capita, PPP, \$ [<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>] (дата обращения: 19.03.2024).

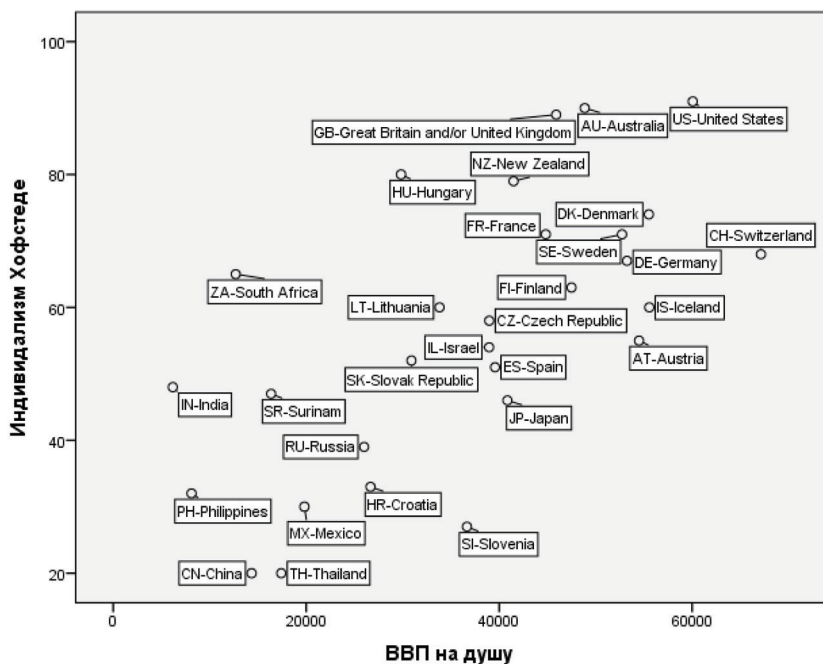

Рис. 1. Экономическое развитие и культура стран ISSP 2017

абсцисс отложены значения душевого ВВП, а по оси ординат — культурные отличия коллективизм/индивидуализм.

Как видно на этом рисунке, экономика и культура достаточно тесно взаимосвязаны — при низких значениях ВВП больше вероятность встретить коллективистскую культуру, тогда как при высоких его значениях — индивидуалистическую (парная корреляция, Pearson's $r = 0.64$, $p < 0.001$). Многие западные страны, например, США, Австралия, Великобритания, Дания, Швеция, Германия или Швейцария, располагаются в правой верхней части рисунка, где экономическое богатство сочетается с индивидуализмом. А в нижней левой его части, куда отнесены менее развитые в экономическом отношении и ориентирующиеся на коллективизм страны, скорее можно встретить представителей Азии, Латинской Америки, например, Китай, Таиланд, Филиппины, Мексику, и посткоммунистических государств, включая Россию.

Представление о распространении одиночества среди взрослого населения изучавшихся стран позволяет получить рисунок 2. На нем приведены доли опрошенных, указавших, что иногда, часто или очень часто

(две последние оценки не имеют широкого распространения) они чувствовали недостаток общения, или оторванность от других, или покинутость. Между странами, как видно на рисунке, обнаруживаются существенные отличия. Показатель одиночества оказался особенно высоким в Индии, Южной Африке, Австралии и на Филиппинах — от 54 % до 45 % опрошенных указали, что хотя бы иногда чувствовали себя одиноко. Немного ниже он в Суринаме, Хорватии, Финляндии, Чехии и Новой Зеландии (44–41 %). А на противоположном полюсе — среди стран с невысокой долей одиноких — располагались Таиланд, Австрия, Словения (менее 20 %), а также Швейцария, Германия, Япония, Россия, Израиль и Дания (21–29 %). Прочие государства размещаются в промежутке между этими крайними группами. Такие различия можно отчасти объяснить, если принять во внимание и экономическое развитие стран, и их культуру (о чем свидетельствует регрессионный анализ зависимостей уровня одиночества, измеренного по агрегированным средним значением шкалы, от душевого ВВП и индекса коллективизма/индивидуализма: Adjusted R Square=0.51, бета коэффициенты соответственно минус 0.81 и 0.92, уровень значимости обоих $p < 0.001$). При сходном развитии экономики одиночество несколько чаще встречается в индивидуалистических обществах, а при близости культур оно шире распространено в менее экономически развитых странах.

На рисунке 3 представлена аналитическая схема исследования. Влияние чувства одиночества на оценки людьми своего здоровья определяется при контроле социальной демографии. Модератором этой зависимости выступают факторы общественного контекста — состояние экономики, особенности культуры, возрастная структура населения.

Статистический анализ осуществлялся с помощью двухуровневого линейного моделирования (использовался специализированный программный пакет Hierarchical Linear and Non-Linear Models, HLM, см. Raudenbush, Bryk 2002).

Независимые переменные индивидуального уровня преобразовывались так, чтобы их шкалы менялись между значениями «0» и «1», вследствие чего полученные при моделировании коэффициенты свидетельствуют об изменении самооценок здоровья, зафиксированных описанной пятибалльной шкалой, при переходе от наименьшему к наибольшему значению этих переменных. Контекстуальные факторы центрировались относительно среднего значения и были выражены в стандартных отклонениях. Данные, полученные в опросах, взвешивались (переменная weight) для устранения недостатков в национальных выборках.

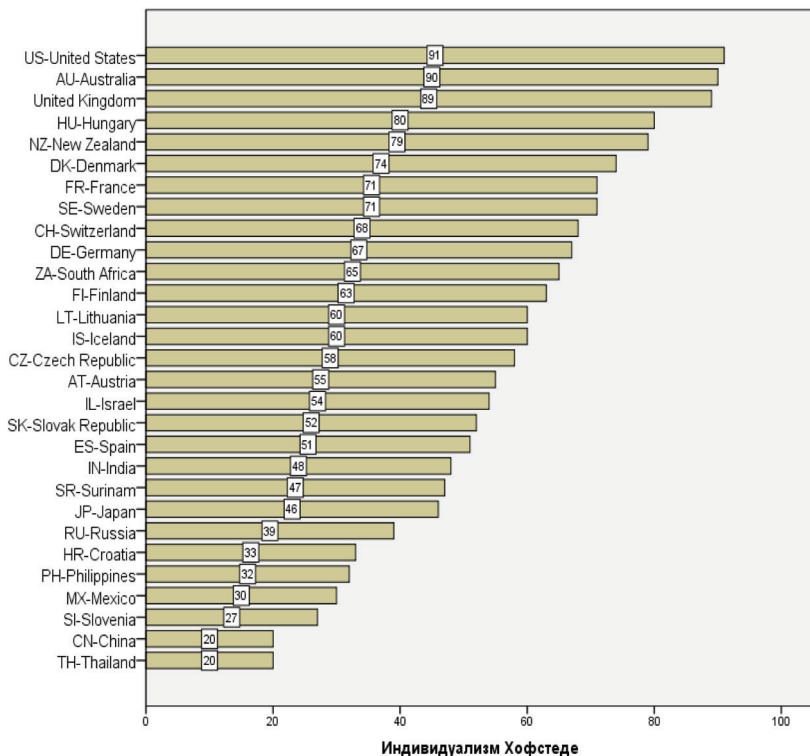

Рис. 2. Распространенность чувства одиночества в странах ISSP 2017

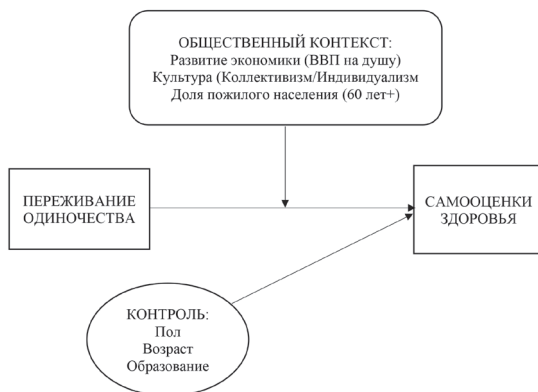

Рис. 3. Переменные, определяющие различия самооценок здоровья:
схема анализа

Одиночество и самочувствие: контекстуальная обусловленность

Проверка высказанных предположений производилась в серии двухуровневых линейных моделей, с которыми можно познакомиться в таблице 1. Зависимая переменная в них, напомним, — самооценки здоровья участников опросов, измеренные по пятибалльной шкале (от отличного до плохого).

В модели 1 анализируются зависимости между оценками здоровья и одиночеством при контроле социальной демографии, причем все коэффициенты считаются случайными — они могут меняться от страны

Таблица 1

Связь самооценок здоровья с переживанием одиночества и влияние контекста

ФИКСИРОВАННЫЕ ЭФФЕКТЫ	МОДЕЛЬ 1	МОДЕЛЬ 2	МОДЕЛЬ 3	МОДЕЛЬ 4
<i>Индивидуальный уровень</i>				
Intercept	2.75***	2.75***	2.75***	2.28***
Пол (М)	-0.07***	-0.07***	-0.07***	-0.07***
Возраст	1.64***	1.64***	1.64***	1.64***
Образование	-0.89***	-0.89***	-0.89***	-0.89***
Одиночество	1.01***	1.00***	1.02***	0.67***
<i>Контекстуальный уровень</i>				
ВВП (на душу)		-0.03	0.02	-0.04
Коллективизм/Индивидуализм			-0.19**	-0.13*
Население 60+ лет (доля)				1.67
Интеракции:				
Одиночество x ВВП		0.25***	0.32***	0.27***
Одиночество x Культура			-0.24***	-0.19***
Одиночество x Население 60+				1.23**
СЛУЧАЙНЫЕ ЭФФЕКТЫ				
	Дисперсии	% объяснения	% объяснения	% объяснения
Коэффициенты «Одиночество»	0.12239***	59	62	73

Примечание. Двухуровневые линейные модели, зависимая переменная — оценки респондентами своего здоровья (5-балльная шкала от 1 — отличное до 5 — плохое). Дисперсии случайных коэффициентов контрольных переменных, а также значения их взаимодействий с факторами контекста не приводятся. N1 (индивиды) = 39403, N2 (страны) = 29. Уровни значимости: ***0.001, **0.01, *0.05.

к стране. Фиксированные эффекты подтверждают установленные в предшествующих исследованиях факты: мужчины, как правило, несколько выше оценивают свое здоровье, чем женщины, с возрастом здоровье становится, по понятным причинам, хуже, а образование способствует его улучшению, хотя эти дифференциации могут с большей определенностью проявляться в одних странах и с меньшей — в других (все случайные коэффициенты статистически значимы, не приводятся). Но главное, о чем нам говорит модель 1, — одиночество, как и предполагалось, достаточно тесно связано с самочувствием опрошенных, способствуя его ухудшению. Однако это усредненная для тридцати стран зависимость. Случайный эффект одиночества, как видно в таблице, статистически значим на высоком уровне — его влияние на оценки здоровья различается по странам неслучайным образом.

В следующих моделях предпринимается попытка объяснить, почему одиночество вызывает большие проблемы со здоровьем в одних странах, чем в других. С этой целью в уравнение модели 2, приведенной в таблице 1, добавляется контекстуальный фактор, фиксирующий различия между странами по уровню их экономического развития — душевой ВВП, а также его интеракция с переменной одиночества (при контроле социальной демографии). Как показывает коэффициент, описывающий эту интеракцию (0.25, $p < 0.001$), зависимость здоровья от одиночества существенно усиливается по мере увеличения показателя экономического развития. Причем включение в модель ВВП позволяет объяснить немалую долю дисперсии, характеризующую связи одиночества и здоровья в разных странах (59 %).

Иллюстрацией результатов, полученных в модели 2, может служить рисунок 4, построенный по ее уравнению.

С ростом ВВП наблюдается заметное улучшение самочувствия населения, особенно тех людей, которые ощущают свою связь с другими, а их большинство в любом обществе. При этом самочувствие тех, кто страдает от одиночества, улучшается гораздо менее отчетливо. В результате сравнительно небольшие расхождения оценок здоровья у одиноких и не-одиноких в менее развитых странах начинают проявляться с полной отчетливостью в самых богатых экономиках.

Но дело не только в развитии экономики — душевой ВВП очень тесно сопряжен с развитием социального государства, в частности, с показателем государственных расходов на здравоохранение (по данным Всемирной организации здравоохранения, в \$ на душу населения¹).

¹ См.: [<https://www.who.int/data/gho/indicator-metadata-registry/imr-details/4959>] (дата обращения: 25.03.2024).

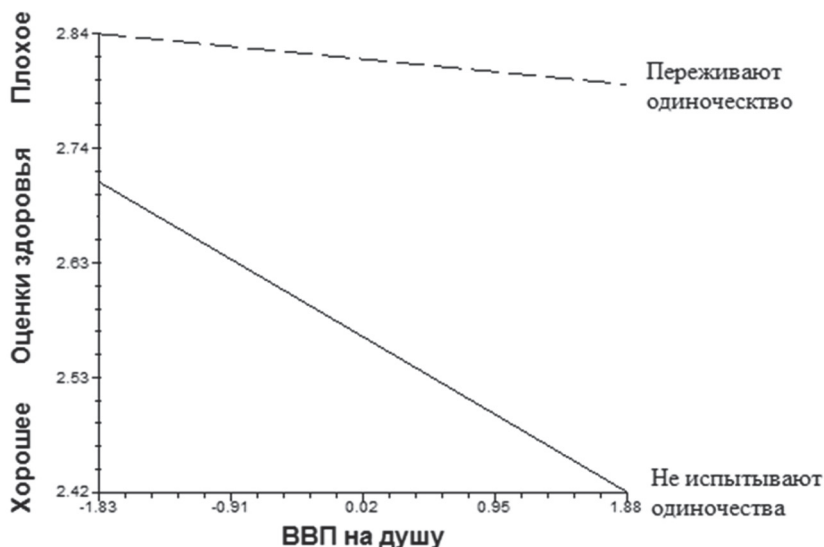

Рис. 4. Экономическое развитие и зависимости между одиночеством и здоровьем

Примечание. Рисунок построен по уравнению модели 2. Линии соответствуют значениям нижнего и верхнего квартилей переменной одиночества.

Корреляция (Pearson's r) для наших 29 стран между ВВП и этими расходами равняется 0.90, $p < 0.001$. При включении в двухуровневую модель этого показателя вместо ВВП (результаты не приводятся) в основном подтверждаются зависимости, получаемые при анализе экономического развития, — самочувствие вовсе не меняется к лучшему у переживающих одиночество даже при росте госрасходов на здравоохранение, и при этом респонденты, не испытывающие этого чувства, оценивают свое здоровье гораздо выше, чем в странах с низкими расходами.

Значение культуры для влияния одиночества на здоровье анализировалось в модели 3 — в ней принимались во внимание оба интересующих нас контекстуальных фактора, ВВП и коллективизм/индивидуализм. Интеракция первого с переменной одиночества осталась фактически без изменения (0.32, $p < 0.001$), и сама эта культура оказывала существенное влияние на выраженность в изучавшихся странах зависимости между одиночеством и оценками здоровья (интеракция -0.24 , $p < 0.001$, причем статистически значимой она оказывалась только при учете ВВП). Как показывают статистики, приведенные в нижней части таблицы 1, объясни-

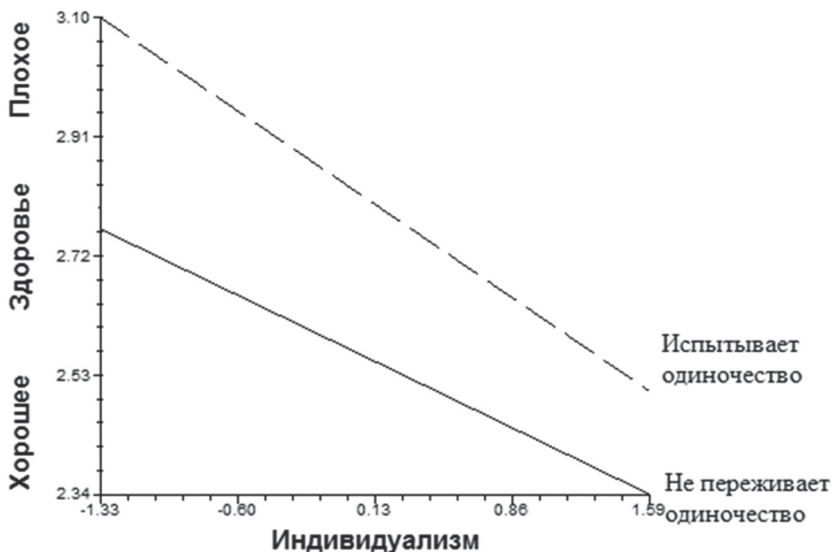

Рис. 5. Одиночество и здоровье в культурных контекстах

Примечание. Рисунок построен по уравнению модели 3. Линии соответствуют значениям нижнего и верхнего квартилей переменной одиночества.

тельные возможности модели несколько улучшаются: объясненная дисперсия случайных коэффициентов влияния одиночества на здоровье возрастает до 62 %. Эти результаты позволяют говорить о том, что культура, наряду с социально-экономическим развитием, определяет общественные условия, в которых проявляется зависимость между одиночеством и здоровьем. При сходном уровне благосостояния в странах с коллективистской культурой одиночество сильнее сказывается на самочувствии, чем в обществах с индивидуалистическими ориентациями.

В наглядном виде результаты анализа культуры, представленные моделью 3, отображены на рисунке 5.

Рисунок 5 показывает, что в индивидуалистических странах оценки здоровья существенно выше, чем в коллективистских. Причем индивидов, жалующихся на одиночество, отличают и более низкие оценки своего здоровья. И если в индивидуалистических странах различие между ними и теми, кто теснее связан с другими людьми, по самочувствию не очень заметно, то при продвижении к коллективистскому полюсу культуры оно становится несколько более отчетливым.

Наконец, в модели 4 (ее также можно найти в табл. 1) описанные зависимости проверялись при включении в уравнение еще одного фактора общественного контекста, который может объяснять интересующую нас связь одиночества и здоровья, — доли населения в возрасте 60 лет и старше. Эта модель заметно лучше предыдущей — доля объясненной дисперсии для связи одиночество-здоровье возрастает до 73 %. Интеракции одиночества с ВВП и культурой остаются статистически значимыми, хотя немного снижаются. Проявилось и влияние доли пожилых людей — при сходном экономическом развитии и близких культурах с увеличением этой доли усиливается связь одиночество—самочувствие (этот фактор и один дает значимую интеракцию, однако его объяснительные возможности меньше, чем у ВВП).

Таким образом, выполненное моделирование показывает, что зависимость между одиночеством и здоровьем, характерная для всех изучавшихся стран, существенно в них различается. И эти различия в определенной мере позволяют объяснить общественный контекст, прежде всего, неодинаковое социально-экономическое развитие стран, но также и особенности возрастного состава населения и культуры.

Заключение

В представленной работе предпринимается попытка прояснить общественные условия, с которыми связано влияние переживания одиночества на здоровье. С этой целью осуществлялось двухуровневое линейное моделирование, в котором анализировались репрезентативные опросные данные для двадцати девяти стран мира, полученные по Международной программе социальных исследований (ISSP 2017), а также статистические и аналитические сведения об уровне социально-экономического развития этих стран, их культуре и возрастной структуре. Согласно полученным результатам, здоровье участников опросов, измеренное по шкале самооценок, действительно зависело от того, приходится ли им переживать одиночество: у тех, кто испытывал это чувство, оно было заметно хуже по отношению к большинству, которое с этим чувством сталкивается не так часто.

Такая зависимость варьировала по странам неслучайным образом. Это объясняется особенностями общественных условий, прежде всего различиями между странами в развитии экономики и социального государства. С повышением этих показателей происходит заметное улучшение здоровья всех категорий граждан, однако оно было гораздо менее отчетливым среди переживающих одиночество. Сравнительно небольшие расхождения самооценок здоровья между испытывающими чувство одино-

чества и его не испытывающими, характерное для менее развитых стран, постепенно увеличиваются по мере роста их благосостояния и государственных расходов на здравоохранение. В наиболее развитых странах здоровье людей все больше начинает зависеть от социальных отношений, в том числе от одиночества, тогда как в отстающих определяющими остаются причины, связанные с материальной депривацией (плохие условия жизни, недоступность качественных медицинских услуг, приверженность курению и алкоголю).

С меньшей определенностью можно говорить о значении двух других контекстуальных факторов. В странах со сходным состоянием экономики проявляются эффекты, обусловленные культурой. Одиночество сильнее сказывается на самочувствии в обществах с коллективистскими, чем с индивидуалистическими ориентациями. Этот факт подкрепляет звучавшее в предшествующих исследованиях предположение о значении коллективистской культуры, которая способна усугублять негативное воздействие одиночества на здоровье вследствие усиления стрессовых воздействий, вызванного рассогласованием коллективистских ожиданий с реалиями одинокой жизни. Анализ также обнаружил, что связь между одиночеством и здоровьем оказывается заметнее в странах с большей долей пожилого населения, и это влияние сохраняется после контроля экономического развития и особенностей культуры. Это, вероятно, вызвано обостренной восприимчивостью к одиночеству и реакцией на него там, где оно получает большее распространение.

При обсуждении результатов настоящего исследования необходимо иметь в виду некоторые важные ограничения. Зависимая переменная — пятибалльная шкала самооценок здоровья, как уже отмечалось, не соответствует в строго статистическом смысле требованиям, предъявляемым к линейным моделям. Хотя, как мы полагаем, общий характер изучавшихся связей это обстоятельство вряд ли может серьезно исказить. Тем не менее нами был повторен представленный анализ с использованием в качестве зависимой переменной дихотомии, разделяющей опрошенных на тех, у кого здоровье было отличным или хорошим, и указавших, что оно удовлетворительное или плохое. Двухуровневое логистическое моделирование подтвердило полученные нами результаты, хотя зависимости оказались несколько менее отчетливыми. Кроме того, логика нашего моделирования подразумевает, что переживание одиночества является причиной ухудшения самочувствия, однако этого нельзя с уверенностью утверждать при использовании, как в нашем исследовании, кросс-секционных данных. В обзоре отмечалось, что причинная направленность может быть противоположной — плохое здоровье способно препятство-

вать социальным контактам и приводить к развитию чувства одиночества. Прояснение причинной направленности требует иных методологических подходов и данных, чем мы располагали, и заслуживает изучения в дальнейших работах.

Литература / References

Акутина С.П., Столярова Е.В. (2021) Феномен одиночества граждан пожилого возраста: предмет обсуждения. *Социодинамика*, 7: 1–12. <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.7.34881>.

Akutina S.P., Stolyarova E.V. (2021) The Phenomenon of Loneliness in Elderly Citizens: A Subject for Discussion. *Sociodinamika* [Sociodynamics], 7: 1–12 (in Russian).

Белых Т.В., Харланова А.О. (2018) Психологический анализ переживания одиночества у студентов вуза. *Гуманизация образования*, 3: 71–80.

Belykh T.V., Kharlanova A.O. (2018) Psychological analysis of the experience of loneliness among university students. *Gumanizaciya obrazovaniya* [Humanization of education], 3: 71–80 (in Russian).

Давыдова М.А., Агапова И.А. (2001) *Как преодолеть одиночество*. М: Айрис-Пресс.

Davydova M.A., Agarova I.A. (2001) *How to overcome loneliness*. Moscow: Ayris-Press (in Russian).

Елютина М.Э., Трофимова О.А. (2017) Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте. *Журнал исследований социальной политики*, 15(1): 37–50. <http://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50>.

Elyutina M.E., Trofimova O.A. (2017) Living Alone and Experiencing Loneliness in Late Life. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research], 15(1): 37–50. <http://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50> (in Russian).

Заворотных Е.Н. (2008) Особенности взаимосвязи одиночества и депрессии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 2: 286–293.

Zavorotnykh E.N. (2008) Peculiarities of the relationship between loneliness and depression. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology], 2: 286–293 (in Russian).

Казанская В.Г. (2015) Одиночество как проявление суицидальной направленности школьников-подростков и юношей. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 5(2): 25–37.

Kazanskaya V.G. (2015) Loneliness as a manifestation of suicidal tendencies in schoolchildren-teenagers and young men. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 5(2): 25–37 (in Russian).

Козырева П.М., Смирнов А.И. (2020) Особенности возрастной структуры одиночества. *Социологические исследования*, 9: 56–69. <http://doi.org/10.31857/S013216250009617-1>.

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2020) Loneliness: Age Features. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies], 9: 56–69. <http://doi.org/10.31857/S013216250009617-1> (in Russian).

Козырева П.М., Смирнов А.И. (2022) Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте. *Социологическая наука и социальная практика*, 10(4): 46–63. <http://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9282>.

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2022) Social Isolation and Loneliness in Older Age. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika* [Sociological Science and Social Practice], 10(4): 46–63. <http://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9282> (in Russian).

Коркия Э.Д. (2020) Одиночество как предмет социокультурологического исследования. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 12(1) [<https://cyberleninka.ru/article/n/odinochestvo-kak-predmet-sotsiokulturologicheskogo-issledovaniya>] (дата обращения: 24.11.2024).

Korkiya E.D. (2020) Loneliness as a subject of sociocultural research. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 12(1) [<https://cyberleninka.ru/article/n/odinochestvo-kak-predmet-sotsiokulturologicheskogo-issledovaniya>] (accessed: 24.11.2024) (in Russian).

Корчагина С. Г. (2005) *Генезис, виды и проявления одиночества*. М.: Московский психолого-социальный институт.

Korchagina S.G. (2005) *Genesis, types and manifestations of loneliness*. Moscow: Moskovskiy psikhologo-sotsialnyy institut (in Russian).

Примаков В.Л., Саутина Е.Г. (2018) Одиночество студенческой молодежи как социальный феномен. *Вестник МГЛУ. Общественные науки*, 1(794): 244–254.

Primakov V.L., Sautina E.G. (2018) Loneliness of student youth as a social phenomenon *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences], 1(794): 244–254 (in Russian).

Пузанова Ж.В. (2008) Одиночество: возможности эмпирического исследования. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 4: 28–38.

Puzanova Z.V. (2008) Loneliness: The Possibilities of Empirical Research. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 4: 28–38 (in Russian).

Пузанова Ж.В. (2009) Социологическое исследование одиночества: проблема построения концептуальной модели. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 2: 42–46.

Puzanova Z.V. (2009) Sociological Study of Loneliness: The Problem of Conceptual Model Development. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2: 42–46 (in Russian).

Седых О.Г., Гуляева А.И. (2022) Проблема одиночества лиц пожилого возраста: Социологический аспект. *Известия БГУ*, 32(1): 144–152.

Sedykh O.G., Gulyaeva A.I. (2022) The Problem of Loneliness of the Elderly: Sociological Aspect. *Izvestiya BGU* [BSU News], 32(1): 144–152 (in Russian).

Ткач С., Русакова М.М. (2024) Экзистенциальное понимание социального одиночества в социологии. *Вестник экономики, права и социологии*. 3: 232–236. <http://doi.org/10.24412/1998-5533-2024-3-232-236>.

Tkach S., Rusakova M.M. (2024) Existential understanding of social loneliness in sociology. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 3: 232–236. <http://doi.org/10.24412/1998-5533-2024-3-232-236> (in Russian).

Чурилова Е.Е., Каминская М.А. (2020) Феномен одиночества в философии и психологии. *Вестник ВятГУ*, 1: 114–129.

Churilova E.E., Kaminskaya M.A. (2020) The Phenomenon of Loneliness in Philosophy and Psychology. *Vestnik VyatGU* [Vyatka State University Bulletin], 1: 114–129 (in Russian).

Alberts C. (2020) Loneliness — a risk to health we can no longer ignore. *Occupational Health & Wellbeing*, 72(5):18–21.

Barjaková M., Garnero A., d’Hombres B. (2023) Risk Factors for Loneliness: A Literature Review. *Social Science and Medicine*, 334(1): 116163. <http://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.116163>.

Beller J., Wagner A. (2020) Loneliness and Health: The Moderating Effect of Cross-Cultural Individualism/Collectivism. *Journal of Aging and Health*, 32(10): 1516–1527. <http://doi.org/10.1177/0898264320943336>.

Buecker S., Maes M., Denissen J.J.A., Luhmann M. (2020) Loneliness and the Big Five Personality Traits: A Meta-Analysis. *European Journal of Personality*, 34(1): 8–28. <http://doi.org/10.1002/per.2229>.

Dahlberg L., McKee K.J., Frank A., Naseer M.A (2021) Systematic Review of Longitudinal Risk Factors for Loneliness in Older Adults. *Aging & Mental Health*, 26(2): 225–249. <http://doi.org/10.1080/13607863.2021.1876638>.

de Jong Gierveld J., Tesch-Römer C. (2012) Loneliness in Old Age in Eastern and Western European Societies: Theoretical Perspectives. *European Journal of Ageing*, 9(4): 285–295. <http://doi.org/10.1007/s10433-012-0248-2>.

Dykstra P.A. (2009) Older Adult Loneliness: Myths and Realities. *European Journal of Ageing*, 6(2): 91–100. <http://doi.org/10.1007/s10433-009-0110-3>.

Gao Q., Prina A.M., Prince M., Acosta D., Luisa Sosa A., Guerra M., Huang Y., Jimenez-Velazquez I.Z., Llibre Rodriguez J.J., Salas A., Williams J.D., Liu Z., Acosta Castillo I., Mayston R. (2021) Loneliness among Older Adults in Latin America, China, and India: Prevalence, Correlates and Association with Mortality. *International Journal of Public Health*, 66: 604449. <http://doi.org/10.3389/ijph.2021.604449>.

Fried L., Prohaska T., Burholt V., Burns A., Golden J., Hawkey L., Lawlor B., Leavey G., Lubben J., O'Sullivan R., Perissinotto C., van Tilburg T., Tully M., Victor C. (2020) A Unified Approach to Loneliness. *Lancet*, 395(10218): 114. [http://doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)32533-4](http://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)32533-4)

Hadler M., Gundl F., Vrečar B. (2020) The ISSP 2017 Survey on Social Networks and Social Resources: An Overview of Country-Level Results. *International Journal of Sociology*, 50(2): 87–102. <http://doi.org/10.1080/00207659.2020.1712048>.

Hawkey L.C., Cacioppo J.T. (2010) Loneliness Matters: A Theoretical and Empirical Review of Consequences and Mechanisms. *Annals of Behavioral Medicine*, 40(2): 218–227. <http://doi.org/10.1007/s12160-010-9210-8>.

Hawkey L.C., Hughes M.E., Waite L.J., Masi C.M., Thisted R.A., Cacioppo J.T. (2008) From Social Structural Factors to Perceptions of Relationship Quality and Loneliness: The Chicago Health, Aging, and Social Relations Study. *The Journals of Gerontology: Series B*, 63(6): S375–S384. <http://doi.org/10.1093/geronb/63.6.S375>.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010) *Cultures and organizations: Software of the mind*. 3rd edition. New York: McGraw-Hill.

Holt-Lunstad J. (2022) Social Connection as a Public Health Issue: The Evidence and a Systemic Framework for Prioritizing the “Social” in Social Determinants of Health. *Annual Review of Public Health*, 43: 193–213. <http://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-052020-110732>.

Holt-Lunstad J., Smith T.B., Baker M., Harris T., Stephenson D. (2015) Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review. *Perspectives on Psychological Science*, 10(2): 227–237. <http://doi.org/10.1177/1745691614568352>.

Hughes M.E., Waite L.J., Hawkey L.C., Cacioppo J.T. (2004) A Short Scale for Measuring Loneliness in Large Surveys: Results from Two Population-Based Studies. *Research on Aging*, 26(6): 655–672. <http://doi.org/10.1177/0164027504268574>.

Killeen C. (2002) Loneliness: an epidemic in modern society. *Journal of Advanced Nursing*, 28(4): 762–770. <https://doi.org/10.1046/j.1365-2648.1998.00703.x>.

Lara E., Martín-María N., De la Torre-Luque A., Koyanagi A., Vancampfort D., Izquierdo A., Miret M. (2019) Does Loneliness Contribute to Mild Cognitive Impairment and Dementia? A Systematic Review and Meta-Analysis of Longitudinal Studies. *Ageing Research Reviews*, 52: 7–16. <http://doi.org/10.1016/j.arr.2019.03.002>.

Leigh-Hunt N., Baggeley D., Bash K., Turner V., Turnbull S., Valtorta N., Caan W. (2017) An Overview of Systematic Reviews on the Public Health Consequences of Social Isolation and Loneliness. *Public Health*, 152: 157–171. <http://doi.org/10.1016/j.puhe.2017.07.035>.

Lin H.-H., Chew P.Y.-G., Wilkinson R.B. (2017) Young Adults' Attachment Orientations and Psychological Health across Cultures: The Moderating Role of Individualism and Collectivism. *Journal of Relationships Research*, 8: Article e17. <http://doi.org/10.1017/jrr.2017.17>.

Miyamoto Y., Boylan J.M., Coe C.L., Curhan K.B., Levine C.S., Markus H.R., Park J., Kitayama S., Kawakami N., Karasawa M., Love G.D., Ryff C.D. (2013) Negative

Emotions Predict Elevated Interleukin-6 in the United States but Not in Japan. *Brain, Behavior, and Immunity*, 34: 79–85. <http://doi.org/10.1016/j.bbi.2013.07.173>.

Quesnel-Vallée A. (2007) Self-rated Health: Caught in the Crossfire of the Quest for ‘True’ Health? *International Journal of Epidemiology*, 36(6): 1161–1164. <http://doi.org/10.1093/ije/dym236>.

Phaswana-Mafuya N., Peltzer K. (2017) Loneliness and Health Among Older Adults in South Africa. *Global Journal of Health Science*, 9(12): 1. <http://doi.org/10.5539/gjhs.v9n12p1>.

Peltzer K., Pengpid S. (2019) Loneliness Correlates and Associations with Health Variables in the General Population in Indonesia. *International Journal of Mental Health Systems*, 13: Article 24. <http://doi.org/10.1186/s13033-019-0281-z>.

Pengpid S., Peltzer K., Anantanasuwong D. (2023) Longitudinal Associations of Loneliness with Mental Ill-Health, Physical Ill-Health, Lifestyle Factors and Mortality in Ageing Adults in Thailand. *BMC Psychiatry*, 23(1): Article 855. <http://doi.org/10.1186/s12888-023-05263-0>.

Perlman D., Peplau L.A. (1981) Toward a Social Psychology of Loneliness. In: Gilmour R., Duck S. (eds.) *Personal Relationships: Volume 3. Relationships in Disorder*. London: Academic Press: 31–56.

Raudenbush S.W., Bryk A.S. (2002) *Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage.

Rico-Urbe L.A., Caballero F.F., Olaya B., Tobiasz-Adamczyk B., Koskinen S., Leonardi M., Haro J.M., Chatterji S., Ayuso-Mateos J.L., Miret M. (2016) Loneliness, Social Networks, and Health: A Cross-Sectional Study in Three Countries. *PLoS One*, 11(1): Article e0145264. <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0145264>.

Sapin M., Joye D., Wolf C., in collaboration with Andersen J., Bian Y., Carkoglu A., Fu Y.-C., Kalaycioglu E., Marsden P.V., Smith T.W. (2020) The ISSP 2017 Social Networks and Social Resources Module. *International Journal of Sociology*, 50(1): 1–25. <http://doi.org/10.1080/00207659.2020.1712157>.

Smith L., Bloska J., Jacob L., Barnett Y., Butler L., Trott M., Odell-Miller H., Veronese N., Kostev K., Bettac E.L., Godier-McBard L., Koyanagi A. (2021) Is loneliness Associated with Mild Cognitive Impairment in Low- and Middle-Income Countries? *International Journal of Geriatric Psychiatry*, 36(9): 1345–1353. <http://doi.org/10.1002/gps.5524>.

Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Richardson E., Abbott P., Tumanov S., Mckee M. (2013) Loneliness: Its Correlates and Association with Health Behaviours and Outcomes in Nine Countries of the Former Soviet Union. *PLoS ONE*, 8(7): Article e67978. <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0067978>.

Valtorta N.K., Kanaan M., Gilbody S., Hanratty B. (2016a) Loneliness, Social Isolation and Social Relationships: What Are We Measuring? A Novel Framework for Classifying and Comparing Tools. *BMJ Open*, 6(4): e010799. <http://doi.org/10.1136/bmjopen-2015-010799>.

Valtorta N.K., Kanaan M., Gilbody S., Ronzi S., Hanratty B. (2016b) Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Coronary Heart Disease and Stroke:

Systematic Review and Meta-Analysis of Longitudinal Observational Studies. *Heart*, 102(13): 1009–1016. <http://doi.org/10.1136/heartjnl-2015-308790>.

Wang J., Mann F., Lloyd-Evans B., Ma R., Johnson S. (2018) Associations Between Loneliness and Perceived Social Support and Outcomes of Mental Health Problems: A Systematic Review. *BMC Psychiatry*, 18: Article 156. <http://doi.org/10.1186/s12888-018-1736-5>.

LONELINESS AND HEALTH PROBLEMS: THE IMPACT OF SOCIO-ECONOMIC CONTEXT AND CULTURE

Nina L. Rusinova (nrusinova@gmail.com),

Viacheslav V. Safronov (vsafronov@list.ru)

Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

Citation: Rusinova N.L., Safronov V.V. (2024) Loneliness and health problems: the impact of socio-economic context and culture. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 69–92 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.3> EDN: KISGEP

Abstract. The study examines the relationship between loneliness and of health and analyzes the societal conditions that influence its strength. Scientific literature shows that the feeling of loneliness is associated with stressful effects on the organism, which negatively affect health. At the same time, the question of what factors of the social context can enhance this effect of loneliness on health remains poorly understood. In order to clarify it, a two-level linear modeling was performed using survey data from the International Social Research Program (ISSP 2017), which includes 29 countries from various regions of the world, including Russia, as well as comparative statistics and analytics on the socio-economic development of these countries, their culture and demographic structure. The results show that loneliness is indeed negatively associated with self-rated health, and this relationship is more pronounced in some countries than in others. The societal conditions contributing to its strength include the level of economic and social development of countries, their culture and age structure. With increasing well-being and social security, people's assessments of their health increase, and this increase is less noticeable among those who feel lonely, as a result of which socio-economic development leads to a more pronounced impact of loneliness on health. It turned out to be more pronounced in countries with a higher proportion of the elderly population. With a similar economic development, the negative impact of loneliness on self-rated health of individuals was more noticeable in collectivist societies than in individualist ones.

Keywords: health, loneliness, effects of loneliness on self-rated health, contextual differences, socio-economic development, individualism-collectivism, International Social Survey Program (ISSP 2017).

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ

КУЛЬТУРА СТАРЕНИЯ В ФОКУСЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА»¹

Людмила Александровна Штомпель
(lashtompel@sfedu.ru)

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Цитирование: Штомпель Л.А. (2024) Культура старения в фокусе повседневных практик представителей «третьего возраста». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 93–122. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.4> EDN: KTGBWK

Аннотация. Осуществлено переосмысление культурного значения старости и процесса старения. Статья основана на результатах обследования людей пенсионного возраста в Ростовской области, проведенного в 2023 г. с помощью дневников времени. Выявлено, что современные россияне возраста 60+ демонстрируют принципиально различный персональный опыт старения, что статистически выражено в разрыве между средними показателями по каждому виду активности и индивидуальными моделями аллокации времени. Это заставило построить не одну, а две полярные хронометрические модели повседневной жизни россиян старше 60 лет, к которым может тяготеть их основная масса. Введено понятие «культура старения», определяемое как система наилучших образцов и способов деятельности людей возраста 60+, которые направлены на их адаптацию к изменениям и детерминированы не только возрастом, но и состоянием здоровья, местом и условиями проживания. Анализ собранных в 2023 г. дневников времени людей пенсионного возраста в Ростовской области позволил выявить и описать значимые особенности и трансформации в их культуре старения. Зафиксировано, что общая удовлетворенность навыками распределения своего времени между различными занятиями сопровождается потребностью в более активных способах проведения времени своей жизни, которые не могут реализоваться по ряду причин. Автор приходит к выводу, что культура старения не складывается в изоляции от общей культуры населения, от культуры других возрастных общностей. Культура старения является важнейшим системообразующим элементом культуры общества в целом, во многом репрезентирующим и в то же время определяющим его качественные характеристики.

Ключевые слова: пожилые люди, «третий возраст», старение, культура старения, культурная вовлеченность, дневник времени.

¹ Автор выражает благодарность Российскому научному фонду за финансовую поддержку сбора и анализа эмпирических данных (грант № 23-28-00134, <https://rscf.ru/project/23-28-00134/>).

В конце XX в. высокоразвитые индустриальные страны столкнулись с неизбежным следствием увеличения продолжительности жизни населения: возрастанием количества пожилых людей. Увеличение количества пожилых и старых людей зафиксировано и в России. Так, если в 2010 г. люди возраста от 60–72 лет составляли 11,2 % от всего населения Российской Федерации, то в 2020 г. их число достигло 15,7 %, люди в возрасте от 73 лет и выше составили соответственно 7,1 % и 7,3 % населения России (Труд и занятость в России 2021: 17). При этом стремительно сокращается представительство пожилых людей (по мере повышения возраста) в составе рабочей силы: в 2020 г. удельный вес лиц, не входящих в состав рабочей силы, составлял 65,4 % для 60–64-летних от всего их количества; 86,3 % — для 65–69-летних; 97,7 % — для 70-летних и старше. Относительно всего населения России это сокращение в 2020 г. еще более впечатляет: 14,3 % — для 60–64-летних, 15,4 % — для 65–69-летних, 29,3 % — для 70-летних и старше (Труд и занятость в России 2021: 23). С одной стороны, это естественно: люди заработали себе право на отдых от работы, но, с другой стороны, снижение востребованности со стороны общества плохо влияет на социальное самочувствие пенсионеров. Исследования показывают, что чем выше занятость пожилых людей, тем выше их удовлетворенность жизнью (Воронин, Захаров, Козырева 2018). Поэтому практическая реализация концепции отложенного старения (Видясова, Григорьева 2023), изучение особенностей и опыта старения, условий самореализации и социальной активности граждан старшего поколения актуализируют проблему культуры старения и инструментов ее исследования. Одним из таких инструментов выступает использование времени. Как же распорядятся пожилые люди имеющимся у них временем жизни?

Любое занятие требует времени. Очевидно, что к 60-ти годам человек нарабатывает определенные привычки, в числе которых приемы и способы распределять свое время, выстраивать недельное и суточное расписание (с учетом собственного физиологического и психоэмоционального состояния). Осознание же конечности своего существования и уменьшение сил для выполнения любого вида активности влияют не только на осуществление, состав и длительность наиболее предпочитаемых занятий, но и в целом на культуру старения.

Какие бы эвфемизмы ни использовались при описании людей старше 60 лет («третий возраст», «четвертый возраст», «серебряный возраст», «старший возраст» и т.п.), проблема остается: как совместить, с одной стороны, намерение удовлетворить глубинную потребность стареющих людей оставаться востребованными и нужными, а с другой стороны, как самому обществу, нацеленному на новизну, скорость и максимальную

эффективность (в получении прибыли при наименьших затратах, во всемерной самореализации и развитии способностей трудящихся, в предоставлении новых рабочих мест молодому поколению и т.д.), обеспечить достойную жизнь тем, кто эту «максимальную эффективность» проявляет все с большим трудом. Какие бы шаги ни предпринимало само общество (пенсионные реформы, социальные программы и т.п.), усилия самих стареющих людей дают богатый материал, иллюстрирующий разные стратегии адаптации к своему возрасту и к объективным социальным обстоятельствам, разные поведенческие паттерны пожилых людей и способы старения. Все эти процессы осуществляются во времени. В связи с этим цель статьи состоит в построении модели распоряжения временем людьми старше 60 лет на основе проведенных эмпирических исследований и определении на этой основе сущности культуры старения современных россиян.

Теоретико-методологический аппарат исследования

Изучение повседневной жизни различных групп населения с помощью показателей распределения их занятий во времени, т.е. изучение бюджетов времени, в нашей стране началось со статистических земских обследований конца XIX — начала XX в., затем развивалось в 1920-е гг. С.Г. Струмилиным (Струмилин 1924), в 1950–1960-е — Г.А. Пруденским и В.Д. Патрушевым (Пруденский 1964; Патрушев 1963), в начале 1970-х — В.А. Артемовым, В.И. Болговым и др. (Артемов 1987; Болгов 1973). Тщательный анализ истории реализации исследований бюджета времени населения и разработки теории социального времени проведен в ряде работ: (Караханова, Бессокирная, Большакова 2014; Артёмов, Новохацкая 2012; Патрушев 1998а; Патрушев 2001; Патрушев, Артёмов, Новохацкая 2001). Так, В.Д. Патрушев (Патрушев 1998а) проследил не только различия методологических подходов к изучению бюджетов времени в мировой социологии, методические аспекты и этапы этих исследований, но и наметил их перспективы, в частности более широкое внедрение качественных методов исследования (например, фокус-групповых процедур) и целостность сочетания обследований бюджета времени с анализом субъективных оценок эффективного использования личного времени.

Анализ работ 1980–1990-х гг. (Артёмов 1999; Караханова 1998; Патрушев, Караханова, Темницкий 1996; Патрушев 1998с) показывает, что исследователи концентрировали свое внимание на изучении семей рабочих, служащих, колхозников с акцентом на работающих респондентов в целях поиска резервов времени (уменьшения потерь рабочего времени и увеличения свободного времени населения), определения рациональности распределения времени населения регионов, городов, а также

между различными отраслями народного хозяйства и качества свободного времени.

То же самое можно сказать и о работах начала 2000-х годов (Артёмов, Новохацкая 2017; Караханова 2001; Патрушев 2001; Караханова 2006; Караханова, Бессокирная, Большакова 2014). Пожилые люди хотя и попадали в поле внимания исследователей в ходе изучения динамики повседневной деятельности горожан, однако учитывались в первую очередь работающие люди «60 лет и старше», тогда как «неработающие пенсионеры и инвалиды» присутствовали в выборке в очень малом количестве. Так, анализируя результаты исследования, проводимого Центром «Повседневная деятельность и бюджет времени» ИС РАН в 1986, 1997/98 и 2003/2004 гг. в Пскове, Т.М. Караханова приводит следующие данные о количестве обследованных возраста «60 лет и старше»: 3 человека всего (а «неработающих пенсионеров и инвалидов» — 2) в 1965 г. (из 2949 фактически опрошенных), 7 человек всего (неработающих тоже 7) в 1986 г. (из 3628 человек), 32 человека всего (неработающих — 19) в 1997/98 г. (из 340 обследованных) и 22 человека всего (неработающих — 19) — в 2003/2004 г. (из 200 человек) (Караханова 2006). На основе этих данных можно прийти к заключению, что интерес к бюджету времени людей старшего возраста стал постепенно возрастать, хотя на первом месте оказывались все же работающие люди.

Объединение работающих и неработающих пенсионеров позволило сформулировать выводы относительно их бюджетов времени. Результаты представлены в отдельном параграфе монографии В.Д. Патрушева (Патрушев 2001). На сегодняшний день это наиболее полное исследование бюджета времени людей старшего возраста, хотя под влиянием запроса на разработку и реализацию политики активного долголетия, изучение жизни пожилых людей стало развиваться. Первым источником данных выступают результаты Росстата, в которых выделяются респонденты старше трудоспособного возраста: 55–59-летние, 60–69-летние, 70 лет и более. Тогда как в нашей стране еще в 1965 г. принята следующая схема возрастной периодизации старшего поколения: пожилой возраст (61–74 года — мужчины, 56–74 года — женщины), старческий возраст (75–90 лет — мужчины и женщины), долгожители (90 лет и старше — мужчины и женщины) (Тукумцев 2003). Кроме того, в этих данных содержится перечисление видов деятельности, но не временные затраты на них.

Если же обратиться к работам последних лет, то окажется, что анализ использования времени разными поколениями реализуется в нескольких направлениях. Во-первых, это биографические исследования, исследования жизненных путей и процессов жизненного цикла. Представители этого направления проблематизируют само понятие времени, настаивая на

необходимости выхода за рамки абсолютного (линейного, хронологического, единообразного) времени и включения понятия относительности времени, выражающегося в его разнонаправленном, эластичном и телескопическом характере (Sánchez-Mira, Bernardi 2021). Солидализируясь с этими идеями, отметим тем не менее, что первым шагом в исследовании разворачивания человеческой жизни во времени должна стать фиксация именно объективных фактических затрат времени, выражаемых с помощью часов, а лишь затем можно анализировать включение одних видов деятельности в другие, их иерархию, а также содержание субъективных образов времени, в том числе разнонаправленность, обращенность к разным модусам времени, выделение временных перспектив и т.д.

Во-вторых, это социологические исследования агентности, способности человека к действию, осуществлению осознанного и свободного выбора. М. Эмирбайер и А. Мише определяют агентность как встроенный во время процесс социальной вовлеченности, включающий три составных элемента (итерация, проективность и практическая оценка), которые соответствуют разным временным ориентациям (на прошлое, будущее, настоящее) (Emirbayer, Mische 1998). Такой подход полезен и для нашего исследования, поскольку ориентирует на анализ культуры старения сквозь призму ориентаций на временные модусы (прошлое, настоящее и будущее). Однако эти ориентации для пожилых людей неравноценны: определенное отсечение будущего (и в объективном, и в субъективном планах) происходит по мере приближения к концу жизни, и человек не может этого не осознавать. Мету этого осознания хорошо выразил известный актер А.В. Ромашин: «Возраст — это не количество прожитых лет, а число оставшихся мгновений». В связи с этим интересно выявление разных стратегий (в том числе выбора разных занятий) восполнения схлопывающегося, закрывающегося будущего. При этом изучение ориентаций на разные модусы времени не должно замыкаться лишь на психологических исследованиях, хотя психологи и психиатры активно работают в этом направлении (Liao, Carstensen 2018; Löckenhoff 2011; Malkoc, Zauberan 2019; Schafer, Shippee 2010).

Идея о том, что агентность закреплена во временной структуре ориентаций (т.е. предпочитаемых направленностях на разные модусы времени) — важнейший принцип биографических исследований (Kohli 2019). Не используя в данной работе этот метод исследования, отметим, что осознание необходимости различения «повседневного времени» как чего-то относительно рутинного и «времени жизни» как линейно переживаемой структуры, в которой индивид ищет биографическую непрерывность и связность (Alheit 1994), является важнейшим положением, обязывающим зафиксировать

фактическое распределение времени, и лишь затем переживания времени, а применительно к агентности еще и потребность контроля за временем своей жизни. Именно поэтому мы не ограничиваемся только методом хронометрирования с помощью дневника времени, а предполагаем анализировать и оценку респондентами полученного результата распределения их занятий во времени, зафиксированную в комментариях к дневнику.

Отдельный пласт работ посвящен анализу разных видов занятий в процессе ведения домашнего хозяйства людьми старшего возраста и на этой основе — выделению значения времени в осмыслении и переструктурировании своей жизни. Так, на основе обширного тематического исследования, основанного на множественных интервью с восемью пожилыми людьми в Англии, Р. Виссер показывает, что любимое занятие (в данном случае — садоводство) может стать основой временного каркаса, структурирующего жизнь пожилого человека (Visser 2018).

Что касается ориентации на прошлое, то здесь репертуар паттернов, почерпнутых из опыта жизни, достаточно разнообразен. Так, привычка быть пунктуальным, обязательным, аккуратным в отношении со временем означает для многих людей проявлять уважение к другим, привычка посещать парикмахерскую, следить за своей физической формой и т.п. были и остаются выражением самоуважения, самоутверждения. Эти привычки «из прошлого» сохраняются достаточно долго, потому что выступают свидетельствами продолжающейся жизни.

Наконец, ориентация на настоящее связана с реакциями на возникающие ситуации «здесь и сейчас».

Изучение ориентаций во времени (уже осуществленных или только продумываемых) можно построить на основе анкетирования, интервьюирования, но наиболее богатый материал дают дневники времени, хотя этот способ исследования трудоемок прежде всего для самих респондентов, поэтому и требования к количеству обследуемых здесь другие.

Значительный интерес вызывает анализ различных концепций старения, демонстрирующих междисциплинарный подход (Сергеева 2012). Отметим также активно расширяющийся пласт работ, в которых изучается старение как таковое: его сущность, потребности и образ жизни пожилых людей, изменения личности в старости, феномен отложенного старения, смыслы возраста и перспективы трансформации этих смыслов, социальное участие людей старшего возраста и т.д. (Видясова, Григорьева 2023; Галкин 2023; Григорьева, Бершадская, Дмитриева 2014; Григорьева 2016; Киенко 2023; Мануильская и др. 2021; Подольский, Ермолаева, Шоркина 2022). Весьма значимым шагом в исследовании жизнедеятельности людей старшего возраста и способов старения является операционализация их социального

участия, предложенная канадскими учеными Мелани Левассер с соавторами (Levasseur, Richard, Gauvin, Raymond 2010). Однако хронометрирование как средство исследования в перечисленных работах не применялось.

Методика

Наше эмпирическое исследование использования времени на различные виды деятельности, т.е. бюджетов времени граждан 60+ Ростовской области выполнено в 2023 г. Метод — ведение дневников времени (фиксации всех видов деятельности человека на протяжении трех дней с точностью до 15 минут). Полученные результаты делились на три для определения среднего значения по каждому виду активности в течение суток. Некоторые респонденты представили заполненные дневники за пять дней, и в этом случае полученные данные делились на 5.

Метод саморегистрации временных затрат респондентами — традиционный способ исследования бюджетов времени, применяемый в нашей стране с 1960-х гг. В 1970-е г. получаемые объективные показатели использования времени были дополнены анализом субъективных оценок полученных результатов (Патрушев 1998 а). В своем исследовании мы тоже совмещали дневниковую запись респондентами всех осуществленных ими видов деятельности с момента просыпания до времени отхода ко сну (включая по возможности и время, необходимое для засыпания и ночные пробуждения), сопутствующие им занятия, потраченное на них время, место деятельности, присутствующих при этом лиц и записи обследуемых, фиксирующих их субъективную оценку, степень удовлетворенности полученными результатами, желание иначе распределять свое время. Каждый респондент получил инструкцию, в которой разъяснялось, каким образом фиксировать распределение собственного времени, приводился образец записи, выдавался бланк данных об обследуемом (пол, возраст, оценка состояния здоровья, уровень образования, тип места жительства, работает/не работает, семейный статус и условия проживания, нуждается ли в помощи и получает ли помощь и поддержку) (см. прил.). Фиксировались также число, месяц и дни недели, в которые заполнялся респондентом дневник времени.

Всего с января по июль 2023 г. нами собрано 124 дневника времени, из них отбракованы по техническим причинам — 3 и по причине несовпадения необходимого региона — 4. Таким образом, обработано 117 дневников времени людей в возрасте от 60 до 93 лет (23 мужчины и 94 женщины). Из них 42 женщины 60–69 лет, 39 женщин 70–79 лет, 13 женщин 80–89 лет; 9 мужчин 60–69 лет, 13 мужчин 70–79 лет и 1 мужчина 92-х лет.

Полученные данные легли в основу построения хронометрической модели россиян старше 60 лет. Анализ собранных дневников времени

позволил распределить все виды занятий на несколько категорий: «Повседневные дела» (в том числе гигиенические процедуры, приготовление пищи, хозяйственная работа по дому: уборка, мытье посуды и т.д.); «Забота о членах семьи»; «Работа»; «Религиозная деятельность» (молитвы, посещение храма); «Образование»; «Общественно-полезная деятельность (волонтерство и пр.); «Досуг и хобби»; «Социальность» (в эту рубрику попали различные виды общения); «Непродуктивное время». Важным аспектом стало выделение тех видов деятельности, которые выполнялись самостоятельно, и тех, которые проводились совместно с членами семьи, соседями, друзьями, коллегами и т.д.

Возможна ли одна модель аллокации времени людей «третьего возраста»?

Изначально мы предполагали, что использование дневников времени и подсчет средних значений (в программе Excel) позволит выстроить одну модель аллокации времени. Однако полученная усредненная модель бюджета времени людей старшего поколения по ряду параметров резко расходится с индивидуальными моделями, что подтверждает гипотезу о существовании глубоких индивидуальных различий поведенческих паттернов пожилых людей и способов старения. Это касается даже сна: в среднем на сон пожилые люди тратят 8 ч 21 мин (табл. 1). Однако индивидуальные затраты времени на сон колеблются для женщин в будни от 4:05 (респондент № 99 — 63 г.), 4:20 (№ 85 — 65 лет, № 91 — 65 лет), 4:40 (№ 122 — 60 лет), 4:50 (№ 29 — 72 г.) до 10:00 (№ 1 — 76 лет), 10:10 (№ 22 — 84 г.), 10:21 (№ 21 — 75 лет) и даже 11:30 (№ 25 — 81 г.); для мужчин от 4:30 (№ 120 — 71 г.), 5:30 (№ 84 — 65 лет и № 96 — 65 лет) до 10:30 (№ 41 — 63 г.) и 10:55 (№ 46 — 75 лет).

Таблица 1

Затраты времени пенсионерами на повседневные дела

Вид активности	Итого	Женщины в выходные	Женщины в будни	Мужчины в выходные	Мужчины в будни
Повседневные дела (всего)	13:01	14:31:11	12:42	12:53	11:58
Сон (общее кол-во)	8:21	9:05	7:41	8:35	8:01
Личная гигиена	0:42	0:44	0:42	0:44	0:39
Зарядка / пробежка / тренировка в спорт. зале / лечебная гимнастика / йога	0:08	0:08	0:09	0:06	0:08

Окончание табл. 1

Вид активности	Итого	Женщины в выходные	Женщины в будни	Мужчины в выходные	Мужчины в будни
Посещение врача, лечебные процедуры	0:09	0:09	0:12	0:07	0:08
Прием пищи	1:26	1:22	1:16	1:25	1:41
Приготовление пищи	0:45	1:04	1:00	0:31	0:26
Хозяйственная работа по дому (уборка, мытье посуды и пр.)	1:24	1:50	1:37	1:19	0:51

Такой же разброс мы зафиксировали во многих других видах активности. Так, хозяйственная работа по дому занимает в среднем 1 ч 24 мин, в том числе у женщин в будни — 1 ч 37 мин а у мужчин — 51 мин, в выходные дни у женщин — 1 ч 50 мин и 1 ч 19 мин у мужчин (табл. 1). Тогда как максимальный показатель для одной из респонденток составил 8 ч 35 мин (№ 48 — 76 лет), некоторые женщины показали от 3-х до 4-х с половиной часов), а минимальный — 10 мин (№ 17 — 72 года) и 12 мин (№ 13 — 61 год и № 52 — 66 лет). Восемь женщин за три дня, выпавших на исследование, вообще не занимались хозяйственной работой (№ 10, 38, 39, 44, 60, 61, 108, 119). У мужчин, как мы видим, показатели более скромные, что подтверждает сохраняющийся гендерный дисбаланс для этого поколения.

Степень вовлеченности в жизнь своих близких у наших пенсионеров также расходится с усредненной моделью. Так, занятия с внуками у женщин в будни занимают в среднем 15 мин, в выходные — 8 мин, у мужчин — 3 мин и 4 мин соответственно, тогда как максимальное время для внуков для женщин в будни составило 2:29 (респондентка № 28), 3:40 (№ 88) и 5:40 (№ 121), а минимальное — 10 мин (№ 42). Таким образом, размах времени составил 5 ч 28 мин. В выходные дня у женщин размах времени для занятий с внуками составил 39 мин, максимальные показатель — 1 ч 15 мин (респонденты № 10), а минимальный — 21 мин (респондент № 8). Мужчины занимаются с внуками в будни в среднем 3 мин, а в выходные 4 мин. Такое ничтожно малое количество времени получилось из-за меньшей вовлеченности всего массива мужчин-пенсионеров в занятия с внуками: в будни только один респондент-мужчина занимался с внуком в среднем 1 ч 15 мин (№ 111), а другой — 12 мин (№ 46). В выходной день этот же респондент (№ 46) уделит внуку один час. Другие вовсе не отметили этот вид занятий.

Самообразованием (по программе дополнительного образования) занимается лишь одна из респонденток (№ 17 — 72 года).

Насколько активна религиозная часть жизни современных российских пенсионеров? В среднем на молитвы и посещение храма наши респонденты тратят 4 мин в сутки, причем для женщины в будние дни это 2 мин, в выходные — 13 мин, а мужчины в будни — 1 мин, в выходные — 11 мин. Эти цифры вновь заставили нас обратиться к персональным показателям. Оказалось, что лишь 5 женщин в будни уделяют время религии: от 20 мин (№ 3) до 1 ч 40 мин (№ 108); в выходные это были тоже 5 женщин: 1:55 (№ 1), 2:10 (№ 3), 3:50 (№ 23), 1:00 (№ 75), 2:30 (№ 108). Как видим, одни и те же четыре женщины отводят время посещению храма и в будни, и в выходные дни. Лишь один мужчина посещал храм в выходные и потратил на это 3 ч 11 мин (№ 113), в будни уже два респондента отметили этот вид активности: 0:20 (№ 41) и 0:11 (№ 113). И вновь мы фиксируем, что один и тот же респондент (№ 113) посещает храм и в будни, и в выходной день.

Что касается способов проведения свободного времени, то результаты нашего исследования лишь частично совпадают с результатами исследования В.Д. Патрушева (Патрушев 1998b). Так, на первом месте у пенсионеров по-прежнему (как и в 1995 г.) находится просмотр передач и фильмов по телевизору (2:15), к этому времени можно прибавить еще 11 мин (просмотр их в YouTube), на втором — «чаепития, кофе-брейки, перекуры, пассивный отдых» (0:33), на третьем — чтение бумажных книг дома (0:28), на четвертом месте — прогулки на свежем воздухе (0:25), на пятом — хобби и различные любительские занятия (занятия живописью, музыкой, вязание, игра в шахматы, коллекционирование, рыбалка и т.д. — 0:13), на шестом — компьютерные игры и игры на телефоне (6 мин). Примечательно, что на различные виды общения (как непосредственное, так и опосредованное, как с близкими, так и с коллегами, соседями и даже домашними животными) российские пенсионеры тратят 1 ч 50 мин. Остальные виды занятий в свободное время (учеба, самообразование, физкультура и спорт, посещение театров, выставок, музеев, концертов) отметили единицы.

Трудовой деятельностью тоже занимаются немногие. В среднем работа занимает 1 ч 19 мин, причем мужчины здесь лидируют (табл. 2).

Общественно-полезной деятельностью (волонтерством) на уровне групп и сообществ занимались только 2 информанта (№ 30 — м., 67 лет и № 23 — ж., 73 г.). А вот заботу о членах семьи наши респонденты оказывают чаще: 43 респондентки и 7 респондентов выделили занятия, относящиеся к этой категории.

Таблица 2

Затраты времени пенсионерами на работу

Вид активности	Итого	Женщины в выходные	Женщины в будни	Мужчины в выходные	Мужчины в будни
Работа (всего)	1:19	0:00	1:28	0:00	3:48
Работа вне дома	1:14	0:00	1:14	0:00	3:44
Работа дистанционно	0:04	0:00	0:13	0:00	0:03

Столь большой разрыв между средними показателями по каждому виду активности и индивидуальными моделями аллокации времени репрезентирует противоположность способов проживания пенсионного периода жизни россиянами старше шестидесяти лет, что обязывает построить не одну, а как минимум две полярные хронометрические модели повседневной жизни россиян старше 60 лет, к которым может тяготеть их основная масса. С одной стороны, выделяется группа людей, чья активность характеризуется высокой степенью вовлеченности в жизнь других: совместное времяпровождение, помощь по дому или вне дома, желание осваивать новое, трудовая и волонтерская деятельность и т.д. На другом полюсе оказались те, кто ограничивается минимальным набором активностей, сосредоточен на удовлетворении в основном физиологических потребностей, не реализует возможности коммуникации с другими людьми. Эти две полярные модели аллокации времени репрезентируют принципиально разные варианты опыта старения.

Любая осуществляемая активность реализуется определенным способом. Если под культурой в целом исходя из деятельного подхода понимать ненаследуемые биологически способы и результаты человеческой деятельности¹, то культуру старения можно определить как степень проявляющегося в организации своей жизнедеятельности гармоничного соответствия между ощущением человеком своего нового физиологического, психоэмоционального и социального состояния, детерминированного прежде всего возрастом (и вытекающими из этого проблемами,

¹ В отечественной философской литературе определение культуры как способа деятельности было впервые сформулировано Э.С. Маркаряном: культура — это «специфический способ человеческой деятельности, включающий в себя чрезвычайно сложную и многогранную систему внебиологически выработанных механизмов (и соответственно «умения» их актуализировать), благодаря которым стимулируется, программируется, координируется и реализуется активность людей в обществе» (Маркарян 1972). Такое понимание культуры разделяется и развивается в ростовской культурологической школе.

связанными со здоровьем, внешним видом, сокращением возможностей быть востребованным на работе, заниматься любимым делом, посвящать своё время и силы достижению каких-то целей и т.д.), и выстраиванием персональной жизненной активности. Культура старения состоит в организации сознательного предупреждения и сопротивления биологическим изменениям, происходящим в человеческом организме по достижении пожилого возраста, и в адаптации к своему новому физиологическому и социальному состоянию. Культура старения — это совокупность таких социальных практик людей старше 60 лет, которые позволяют восполнять биологические и социальные потери пожилых людей.

Время пожилых в их оценках

Привычки, паттерны, приемы и способы обращения со временем входят и закрепляются в культуре, в данном случае в культуре старения. В своих дневниках пенсионеры делились впечатлениями и о самом исследовании, и о своих оценках распоряжения собственным временем (сохранены пунктуация и синтаксис респондентов).

Так, одна из респонденток отметила:

Записав и проанализировав свое распределение времени за три дня, я нашла множество недочетов своего расписания. Самой главной проблемой является отсутствие физической активности и малое количество времени, проведенного на свежем воздухе. <...> Также стало понятно, что прием пищи не является регулярным и не происходит в одно и то же время... Еще одна выявленная проблема — это прием таблеток, который не происходит в одно и то же время. Исследование помогло понять основные проблемы с распределением времени (ж., 80 лет, состояние своего здоровья оценивает как «удовлетворительное»).

Эту запись можно интерпретировать следующим образом: респондент демонстрирует желание внести некоторые изменения в свой привычный образ жизни, ориентируясь на собственный анализ полученных ею самой результатов (что само по себе подтверждает сохранившуюся ясность ума, высокий уровень рефлексии по поводу времени своей жизни, адаптивность к изменившемуся с возрастом состоянию здоровья и наличие ориентации на будущее).

Всё хорошо, нормально, меня устраивает мой режим дня и я полностью удовлетворён, потому что в мои годы то, что сегодня происходит со мной, это вполне нормально и хорошо, и больше этого ничего

мне не надо. Меня систематически навещают мои родственники и близкие, также мы ежедневно созваниваемся по телефону. Меня окружают вниманием и заботой, поэтому у меня всё хорошо и моя жизнь меня полностью устраивает (м., 92 г., состояние своего здоровья оценивает «по-разному».

Информант (самый старший по возрасту) выделяет в качестве важнейшего факта включенность в свое социальное окружение, в жизнь своих родственников, регулярные контакты с ними (как непосредственные, так и опосредованные). Оптимистический настрой, удовлетворение организацией времени индивидуальной жизни на фоне достаточно реалистичной оценки своих возможностей свидетельствуют о стойкости, ориентации на настоящее время и принятии особенностей своего возраста.

...хотелось бы больше гулять, проводить время на улице, но из-за плохой погоды боюсь выходить из дома, поэтому сижу дома, смотрю телевизор (ж., 73 г., состояние своего здоровья оценивает как «хорошее»).

Желание этой и многих других респондентов больше времени проводить на свежем воздухе ограничивается не только плохой погодой, но и незначительным количеством парков и скверов, где действительно можно было бы гулять: женщина недаром пишет о проведении времени «на улице», а не в парке.

Меня устраивает мой режим дня, так как он обеспечивает мне все мои физические и духовные потребности. Несмотря на то что я регулярно общаюсь по телефону с друзьями и родственниками, мне не хватает живого общения с ними. А все остальное меня вполне устраивает (м., 75 лет, состояние здоровья оценивает как «удовлетворительное»).

Подводя итоги, хочу отметить, что в целом я довольна своим распределением времени. Я рада, что, несмотря на возраст, у меня хватает сил и здоровья на работу в огороде и хоз. дворе. Также стоит отметить крепкий и достаточно продолжительный сон. Из минусов могу выделить лишь то, что дни достаточно однообразны. Возможно мне стоит больше общаться с подругами, ходить к ним или приглашать их в гости или вносить разнообразие в жизнь другими способами (ж., 76 лет, состояние своего здоровья оценивает как «хорошее»).

Вышеприведенные выдержки из дневников времени отражают общность образа жизни людей 75–79 лет: удовлетворенность налаженным расписанием дня, сохранение контактов с друзьями и родственниками, потребность в живом, а не только в опосредованном общении, а главное — в увеличении разнообразия. О потребности в разнообразии в общении, в любимых занятиях и в целом — в жизни пишут очень многие респонденты и «младшей» возрастной группы (от 60 до 69 лет).

Я очень довольна, что мои дни не так сильно загружены работой, и у меня есть свободное время на просмотр любимых передач или просто отдыха. Я увидела, что каждый день находится минутка для проведения времени с семьёй, я бы хотела увеличить это время, может чаще гулять с семьёй или ходить на различные мероприятия, чего сейчас мне не хватает. Я бы хотела добавить мои хобби в распорядок дня, потому что сейчас всё свободное время уходит на телевизор, это не очень хорошо. Надо больше заниматься рукоделием, я бы хотела чтобы вязание или плетение занимало одну треть моего дня. Я довольна что помимо времени с семьёй я так же много времени провожу наедине с собой, это помогает мне привести мысли в порядок, а также я люблю тишину. Также, заканчивая, я бы хотела добавить, что хочу исправить свой режим сна, меня не устраивает что я поздно ложусь, а просыпаюсь в разное время, я стремлюсь к том, чтобы засыпать в 10 вечера а просыпаться в 9 утра каждый день, это позволит мне сохранить здоровье и энергию. Количество времени, проведенное во сне и качество сна меня радует. Постараюсь улучшить со временем распределение своего времени (ж., 63 г., состояние здоровья оценивает как «хорошее»).

Работающая пенсионерка подтверждает общую тенденцию, связанную с потребностью в расширении поля живого общения с родственниками и друзьями, в увеличении времени досуга, в частности для хобби.

Никто из респондентов не жалуется на одиночество, но из вышеприведенных фрагментов видно, что обеспокоенность в связи со сворачиванием социальных связей проскальзывает.

Хочу отметить, что я довольна распределением своим временем. Я заметила, что мое раннее утро и поздний вечер полностью стабильны (утренние процедуры, уход за животными, вечерняя прогулка), когда как в обед ко мне могут нагрянуть гости (друзья, соседи, дочь) или же из-за погодных условий я могу что-то сделать или же, наоборот,

рот, не сделать. Меня не может не расстраивать время, которое я трачу на какие то обязанности, которые, в молодости, я делала в разы быстрее. Так же, из-за погодных условий, я не уделила должное время огороду и саду, зато я успела хорошо прибраться в доме. Может показаться, что я слишком много уделяю времени на телевизор, но параллельно я могу заниматься и другими делами, такими как кроссворды, сканворды, вязание, разговоры с моими внучками. Мне было интересно вести учет своих действий (ж., 86 лет, состояние здоровья оценивает как «плохое»).

Этот информант сетует на сокращение возможностей заниматься привычными обязанностями по хозяйству, при этом она очень активна: для нее все еще естественны уборка в доме, уход за животными, работа в саду и огороде; она общается с членами семьи, играет в настольные игры, увлекается декоративно-прикладным искусством. Тем не менее просмотр телевизора отмечается в качестве «пустого поглотителя» времени, как и у многих других респондентов. Связи с соседями сохранены.

Я взяла 1 рабочий и 2 выходных дня, так как будни у меня как день сурка и не интересны для исследований. Была удивлена, что очень много времени трачу на еду, и мало на зарядку, также хотела бы уточнить, что работаю я не по 2 часа в день, а по 7, как все люди. Также на работе я много говорю с коллегами, но решила не писать, потому что обычно говорим коротко и по несколько предложений, но часто, чтобы не сильно отвлекаться от работы. В общем я довольна своим времяпрепровождением, я стараюсь чаще встречаться с внучкой и детьми хотя бы раз в неделю, но не всегда получается (ж., 65 лет, состояние здоровья оценивает как «удовлетворительное»):

Респондент отметила однообразность своих дней и расценила это как недостаток (хотя некоторые информанты оценивают этот же факт как признак стабильности). Некоторые особенности длительности занятий ее удивили (например, время на еду). Женщина подчеркнула, что она работает 7 часов в день, что свидетельствует о желании оставаться в сфере активной занятости и быть не хуже других («как все люди»).

Вследствие ухудшения здоровья я очень много времени уделяю сну. Но, к сожалению, это неизбежный фактор старения. Но, что меня порадовало, так это то, что я много времени посвящала прогулкам и разговорам с родными. Меня не сильно интересуют социальные сети,

так как люблю отдохнуть за просмотром новостей или фильмов. Мне было очень интересно провести подобный эксперимент (ж., 83 г., состояние здоровья оценивает как «плохое»).

В комментариях этого информанта (и сравнение их с хронокартой) показывает, что одной из основных форм времяпровождения выступает общение с родными и соседями, что говорит о включенности в устойчивую систему социальных связей и отношений. При этом она достаточно много времени проводит и за просмотром телевизора. Душевное смирение перед возрастом и сопряженным с ним плохим самочувствием уравновешивается несколькими прогулками в течение дня и продолжительным дневным сном.

Записав и проанализировав свои занятия за три дня я сделала несколько выводов. Я не очень довольна тем, что провела мало времени на свежем воздухе, весь отдых проходит лежа за телевизором. Я бы хотела отделить свой отдых от просмотра телевизора, например, сидя во дворе. Так же я поняла, что трачу очень много времени на бытовые дела, а это большая нагрузка. Вместе с этим я мало сплю и ем в течение дня, из-за чего быстро утомляюсь и помногу лежу. Из положительного — я довольна тем, что каждый день занимаюсь зарядкой. В целом, несмотря на некоторые минусы, которые я для себя вынесла, я довольна своим распределением времени, ведь так я чувствую себя комфортно (ж., 65 лет, состояние здоровья оценивает как «удовлетворительное»).

Большинство респондентов считают, что их распределение времени является вполне удовлетворительным, несмотря на некоторые выделенные ими на основе самообследования недостатки (прежде всего — длительность времени, проведенного за «просмотром телевизора»). Принятие настоящего положения дел оценивается как неизбежность и даже как признак некоторой житейской мудрости. Следует подчеркнуть, что многие респонденты (как и данная женщина) делают зарядку.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что довольна количеством времени, потраченным на сон. Времени на общение с близкими за три дня потрачено мало, и это является недостатком. За данный промежуток времени, не было общения с подругами. Так же хочется отметить, что времени, затраченного на прогулку, было достаточно. Это является огромным плюсом. Меня не сильно интересуют

разговоры с соседями, так как люблю отдохнуть за чтением книг. Количеством часов, проведенных за просмотром новостей и сериалов, удовлетворена. Приготовление пищи занимает немало времени, но это позволяет мне принимать разнообразную и всегда свежую пищу. Если судить в целом, то по моему мнению достаточно рационально распределяю свое время (ж., 67 лет, состояние здоровья оценивает как «удовлетворительное»).

И в этом случае мы можем зафиксировать удовлетворение от организации времени, отведённого на сон и прогулки, но респондент выражает сожаление по поводу недостаточности общения «с близкими» и «с подругами». Значительное количество времени отведено на чтение и на приготовление пищи, что говорит о высоком уровне заботы о себе и в духовном, и в телесном смыслах.

Я чувствую себя довольно хорошо в плане психологического здоровья: не чувствую себя одиноко, тоскливо, у меня есть мечты и желания, я не думаю о старости, как о чём-то ужасном — наоборот, теперь у меня есть намного больше времени на заботу о себе, своей семье и близких (ж., 76 лет, состояние здоровья оценивает как «удовлетворительное»).

Здесь явно выражена оценка своего возраста как определенного этапа, где есть свои несомненные плюсы и достижения, в частности, увеличение времени для заботы и о себе, и о близких. Это конкретный пример высокого уровня социальной вовлеченности. С этой точки зрения нынешний возраст оценивается не в качестве какого-то заключительного этапа, а как качественно особый уровень жизнедеятельности.

... я понял, что распределение времени полностью удовлетворяет моим критериям. Небольшое количество времени на сон компенсируется отдыхом на веранде и свежем воздухе. Распорядок дня складывался на протяжении многих лет, но можно было бы заменить просмотр телевизора на сон (м., 74 г., состояние здоровья оценивает как «хорошее»).

Я довольна распределением своего времени. Провожу его с пользой и для себя и для семьи. Успеваю отдыхать на свежем воздухе и выполнять домашние дела (ж., 83 г., состояние здоровья оценивает «поразному»).

И здесь мы видим подтверждение заботы о членах семьи и хорошее (с точки зрения респондента) распределение личного времени.

У меня устоявшийся распорядок дня: я просыпаюсь и ложусь спать практически в одно и то же время, регулярно делаю зарядку для суставов, это очень важно, так как недавно мне сделали операцию по замене сустава. Я хожу к врачу, чтобы отслеживать изменения после перенесенной операции. Я люблю общаться со своими подругами и детьми. Люблю ухаживать за цветами в своём палисаднике. Из минусов, хотелось бы меньше времени проводить за телевизором, но не могу, так как просмотр сериала «Великолепный век» — неотъемлемая часть моей жизни (ж., 76 лет, состояние здоровья оценивает как «хорошее»).

Все три приведенных выше комментария выражают удовлетворение «устоявшимся» распределением времени, но при этом содержат сетования по поводу большого количества часов, проведенных за телевизором. При этом женщина 76 лет отдает себе отчет в том, что она не сможет его сократить. Однако она следит за своим здоровьем, работает в саду, активно общается с подругами и детьми.

Я веду достаточно активный образ жизни для своих лет. У меня есть огород, есть живность, ещё я занимаюсь пчеловодством, провожу музыкальные концерты, посещаю светские мероприятия. Чтобы всё это успевать, я четко распределяю свое время. Я хотел бы вновь сидеть за рулем своей машины и не ждать, когда за мной приедут. Благодаря четкому распорядку дня и встречаю с другими людьми, я чувствую себя в полном расцвете сил (м., 82 г., состояние здоровья оценивает как «удовлетворительное»).

Данный комментарий представляет исключение из общего правила: респондент демонстрирует высокую активность, заявляет о разнообразии своих социальных и трудовых контактов. Он успевает заниматься собственным приусадебным хозяйством, участвует в музыкальных концертах, находит время для реализации своего хобби и т.д. Примечательно, что для полноценного вовлечения в современную социальную жизнь ему не хватает возможности, связанной с быстрым передвижением по городу. Изначальной основой такой активности, кроме уровня здоровья, является нацеленность на реализацию возможных перспектив будущего.

Эти и другие записи свидетельствуют о желании людей возраста 60+ быть «как другие люди»: они не приукрашивают свою жизнь, но и не жалуется. Два респондента сначала настороженно отнеслись к самой проблеме распределения времени и отметили: «А что не так с моим временем?» Но по мере написания своего дневника времени утверждались в правильности собственного опыта и даже выражали удовлетворение исследованием. Способы распределения времени закрепились в их опыте жизни, и, по возможности, они стараются их сохранить, а некоторые даже внести в свою жизнь что-то новое.

Комментарии респондентов позволили выявить повторяющиеся темы, паттерны и пожелания в распределении времени пожилыми и старыми людьми: стремление сделать дни своей жизни менее однообразными; больше времени отводить прогулкам на свежем воздухе и хобби; не ограничиваться опосредованным техническими средствами общением с родственниками и друзьями, а общаться «вживую» (хотя многие зафиксировали еженедельное, а некоторые и ежедневное личное общение с членами семьи). Сокращение же времени, занимаемое просмотром телепередач, рассматривается как основной способ перераспределения личного времени в пользу физической активности и сна и т.д.

Заключение

Проведенный анализ показал применимость методики дневников времени для изучения культуры старения. Качественный анализ дневников времени показал, что люди пенсионного возраста переживают схожие трудности и проблемы, степень остроты которых зависит от состояния здоровья, места и условий проживания, сложившихся привычек, но не от возраста самого по себе.

Введение понятия «культура старения» акцентирует внимание на активности людей старших возрастных групп в создании новой временной формы организации своего бытия. Культура старения — это система наилучших образцов и способов деятельности людей возраста 60+, направленная на их адаптацию к изменениям, детерминированных не только возрастом, но и состоянием здоровья, местом и условиями проживания. Культура старения предполагает сохранение взаимодействия между стареющими индивидами и обществом, поддержание их социальной активности (в том числе через участие не только в привычных, но и в новых для них видах занятий), преодоление изоляции и стигматизации. Важнейшим индикатором культуры старения выступает время, затрачиваемое на каждый вид активности.

Анализ собранных в 2023 г. дневников времени людей пенсионного возраста в Ростовской области позволил выявить и описать значимые особенности и трансформации в их культуре старения. Зафиксировано, что у людей пенсионного возраста уже сложились и устоялись индивидуальные способы распоряжения временем. Установлен большой разрыв между средними значениями по ряду видов активности (хозяйственная работа по дому; общественно-полезная деятельность; занятия с внуками и т.д.) и индивидуальными показателями. Фиксация принципиально разных вариантов опыта старения заставила построить две полярные модели аллокации времени.

Подтверждено сохранение гендерного дисбаланса для людей возраста 60+.

Большинство респондентов вполне удовлетворены тем, как проживают свои дни, хотя и выражают желание кое-что изменить: стать более социально активными, мобильными, чаще встречаться с близкими и с друзьями. Основной способ перераспределения своего времени они усматривают в сокращении пассивного просмотра телевизора. Зафиксировано, что только два респондента вовлечены в волонтерскую и наставническую деятельность, однако многие хотели бы расширить свои социальные связи и обеспечить большее разнообразие «живых» контактов с окружающими людьми.

Наши респонденты 70–79 лет (по сравнению с людьми 60–69 лет) продемонстрировали более оптимистичный настрой, что выразилось в желании расширить состав имеющихся видов занятий, в более частых оценках своего здоровья как «хорошего», а также в удовлетворении собственным участием в жизни семьи и друзей.

Человеческий потенциал представителей старших возрастных групп очень велик. При этом культура старения не складывается в изоляции от общей культуры населения, от культуры других возрастных общностей, а также от уровня поддержки государства и общества. Культура старения является важнейшим системообразующим элементом культуры общества в целом, во многом репрезентирующим и в то же время определяющим его качественные характеристики.

Использование метода ведения дневников времени позволит дополнить и конкретизировать исследование социального участия людей старшего возраста как важнейшего элемента культуры старения.

Литература / References

- Артёмов В.А. (1987) *Социальное время: Проблемы изучения и использования*. Новосибирск: Наука.
- Artyomov V.A. (1987) *Social time: Problems of study and use*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Артёмов В.А. (1999) Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970–1990-е годы. Заславская Т.И., Калугина З.И. (ред.) *Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск: Наука: 573–593.
- Artyomov V.A. (1999) Trends in changes in the daily activities of the population in the 1970–1990s. In: *Social trajectory of reformed Russia: Studies of the Novosibirsk economic and sociological school*. Novosibirsk: Nauka: 573–593 (in Russian).
- Артёмов В.А., Новохацкая О.В. (2012) История исследований использования времени сельского населения в России. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*, 12 (4): 189–196.
- Artyomov V.A., Novokhatskaya O.V. (2012) History of research into the time use of the rural population in Russia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Social and Economic Sciences], 12(4): 189–196 (in Russian).
- Артёмов В.А., Новохацкая О.В. (2017) Трудовая деятельность сельского работающего населения. *Научный диалог: вопросы философии, социологии, истории, политологии : сб. науч. тр. по материалам X междунар. науч.-практ. конф. 1 ноября 2017 г.* СПб.: ЦНК МНИФ «Общественная наука»: 7–10. <https://doi.org/10.18411/spc-01-11-2017-02>.
- Artyomov V.A., Novokhatskaya O.V. (2017) Labor activity of the rural working population. In: *Scientific dialogue: questions of philosophy, sociology, history, political science: collection of articles. scientific tr. based on materials from the X International scientific-practical conf. November 1, 2017*. St. Petersburg: CNK MNIF «Obshhestvennaja nauka»: 7–10. <http://doi: 10.18411/spc-01-11-2017-02> (in Russian).
- Болгов В.И. (1973) *Бюджет времени при социализме. Теория и методы исследования*. М.: Наука.
- Bolgov V.I. (1973) *Time budget under socialism. Theory and research methods*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Видясова Л.А., Григорьева И.А. (2023) Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 16(1): 4–26.
- Vidyasova L.A., Grigoryeva I.A. (2023) Subject field of active/delayed aging research: results of scientometric analysis and mapping. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo*

universiteta. Sociologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology], 16(1): 4–26 (in Russian).

Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. (2018) Одинокие пожилые: доживают или активно живут? *Социологический журнал*, 24(3): 32–55. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992>.

Voronin G.L., Zakharov V.Ja., Kozyreva P.M. (2018) Lonely elderly: surviving or actively living? *Sociologicheskij zhurnal* [Journal of Sociology], 24(3): 32–55. <http://doi:https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992> (in Russian).

Галкин К.А. (2023) Новые тренды в исследованиях возраста и старения в постпандемийный период (обзор исследований). *Успехи геронтологии*, 36(3): 284–291.

Galkin K.A. (2023) New trends in research on age and aging in the post-pandemic period (research review). *Uspekhi gerontologii* [Advances in Gerontology], 36(3): 284–291 (in Russian).

Григорьева И.А. (2016) Смена парадигмы в понимании старения. *Социологические исследования*, 11: 154–155.

Grigoryeva I.A. (2016) A paradigm shift in understanding aging. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 11: 154–155 (in Russian).

Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. (2014) На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 17(3): 151–167.

Grigoryeva I.A., Bershadskaya L.A., Dmitriyeva A.V. (2014) Towards a normative model of society's relations with older people. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 17(3): 151–167 (in Russian).

Караханова Т.М. (1998) Бытовая деятельность городского населения: ее динамика за период с 1986 по 1995 год. *Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения*. М.: Изд-во Института социологии РАН: 77–93.

Karakhanova T.M. (1998) Household activities of the urban population: its dynamics for the period from 1986 to 1995. In: *Daily life activities and labor behavior of the working population*. Moscow: Institut sociologii RAN Publ.: 77–93 (in Russian).

Караханова Т.М. (ред.) (2001) *Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1965–1998 годах*. М.: Институт социологии РАН.

Karakhanova T.M. (ed.) (2001) *Time budget and changes in the life of urban residents in 1965–1998*. Moscow: Institut sociologii RAN (in Russian).

Караханова Т.М. (2006) Повседневная деятельность горожан в показателях бюджета времени (1965–2004 гг.). *Социологические исследования*, 9: 41–51.

Karakhanova T.M. (2006) Daily activities of citizens in terms of time budget (1965–2004). *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 9: 41–51 (in Russian).

Караханова Т.М., Бессокирная Г.П., Большакова О.А. (2014) Труд и досуг рабочих (программа, инструментарий и некоторые предварительные результаты повторного исследования). М.: Институт социологии РАН [<http://www.isras.ru/publ.html?id=3224>] (дата обращения: 21.02.2023).

Karakhanova T.M., Bessokirnaya G.P., Bolshakova O.A. (2014) *Work and leisure of workers (program, tools and some preliminary results of a re-study)*. Moscow: Institut sociologii RAN [<http://www.isras.ru/publ.html?id=3224>] (accessed: 21.02.2023) (in Russian).

Киенко Т. (2023) Социальное участие людей старшего возраста: подходы к анализу и инструменты оценки. *Социологическое обозрение*, 22(2): 225–261.

Kiyenko T. (2023) Social Participation of the Elderly: Approaches to Analysis and Assessment Tools. *Sociologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 22(2): 225–261 (in Russian).

Мануильская К.М., Rogozin Д.М., Грязнова О.С., Ипатов А.А., Вьюговская Е.В. (2021) *Жизнь вне изоляции. Концепция нового социального дома*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Manuil'skaja K.M., Rogozin D.M., Gryaznova O.S., Ipatova A.A., Vyugovskaja E.V. (2021) *Life outside of isolation. The concept of a new social house*. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS (in Russian).

Маркарян Э.С. (1972) Системное исследование человеческой деятельности. *Вопросы философии*, 10: 77–86.

Markaryan E.S. (1972) Systematic study of human activity. *Voprosy filosofii* [Issues in Philosophy], 10: 77–86 (in Russian).

Патрушев В.Д. (ред.) (1963) Бюджет времени рабочих промышленности Красноярского края при 8, 7 и 6-часовом рабочем дне. Красноярск: ИЭ и ОПП СО АН СССР.

Patrushev V.D. (ed.) (1963) *Time budget of industrial workers in the Krasnoyarsk Territory with an 8, 7 and 6-hour working day*. Krasnoyarsk: IJe i OPP SO AN SSSR (in Russian).

Патрушев В.Д. (1998а) Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей. Ядов В.А. (ред.) *Социология в России*. М.: Изд-во Института социологии РАН: 452–471.

Patrushev V.D. (1998a) Time budgets of various social groups and territorial communities. In: *Sociologija v Rossii* [Sociology in Russia]. Moscow: Institut sociologii RAN Publ.: 452–471 (in Russian).

Патрушев В.Д. (1998б) Изменения в условиях жизни и бюджете времени пенсионеров. *Социологический журнал*, 3(4): 221–224.

Patrushev V.D. (1998b) Changes in the living conditions and time budgets of retirees. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 3(4): 221–224 (in Russian).

Патрушев В.Д. (1998с) Свободное время горожан: изменения в его использовании (1986–1995 гг.) Патрушев В.Д. (ред.) *Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения*. М.: Изд-во Института социологии РАН: 94–109.

Patrushev V.D. (1998c) Free time of urban dwellers: changes in its use (1986–1995). In: *Daily life activities and labor behavior of the working population*. Moscow: Institut sociologii RAN Publ.: 94–109 (in Russian).

Патрушев В.Д. (2001) *Жизнь горожанина (1965–1998)*. М.: Academia.

Patrushev V.D. (2001) *The life of a city dweller (1965–1998)*. Moscow: Academia (in Russian).

Патрушев В.Д., Артёмов В.А., Новохацкая О.В. (2001) Изучение бюджетов времени в России XX века. *Социологические исследования*, 6: 112–120.

Patrushev V.D., Artyomov V.A., Novokhatskaya O.V. (2001) Study of time budgets in Russia in the twentieth century. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 6: 112–120 (in Russian).

Патрушев В.Д., Караханова Т.М., Темницкий А.Л. (1996) Жизнь горожанина десять лет спустя: панельное обследование псковитян в 1986 и 1995 годах. *Социологический журнал*, 1/2: 161–168.

Patrushev V.D., Karakhanova T.M., Temnitskiy A.L. (1996) The life of a city dweller ten years later: a panel survey of Pskov residents in 1986 and 1995. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 1/2: 161–168 (in Russian).

Подольский А.И., Ермолаева М.В., Шоркина Н.А. (2022) *Пожилой человек как субъект изучения, поддержки и общения*. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики.

Podolskiy A.I., Ermolayeva M.V., Shorkina N.A. (2022) *An elderly person as a subject of study, support and communication*. Moscow: Izdatel'skii Dom Vyshej shkoly jekonomiki (in Russian).

Пруденский Г.А. (1964) *Время и труд*. М.: Мысль.

Prudenskiy G.A. (1964) *Time and labor*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Сергеева О.В. (2012) Социология старения и возрастного неравенства (обзор западных концепций). *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия, социология и социальные технологии*, 2(17): 74–79.

Sergeeva O.V. (2012) Sociology of aging and age inequality (a review of Western concepts). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofia, sociologiya i social'nye tekhnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Ser. 7: Philosophy, Sociology and Social Technologies], 2(17): 74–79 (in Russian).

Струмили́н С.Г. (1924) *Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 году. Статистико-экономические очерки*. М.; Л.: Вопросы труда.

Strumilin S.G. (1924) *Time budget of the Russian worker and peasant in 1922–1923. Statistical and economic essays*. Moscow; Leningrad: Voprosy truda (in Russian).

Тукумцев Б.Г. (ред.) (2003). *Возрастная классификация старшего поколения. Словарь-справочник по социальной геронтологии*. Самара: Самарский университет.

Tukumtsev B.G. (ed.) (2003). *Age classification of the older generation. Dictionary-reference book on social gerontology*. Samara: Samarskiy universitet (in Russian).

Alheit P. (1994) Everyday time and life time: on the problems of healing contradictory experiences of time. *Time & Society*, 3(3): 305–319.

Emirbayer M., Mische A. (1998) What is agency? *American Journal of Sociology*, 103(4): 962–1023.

Kohli M. (2019) The promises and pitfalls of life-course agency. *Advances in Life Course Research*, Sep:41:100273. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2019.04.003>.

Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. (2010) Inventory and Analysis of Definitions of Social Participation Found in the Aging Literature: Proposed Taxonomy of Social Activities. *Social Science & Medicine*, 71(12): 2141–2149. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.09.041>.

Liao H.-W., Carstensen L.L. (2018) Future time perspective: time horizons and beyond. *Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry*, 31(3): 163–167.

Löckenhoff C.E. (2011) Age, time, and decision making: from processing speed to global time horizons. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1235(1): 44–56.

Malkoc S.A., Zauberman G. (2019) Psychological analysis of consumer intertemporal decisions. *Consumer Psychology Review*, 2(1): 97–113.

Sánchez-Mira N., Bernardi L. (2021) Relative time and life course research. *Longitudinal and Life Course Studies*, 12(1): 19–40. <https://doi.org/10.1332/175795920X15918713165305>.

Schafer M.H., Shippee T.P. (2010) Age identity in context: stress and the subjective side of aging. *Social Psychology Quarterly*, 73(3): 245–264. <https://doi.org/10.1177/0190272510379751>.

Visser R. (2018) Homemaking, Temporality and Later Life. *Home Cultures*, 15(3): 289–307. <https://doi.org/10.1080/17406315.2018.1690295>.

Источники

Труд и занятость в России (2021) *Росстат* [http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf] (дата обращения: 15.02.2022).

Приложение

ПАМЯТКА ПРОВОДЯЩЕМУ ИССЛЕДОВАНИЮ распределения собственного времени человека возраста 60+

Уважаемые участники исследования, приветствуем вас!

Ученые и студенты ЮФУ приглашают вас принять участие в исследовании распределения времени людей старшего возраста и записать в виде дневника те виды занятий, которые Вы совершаете в течение трех дней. Ваше мнение и опыт очень важны для нас. Все ответы анализируются обобщенно, конфиденциальность гарантируется.

Исследование состоит из трех частей:

1. Подробная запись всех видов занятий (с точностью до 15 мин) в течение трех дней; начинать надо с того, во сколько вы проснулись и встали, а заканчивать — во сколько легли спать. Если просыпались среди ночи, то желательно это тоже отметить.

Образец:

время		действие	Итого
Среда			
6:30		Подъем	
6:30	6:40	Заправила постель	10
6:40	7:15	Водные процедуры	35
7:15	7:18	Прием утренних лекарств	3
7:18	7:40	Приготовление завтрака	22
7:40	8:10	Завтрак	30
8:10	8:30	Кормила домашних животных	20
8:30	9:10	Смотрела новости на компьютере	40
9:10	10:30	Уборка дома	80
10:30	11:30	Отдых	60
11:35	12:00	Перекус	25
12:00	14:00	Уборка двора	120
14:00	14:40	Отдых	40
14:40	15:00	Приготовление обеда	20
15:00	15:20	Обед	20
15:20	16:30	Чтение книги	70
16:30	16:50	Выпила чашку кофе	20
16:50	17:10	Разговаривала с родственниками по телефону	20
17:10	18:00	Просмотр телевизора	50
18:00	19:30	Встреча мужа с работы, общение с мужем	90
19:30	20:00	Совместный ужин с мужем	30

2. Запись следует вести в форме таблицы с учетом всех видов деятельности, фиксируя, сколько времени ушло на каждое занятие (сон, гигиен. процедуры; работа, транспорт (передвижения по городу и поездки в другие населённые пункты), общение с членами семьи; с друзьями; выполнение бытовых обязанностей (приготовление пищи, уборка и т.д.); чтение (желательно отметить, что конкретно читали); хобби (что конкретно),

просмотр ТВ; интернет (что конкретно смотрели); общественная работа (напр., волонтерство); возможно, религиозная деятельность (молитва, посещение храма) и т.д. Чем более детально вы фиксировали свои виды занятий, тем лучше и подробнее получится таблица.

3. Анализ того, что получилось: удовлетворены ли вы результатом, хотели ли бы вы иначе перераспределять своё время и т.п. Но не путайте это с расписанием дня.

Образец:

Подводя итоги, хочу сразу отметить, что я довольна временем, которое тратила на сон. На этой неделе я часто устраивала себе «разгрузочные дни», стараясь не сидеть по пять часов в день за домашней работой, ложилась пораньше, старалась выходить на прогулку с мужем, просто что-то смотрела. Это помогло мне «перезагрузиться». Меня никак не удивило количество часов, проведенных за прослушиванием музыки, я очень люблю музыку. Я вообще часто люблю делать несколько дел одновременно. Выполнять какую-либо работу, одновременно смотреть сериал/фильм или слушать музыку. Меня это никак не отвлекает и позволяет сэкономить свое время. Я расстроена количеством времени, которое я затратила на просмотр фильмов и сериалов и направить это время на общение с близкими, с членами семьи, с друзьями.

Мне нравятся посильные умственные нагрузки. Память, как и мышление, нуждаются в постоянных тренировках. Поэтому я нахожу время для разгадывания кроссвордов, ребусов и головоломок, для чтения, складывания паззлов и т.п. Все это способствует сохранению нормальных функций моего мозга.

Если Вы одновременно были заняты двумя видами деятельности, то так и пишите (а в таблице одно будет как «первичное», напр. мыли посуду или проектировали), а другое — как «вторичное» (напр., слушали музыку).

Помните: проверяется НЕ «правильность» и не «оригинальность» вашего распорядка дня (вы — взрослый и самостоятельный человек), а ваше личностное распределение времени. Оно будет отличаться и от других людей и даже от вашего расписания. Нужно записать то, что было в реальности.

Обратите внимание, что записывать надо как можно подробнее и правдивее, с большой точностью.

Успехов!!!

В конце просим заполнить данные о себе
(выделите, подчеркните либо поставьте любой знак рядом с верным
ответом — плюс, галочку)

Укажите ваш пол — М / Ж

Укажите ваш возраст _____

Как вы оцениваете ваше здоровье?

1. хорошее
2. удовлетворительное
3. плохое
4. по-разному
5. другое

Укажите ваше образование:

1. Начальное, основное или среднее
2. Среднее профессиональное, среднее специальное
3. Высшее
4. Ученая степень (кандидат наук, доктор наук)
5. другое

Укажите регион вашего проживания

Укажите тип вашего места жительства

1. мегаполис
2. большой город
3. средний город
4. малый город
5. поселок
6. сельская местность
7. другое (укажите) _____

Работаете ли вы?

1. да
2. нет
3. другое (укажите) _____

Укажите ваш семейный статус и условия проживания

1. одинок, живу самостоятельно в собственном доме/квартире
2. в супружестве, живу с супругом(ой)

3. живу с семьей детей, внуков
4. живу в социальном учреждении (пансионат, дом-интернат, социальный центр и пр.)
5. другое

Получаете ли вы помощь и поддержку

1. нет, не нуждаюсь
2. нет, но нуждаюсь
3. да, от своей семьи
4. да, от своих друзей
5. да, от своих соседей
6. да, получаю помощь на дому от социальных работников
7. да, получаю помощь от других помогающих специалистов-медиков
8. да, получаю помощь от других специалистов (сферы услуг, досуга и пр.)
9. да, получаю помощь от своих сообществ (в клубах, общественных группах, организациях)
10. другое (укажите) _____

Ваши комментарии для исследователей

THE CULTURE OF AGING IN THE FOCUS OF EVERYDAY PRACTICES OF REPRESENTATIVES OF THE “THIRD AGE”

Liudmila Shtompel (lashtompel@sfedu.ru)

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Citation: Shtompel L.A. (2024) The culture of aging in the focus of everyday practices of representatives of the “third age”. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 93–122 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.4> EDN: KTGBWK

Abstract. The article reconsiders the cultural meaning of old age and the aging process. The article is based on the results of a survey of people of retirement age in the Rostov region, conducted in 2023 using time diaries. It has been revealed that modern Russians aged 60+ demonstrate fundamentally different personal experiences of aging, which is statistically expressed in the gap between the average indicators for each type of activity and individual time allocation models. This forced the construction of not one, but two polar chronometric models of the everyday life of Russians over 60 years old, to which the majority of them may gravitate.

The concept of “culture of aging” was introduced, defined as a system of the best examples and methods of activity of people aged 60+, aimed at their adaptation to changes determined not only by age, but also by health, place and living conditions. An analysis of the time diaries of people of retirement age in the Rostov region collected in 2023 made it possible to identify and describe significant features and transformations in their aging culture. It has been recorded that general satisfaction with the skills of distributing one’s time between various activities is accompanied by the need for more active ways of spending time of their life, which cannot be realized for a number of reasons. The author comes to the conclusion that the culture of aging does not develop in isolation from the general culture of the population, from the culture of other age communities. The culture of aging is the most important system-forming element of the culture of society as a whole, largely representing and at the same time determining its qualitative characteristics.

Keywords: older people, “third age”, aging, culture of aging, cultural involvement, time diary.

Acknowledgments

The authors are grateful to the Russian Science Foundation for financial support in the collection and analysis of empirical data (grant no. 23-28-00134).

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕНДЕРНОЙ КАРТИНЫ МИРА МОЛОДЕЖИ: ИССЛЕДОВАНИЯ 1996–2023 гг.

Наталья Александровна Нечаева (n_nechaeva@yahoo.com)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Цитирование: Нечаева Н.А. (2024) Амбивалентность как характеристика гендерной картины мира молодежи: исследования 1996–2023 гг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 123–148.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.5> EDN: KTZOJD

Аннотация. Рассматривается трансформация противоречивой гендерной картины мира молодежи, содержащей черты как традиционных, так и современно-эгалитарных взглядов на положение женщины и мужчины в семье и обществе. Эмпирической базой послужили исследования, проведенные автором в 1996, 2007, 2014 и 2023 гг. Структура гендерной картины мира представлена тремя уровнями — гендерными идеалами, общими диспозициями и ситуационными установками. Результаты исследования показали, что все эти структурные уровни изменяются гетерохронно, но непротиворечиво. Проведен анализ группового и индивидуального противоречивого гендерного сознания. Показано, что нет оснований говорить о поляризации представлений групп молодежи о проблемах гендерного равенства в семье и общественной жизни. Проанализирована амбивалентность как характеристика гендерной картины мира молодежи. Противоречивость на индивидуальном уровне нашла отражение в синдромах характеристик разной степени несовместимости — в амбивалентных и квазиамбивалентных гендерных представлениях. Предложен подход, заключающийся в анализе амбивалентности на разных уровнях гендерной картины мира. Установлено, что весь период с 1996 по 2014 г. характеризовался постепенным возрастанием числа носителей амбивалентных гендерных и семейных взглядов. К 2023 г. выявлена новая тенденция трансформаций — на уровнях общих диспозиций и особенно ситуационных установок по ряду показателей зафиксировано резкое падение количества тех, кто придерживается противоречивых представлений с одновременным увеличением доли юношей и девушек, поддерживающих гендерное равенство в семье и обществе. Это дает основание полагать, что проанализированный период является переходной стадией амбивалентного гендерного сознания.

Ключевые слова: гендерная картина мира, амбивалентность, гендерные идеалы, общие диспозиции, ситуационные установки.

Введение

Глобальные общественные реформы 1990-х годов стали катализатором изменений во взглядах и поведении людей в различных сферах жизни, в том числе вызвали трансформации гендерных и семейных отношений. Особую роль в становлении представлений о том, каковы должны быть эти отношения, играет период вступления во взрослую жизнь — интервал от 17 до 25 лет. «Это так называемые наиболее впечатлительные годы (*impressionable years*), когда люди более всего восприимчивы к социальным изменениям. Опыт, накопленный в процессе социализации именно в этот период, оказывает фундаментальное формирующее влияние на всю оставшуюся жизнь, в течение которой люди становятся все менее и менее восприимчивыми к изменениям» (Радаев 2020: 38). У каждого поколения молодежи этот период связан с определенной эпохой, которая оказывает влияние на то, как воспринимается и оценивается то положение, которое мужчина и женщина должны занимать и занимают в семье и обществе.

В целом установлено, что «процесс модернизации носит нелинейный характер. Он представляет собой не бесконечное движение в одном направлении, а имеет “точки перегиба”, когда преобладающее направление эволюции меняется. В результате модернизация проходит ряд этапов, каждый из которых приводит к характерным для него изменениям в мировоззрении людей» (Инглхарт, Вельцель 2011: 17). В целом это так, однако еще много нерешенных вопросов относительно того, каковы механизмы протекания этих процессов; какое время необходимо, чтобы произошли изменения; как конкретно это происходит в различных сферах жизни.

Общие цели наших исследований заключаются в том, чтобы на основе эмпирических данных зафиксировать, каким образом осуществляется трансформация гендерных картин мира молодежи; в результате каких закономерностей и в течение какого временного периода осуществляется переход от традиционно-патриархатных взглядов на положение мужчины и женщины в семье и обществе к современно-эгалитарным. Какие «точки перегиба» существуют в этом движении? Каковы в итоге к настоящему времени взгляды молодежи на то, какой должна быть семья, каких норм должны придерживаться мужчины и женщины и какие роли играть в современной жизни?

Наша работа началась в 1994 г. (первые пилотажные опросы) и продолжается до сих пор. За это время было проведено пять исследований по единой методике (1996, 2007/2008, 2014, 2023 гг.). Главными понятиями являются *гендерная картина мира* и *гендерная доминанта сознания*.

Гендерная картина мира понимается нами как модель гендерной и семейной действительности — упорядоченная, относительно непротиворечивая, внутренне связанная совокупность существующих в обыденном сознании гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок, в которой находят отражение представления о том, какое положение должны занимать и занимают мужчина и женщина в семье и обществе. Мы стремились зафиксировать модель, представляющую собой обыденную «концепцию» гендерных и семейных отношений, носителем которой является молодежь (Нечаева 1997).

Понятие гендерная картина мира выбрано в качестве основополагающего в силу его эвристичности, заключающейся в том, что оно, во-первых, дает возможность как выявить отдельные уровни гендерного сознания, так и зафиксировать целостный образ того, как современная молодежь воспринимает различные аспекты гендерных и семейных отношений, т.е. на основании широкого набора свойств выделить основные типы этого восприятия. Последнее, с нашей точки зрения, крайне важно, поскольку позволяет ближе подойти к пониманию, что определяет поведение, ибо человек при всем разнообразии характеристик его сознания, существо целостное — субъект, склонный вести себя в жизни определенным образом. Во-вторых, это понятие позволяет раскрыть характер горизонтальных и вертикальных связей между структурными уровнями гендерной картины мира и на языке эмпирических индикаторов показать, обладает ли она целостностью, действительно ли является системой. Наконец, анализ изменений каждого уровня гендерной картины мира и сопоставление их динамики позволяет зафиксировать закономерности трансформации гендерного сознания, как происходит переход от одной гендерной картины мира к другой.

Второе важное для исследования понятие — *гендерная доминанта сознания*, которую мы определили как системообразующую, сквозную характеристику, которая пронизывает все уровни гендерной картины мира и является интегральным отношением к тому положению, которое с точки зрения ее носителя должны занимать мужчина и женщина в семье и обществе. Важно, что она, с одной стороны, упорядочивает спектр взаимосвязанных характеристик каждого уровня системы — гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок, а с другой — сама является интегральным свойством, порождаемым ими. Эмпирически зафиксировано, что на каждом структурном уровне гендерной картины мира доминанта сознания содержательно проявляется по-разному в соответствии с характеристиками данного уровня, но при этом сохраняет свое основное значение — традиционно-патриархатное или современно-

эгалитарное. По сути дела, она представляет собой тот «стержень», вокруг которого собирается и на котором держится главное смысловое содержание картин мира. Эмпирически это зафиксировано в результате факторного анализа в качестве латентных переменных соответствующих факторов на каждом уровне гендерных картин мира и на основе статистически значимых корреляций между синдромами их разных уровней (Нечаева 2019).

Наши исследования начались на заре рыночных реформ, вызвавших стремительные изменения во всех сферах жизни. Современные общественные трансформации приносили и продолжают приносить новые отношения, связанные с гендером и семьей, увеличивают их разнообразие. Однако центральным остается продолжающийся переход от различных видов сохраняющегося до сих пор неравенства к равноправному положению мужчин и женщин. Этот переход протекает в разных сферах жизни крайне неравномерно, образуя своеобразный континуум традиционных и современных форм как в реальной действительности, так и в сознании людей. Поэтому для того чтобы зафиксировать, каким образом трансформируются гендерные и семейные представления молодежи в качестве главного отношения, лежащего в основе моделей, выбрана ось «признание гендерного неравенства — поддержка эгалитарности отношений».

Проанализированы три модели гендерных картин мира: традиционно-патриархатная, противоречивая и современно-эгалитарная. Содержательно краеугольным камнем традиционно-патриархатной модели являются признание гендерного неравенства; поддержка разделения гендерных ролей; убеждение в том, что главная, активная роль как в обществе, так и в семье должна принадлежать мужчине; какие бы новые взгляды ни возникли, главная сфера самореализации женщины — семья, рождение и воспитание детей.

Доминанта современно-эгалитарной модели базируется на отрицании неравноправного, подчиненного положения женщины в семейной и общественной жизни; непризнании разделения гендерных ролей; утверждении важности для женщины внесемейной, профессиональной самореализации.

Третья модель гендерной картины мира представляет собой противоречивое сочетание содержательных аспектов традиционных и современно-эгалитарных представлений.

Структура гендерной картины мира в нашем исследовании представлена тремя уровнями. Первый, наиболее общий уровень образуют гендерные идеалы, задающие эталонные образы мужчин и женщин. Второй уровень — общие диспозиции — отражает предрасположенность вести себя в соответствии с определенными гендерными и семейными ролями

и нормами. Третий уровень, в большей мере приближенный к конкретному поведению, образуют ситуационные установки, фиксирующие склонность к тем или иным поступкам в разнообразных жизненных ситуациях (Нечаева 2019).

Задачи и методика исследования

Полученные ранее результаты проведенных исследований¹ показали, что все структурные уровни картин мира — гендерные идеалы, общие диспозиции и ситуационные установки, а следовательно и все три анализируемые модели — традиционно-патриархатная, противоречивая и современно-эгалитарная, — изменяются гетерохронно: трансформации протекают с различной скоростью (Нечаева 2021).

В рамках указанных ранее целей задачи данной работы заключались в том, чтобы, во-первых, зафиксировать, как на фоне изменений традиционно-патриархатной и современно-эгалитарной картин мира молодежи происходит трансформация противоречивой модели; во-вторых, выяснить, в какой степени эта противоречивая гендерная картина мира является амбивалентной; и наконец, попытаться объяснить, какую роль она играет в переходе от представлений о неравноправии мужчин и женщин к эгалитарности.

Важность внимания к противоречивой гендерной картине мира, вошедшей в себя как традиционно-патриархатные, так и современно-эгалитарные представления, определяется тем, что широкий спектр новых форм семейных и гендерных отношений возникает и принимается людьми постепенно, шаг за шагом вытесняя прежние. Одни традиционные идеалы, ценности, нормы и установки безвозвратно уходят в прошлое, а другие, особенно те, что входят в ядро картины мира, встраиваются в современные отношения и продолжают жить. В этих случаях новое вырастает на старом «фундаменте». Возникает то, что Ю.М. Лотман называл «гетерогенной смесью» (Лотман 1996: 296). Эта «смесь» содержит в разной степени противоречивые гендерные идеалы, диспозиции и ситуационные установки. Их динамика представляет собою важный аспект трансфор-

¹ По единой методике нами проводились исследования под общим названием «Гендерная картина мира молодежи»: 1996 г. — подвыборка молодежи в возрасте от 18 до 25 лет с высшим и незаконченным высшим образованием, N=156 чел. (опрос жителей Санкт-Петербурга, общая выборка репрезентативна по полу и возрасту, N=1070 чел.); 2007 г. — опрос студентов вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 24 лет, N=123 чел.; 2014 г. — опрос студентов вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 24 лет, N=122 чел.; 2023 г. — опрос студентов вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 24 лет, N=113 чел.

мации гендерных картин мира, раскрытия закономерностей их изменений и фиксации того, каким конкретно образом один тип гендерного сознания «превращается» в другой.

Специального анализа требует и вопрос о том, насколько такие представления являются амбивалентными. По этому поводу Н.Дж. Смелзер справедливо подчеркивал, что главное внимание исследователей сосредоточено на полюсах ответов респондентов, «амбивалентность почти не учитывается в большей части опросов. В самом деле, когда респондент вынужден выбирать из альтернатив, она обычно отодвигается в сторону. Опросы часто изображают мир, как бы разделенный на людей, выступающих за или против кого-либо или чего-либо, — явное искажение социально-психологической реальности чувств публики. Эта картина затем овеществляется в воображаемом «общественном мнении», ее выдают за реальность в прессе, с ней знакомятся рыночные аналитики и политики — и действуют соответственно. Следуя этой линии рассуждения, мы должны рассматривать исследование установок не как выявление предпочтений, а как искаженную структуру реальности, которая сводит к минимуму и при этом делегитимирует как неоднозначность, так и амбивалентность» (Смелзер 2012: 39). Именно для того чтобы избежать такого искажения реальности, были проанализированы изменения не только моделей представлений о гендерных и семейных отношениях, расположенных на полюсах оси «традиционность — современность», но и модель, содержащая противоречивые (вплоть до несовместимых) взгляды по этим вопросам.

Сбор информации осуществлялся на основе анкетного опроса. Для эмпирической фиксации каждого из трех уровней гендерных картин мира был разработан набор индикаторов. Гендерные идеалы фиксировались на основе 16 качеств, отражающих традиционный и современный образы женщины и мужчины. Респонденту предлагалось выбрать наиболее привлекательные для него черты. Уровень общих гендерных диспозиций состоял из 23 индикаторов, каждый из которых представлял собой пару суждений — смысловых аспектов традиционно-патриархатной и современно-эгалитарной картин мира. Участник опроса осуществлял выбор наиболее близкой ему точки зрения. Уровень ситуационных установок был представлен 16 проблемными ситуациями, каждая из которых требовала выбора определенного способа поведения, который предлагалось сделать респонденту — указать, как бы он действовал при указанных обстоятельствах (Нечаева 1997).

Таким образом, важным методическим принципом для нас являлся выбор, осуществляемый респондентом — его «конструирование» всех уровней собственной гендерной картины мира. Это было важно, поскольку

«выбирая, человек самостоятельно должен решить, что же из существующих потенциальных возможностей он сделает реальностью. Причем трудность выбора связана именно с осознанием неизбежной потери, особенно если приходится выбирать между двумя и более равными по значимости альтернативами» (Озерина 2008–2009: 96). Мы предполагали (и это подтвердилось результатами исследования), что на всех структурных уровнях системы этот личностный выбор в значительной мере обусловлен смысловым содержанием гендерной доминанты сознания, присущей респонденту, основа которой — поддержка или отрицание гендерного неравенства.

Традиционно-патриархатное и современно-эгалитарное отношение к положению мужчины и женщины в семье и обществе в целом представлено в методике 55 индикаторами. Затем с помощью факторного анализа были выявлены их взаимосвязанные совокупности — синдромы характеристик, каждый из которых отражал определенный содержательный аспект соответствующего уровня картины мира. На этой основе построены показатели, в интегрированном виде фиксирующие отношение к гендерному неравенству в семье и различных сферах жизни общества — признание его необходимости или поддержка эгалитарности отношений. Всего таких факторов (соответственно показателей) эмпирически выделилось семь.

Один — на уровне гендерных идеалов отражал наиболее привлекательные черты традиционного и современно-эгалитарного образа женщины. Общие гендерные диспозиции были представлены четырьмя показателями. Первый объединил индикаторы, фиксирующие поддержку или отрицание доминирующего положения мужчины в обществе и необходимость разделения гендерных ролей. Второй — принятие или отрицание убеждения, согласно которому, главное для женщины — материнство и забота о семье. Третий — привлекательность или непривлекательность роли домашней хозяйки. Четвертый — оправдание или отрицание традиционных ролей мужчины в семье. Уровень ситуационных установок отражен в двух показателях: 1) поддержка или отрицание важности внесемейной реализации женщины (работа, профессия, карьера) и 2) принятие или отрицание необходимости двойной морали, согласно которой нормы и правила поведения для мужчин и женщин должны быть в определенных ситуациях различными.

То, что на уровнях общих диспозиций и ситуационных установок зафиксированы несколько синдромов (факторов), демонстрирует, что каждая общая гендерная доминанта сознания — традиционно-патриархатная или современно-эгалитарная — может «внутри себя» разделяться на от-

дельные частные содержательные составляющие. Такой феномен мы назвали «гендерной субдоминантностью».

Таким образом, совокупность полученных показателей позволила в обобщенном, более сжатом виде представить широкий спектр характеристик традиционной и эгалитарной картин мира молодежи — привести каждый смысловой аспект гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок к «общему знаменателю», отраженному в названии соответствующего показателя.

Понятия противоречивость, расколотость, амбивалентность сознания в философии, социологии и психологии используются по отношению как к общественному (групповому сознанию), так и по отношению к личности, индивидуальному сознанию. «Но основания и проявления раскола сознания совершенно различны на индивидуальном и групповом уровнях» (Лазуткин 2011: 12). Поэтому теоретически и эмпирически рассмотрим их отдельно.

Расколотость группового гендерного сознания: описание понятия и результаты исследований

Расколотость общественного (группового) сознания определяется существованием противоположных картин мира (в том числе гендерных), каждая из которых имеет своего носителя — группу, чьи представители обладают относительно непротиворечивым, «идеальным» типом сознания в веберовском понимании.

Культурные особенности сознания, черты национального характера, сохраняясь столетиями, оказывают существенное, а иногда и решающее, влияние не только на степень успешности проводимых в стране преобразований, на все стороны общественной жизни. К числу таких ярких российских особенностей относится «расколотое сознание», проявляющееся в противостоянии социальных групп, придерживающихся противоположных точек зрения по самым разным аспектам общественной жизни — от религиозных, политических, экономических воззрений до взглядов на гендерные и семейные отношения. Раскол является главной категорией в системе понятий, разработанных А. Ахиезером для анализа тех социокультурных процессов, которые определяют развитие российского общества. (Ахиезер 1997). С.Я. Матвеева подчеркивает, что согласно выводам этого автора, «Россия — “расколотое” общество..., потому что в ней действуют одновременно противоположные, пытающиеся стать господствующими логики. Каждая из этих логик по-своему рациональна и несёт в себе свой собственный проект жизнеустройства, культурную программу, каждая воплощается в социальные институты, образцы и тра-

диции, имеет представления о должном поведении... Первая из них основана на традиционной российской нравственности, складывавшейся с древнейших времен, вторая возникла позднее как элемент развития общества» (Матвеева 1997: 7). Основываясь на результатах исследований С. Чугрова, С. Хантингтон приводит современные данные, демонстрирующие расколотость, разорванность сознания как российской общенности, так и российской элиты и приходит к выводу о том, что дуализм ориентации на Запад или на национальные особенности развития — это черта национального характера, и что «по отношению к центральному вопросу идентичности Россия в 1990-х годах явно оставалась разорванной страной» (Хантингтон 2019: 236).

Что касается гендерного сознания, то традиционно-патриархатная и современно-эгалитарная гендерные картины мира по своему содержанию противоположные, поскольку лежащие в их основе доминанты относительно того, какое положение должны занимать мужчина и женщина в семье и обществе, в корне различаются. Таким «водоразделом» служит вопрос о равенстве и равноправии мужчины и женщины в широком смысле этих слов — не только юридически, но и на уровне обыденного сознания (идеалов, норм и установок людей). Однако, чтобы иметь основания говорить о расколоте гендерного сознания молодежи, необходимо зафиксировать наличие поляризации представлений групп, являющихся носителями этих противоположных гендерных картин мира.

В результате исследований выявлено, что степень противостояния взглядов молодежи на различных структурных уровнях гендерных картин мира существенно отличается.

На уровне гендерных идеалов до 2023 г. поляризации представлений практически не было — постоянно однозначно доминировали приверженцы традиционного идеала: в 1996 г. их было 55 %, а носителей современно-эгалитарного идеала — лишь 8 %; в 2007 г. соответственно 38 и 8 %, в 2014 г. — 55 и 3 %. Среди юношей и девушек большей привлекательностью обладали женщины мягкие, нежные, терпимые, верные, преданные, скромные, бескорыстные, способные пожертвовать многим ради семьи и оттачивали (в факторном решении эти качества имеют отрицательные факторные нагрузки) сильные, уверенные в себе, стремящиеся ни в чем не уступать мужчинам, активные, энергичные, стремящиеся к самостоятельности и экономической независимости, убежденные, что главное в жизни — реализовать свои способности, хорошие профессионалы. Сторонников таких традиционных взглядов было значительно больше, чем тех, чей идеал имеет обратную, «перевернутую» структуру взаимосвязанных качеств, представленных выше.

Таким образом, если до 2014 г. на уровне гендерных идеалов о противостоянии различных точек зрения говорить не приходилось, то к 2023 г. положение дел изменилось. Несмотря на то что этот структурный уровень трансформируется медленно, к 2023 г. и здесь произошли изменения. Количество приверженцев традиционного образа женщины сократилось с 55 % до 30 %, а число тех, кого привлекает современно-эгалитарный женский идеал, в основе которого сила, уверенность в себе, стремление ни в чем не уступать мужчинам, активность и пр., напротив, увеличилось с 3 до 18 %. Тем самым уменьшилась разница между количеством носителей полюсных типов: если в 2014 г. она составляла 52 %, то в 2023 — только 12 %, что свидетельствует о, возможно, намечающейся поляризации представлений молодежи о гендерных идеалах.

Весьма показательно, что соотношение сторонников традиционных и эгалитарных взглядов на эталон женщины к 2023 г. стало почти таким, каким на уровне гендерных диспозиций такое соотношение было уже к 2014 г. Это означает, что гендерные идеалы, существенно отставая по темпу трансформации, тем не менее движутся в том же направлении — современно-эгалитарном — и «догоняют» нижележащие уровни.

На уровне общих гендерных диспозиций до 2014 г. о возможном противостоянии представлений групп молодежи свидетельствовали по крайней мере два показателя из четырех, а именно тех, кто ратовал за то, чтобы мужчина занимал главное положение в обществе и семье, а гендерные роли были разделены, и выступавших за равноправие мужчин и женщин в этих вопросах в 1996 г. было соответственно 48 и 37 %; в 2007 г. — 38 и 31 %, в 2014 г. 39 и 22 %. По второму показателю картина складывалась аналогичная: убежденных, что главное для женщины — рождение и воспитание детей, и считающих материнство важным, но наряду с другими интересами в жизни женщины (профессией, карьерой), было соответственно в 1996 г. 44 и 31 %; в 2007 г. 25 и 43 %; в 2014 г. 35 и 23 %.

Согласно данным 2023 г. картина изменилась: произошло сокращение числа носителей традиционных гендерных диспозиций при увеличении количества тех, кто ратует за эгалитарные семейные и гендерные нормы. В контексте обсуждаемой темы — степени расколотости группового сознания — важно, что намечавшаяся ранее тенденция к поляризации взглядов сменилась явным преобладанием среди молодежи эгалитарных гендерных диспозиций. За доминирование мужчин в семье и обществе и разделение гендерных ролей в настоящее время выступают только 18 % юношей и девушек, а 49 % — за равноправные отношения. Еще больше различие по второму показателю: считающих, что какие бы новые взгляды

ни возникали, главное для женщины — рождение и воспитание детей, забота о семье — 9 %; убежденных в важности материнства наряду с другими сторонами жизни — работой, профессией, карьерой — 68 % опрошенных.

На уровне ситуационных установок также не выражено противостояние представлений молодежи, выбирающих противоположные способы поведения в жизненных ситуациях, связанных с гендерными и семейными проблемами. Но по сравнению с гендерными идеалами ситуационные установки демонстрируют «обратную» картину: если среди первых сторонники традиционных взглядов, как было показано выше, составляют большинство, то среди вторых — их уже крайне мало. А именно: в различных ситуациях склонных действовать в соответствии с двойной моралью (что позволено мужчине, может запрещаться женщине) к 2023 г. осталось только 6 %. Отказывающихся от профессиональной самореализации в пользу различных сторон семейной жизни столько же — 6 %. В структуре гендерных картин мира ситуационные установки наиболее «приближены» к реальной действительности и наиболее конкретны. Вероятно, в силу этого изменения здесь происходят быстрее, чем на более «абстрактных» уровнях — гендерных идеалов и общих диспозиций.

В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что в настоящее время и традиционно-патриархатная, и современно-эгалитарная гендерные картины мира имеют своих носителей среди юношей и девушек, но говорить о расколотости гендерного сознания и поляризации групп с ярко выраженными противоположными взглядами на положение мужчины и женщины в семье и обществе достаточных оснований нет. Рассмотрим противоречивость гендерных представлений на индивидуальном уровне.

Противоречивость индивидуального гендерного сознания: описание понятия и результаты исследования

Существование в реальной жизни людей разных типов, как тех, чье сознание подчинено какой-либо доминанте, так и тех, у кого оно противоречиво, было замечено уже в литературе. Так, в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Стива Облонский говорит Константину Левину: «...ты очень цельный человек. Это твое качество и твой недостаток. Ты сам цельный человек и хочешь, чтобы вся жизнь слагалась из цельных явлений, а этого не бывает...Ты хочешь тоже, чтобы деятельность одного человека всегда имела цель, чтобы любовь и семейная жизнь всегда были одно. А этого не бывает. Всё разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни слагается из тени и света» (Толстой 2022: 46).

Когда речь идет о расколотости индивидуального сознания носителем противоречивых взглядов является сама личность. Ее картина мира одновременно содержит противоположные представления об одном и том же предмете, явлении действительности, не будучи целостной (Лазуткин 2011). Именно противоречивость является главной характеристикой такого типа сознания, о каких бы различных содержательных его сторонах и уровнях ни шла речь.

Противоречивость гендерных картин мира проявляется в том, что они содержат разнообразные сочетания и традиционно-патриархатных представлений, и современно-эгалитарных. Показатели гендерных идеалов, общих гендерных диспозиций и ситуационных установок этого типа включают индикаторы, совокупность которых является смесью противоположных взглядов, отражающих различные аспекты как равноправных отношений мужчины и женщины, так и подчиненно-зависимых. В этих картинах мира отсутствует однозначно выраженная гендерная доминанта сознания — традиционная или эгалитарная.

Гетерохронность изменений не только всех структурных уровней гендерных картин мира, но и отдельных содержательных аспектов (синдромов характеристик) «внутри» самих уровней ярко проявилась в случае трансформаций противоречивого типа гендерного сознания. К 2023 г. динамика гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок демонстрирует отличающиеся тенденции: количество носителей одних из них за 27 лет практически не изменилось; число других постепенно увеличивалось, а третьих, достигнув почти максимального уровня, резко сократилось. Конкретно это происходило следующим образом.

На уровне гендерных идеалов тех, кого более всего привлекает образ женщины, несущий в себе и традиционные, и современно-эгалитарные черты, в 1996 г. было 37 %; в 2007 их стало 54 %; в 2014 — 42 % и в 2023 — 52 %. Конкретные индивидуальные комбинации этих черт могут быть различными. В одних случаях они более «совместимы», в других менее, но в каждом варианте этот образ представляет собою смешение свойств полюсных идеалов, описанных выше. Например, привлекательной является женщина скромная, мягкая, бескорыстная и при этом сильная, активная, уверенная в себе, стремящаяся к самостоятельности и независимости, ни в чем не уступающая мужчинам. Таким образом, к 2023 г. число тех, для кого идеалом женщины являются такие противоречивые образы, увеличилось и достигло половины опрошенных.

На уровне общих диспозиций практически без изменений остается число носителей противоречивых взглядов на то, что муж должен играть в семье традиционные роли кормильца и главы, и самым важным именно

в его жизни должны быть дело, работа, профессия. В 1996 г. юношей и девушек с такими неоднозначными мнениями было 58 %, в 2007 — 58 %, в 2014 — 55 % и в 2023 — 58%.

С 2007 г. отсутствие существенных трансформаций наблюдается в количестве тех, кто противоречиво относится к доминирующему положению мужчин в семье и обществе и существованию разделения гендерных ролей. В 1996 г. их было лишь 15 %, в 2007 — 31 %, в 2014 — 39 %, в 2023 — 33 %. Приведем один из возможных вариантов синдрома представлений по этому показателю. Респондент полагает, что в современном обществе не следует придерживаться традиционного разделения ролей по признаку пола, но при этом убежден, что должны существовать ограничения для женщин в различных сферах жизни — в политике, дипломатии, армии; считает, что для женщин так же, как и для мужчин важны лидерство, успехи и достижения на каком-либо общественном поприще, но ратует за необходимость доминирования мужчин в сфере управления.

Постепенно возрастало число юношей и девушек с противоречивыми представлениями о том, насколько важна и привлекательна роль домашней хозяйки. В 1996 г. их было 19 %, в 2014 — 26 %, а в 2023 стало уже 50 %.

И наконец, по четвертому показателю уровня общих диспозиций сложилась совсем иная картина. До 2014 г. наблюдался рост числа сторонников противоречивых взглядов в отношении того, являются ли главными в жизни женщины материнство, семья и забота о ней (1996 г. — 26 %, 2007 — 32 %, 2014 — 42 %). Примером такой неоднозначной точки зрения служит следующий синдром характеристик: с одной стороны, убежденность в том, что какие бы новые взгляды ни возникали, самое важное предназначение женщины — рождение и воспитание детей; предпочтение таких семейных отношений, при которых жена в значительной мере подчиняет свои интересы интересам мужа; видение смысла любви в том, чтобы войти в мир мужчины, раствориться в нем, даже жертвуя многим ради него; но с другой, — полагание, что забота о детях, муже, родителях не должна быть единственным делом в жизни женщины, поскольку это препятствует развитию ее личности; большее одобрение тех женщин, которые свободное время используют для того, чтобы заниматься своими собственными делами (даже если интересы членов семьи не будут учтены в должной мере), чем женщин, посвящающих досуг дому и семье.

В 2023 г. произошло существенное сокращение числа тех, кто противоречиво относится к материнству и заботе о семье — их стало 23 %. При этом в гендерной картине мира молодежи уже преобладает убеждение, согласно которому наряду с наличием детей в жизни женщины важны работа, профессия, карьера, и ей самой должно принадлежать решение

о том, что является главным. Такой точки зрения стало придерживаться 68 % студенческой молодежи. Произошел «переход» от преобладания смешанных взглядов на современно-эгалитарные позиции.

На уровне ситуационных установок, в целом отличаясь высокой противоречивостью, показатели тем не менее демонстрируют разную динамику. Первый из них фиксирует выбор молодежи в ситуациях, когда женщины вынуждены решать — профессия, карьера или семья и воспитание детей. В одних ситуациях этого типа респондент склонен поступать так, чтобы женщина имела возможность работать, строить карьеру, даже если ради этого приходится жертвовать какими-то семейными ценностями, в других — предпочтение отдается семейным обязанностям при отказе от профессиональной самореализации. Например, они отказываются от предложения интересной работы, которую хотели получить, если это потребует раздельного проживания с ребенком; выбирают отъезд с мужем за границу, даже если известно, что работать по любимой специальности там не смогут и придётся заниматься неквалифицированным трудом; но при этом отвергают роль домашней хозяйки и не соглашаются оставить работу по специальности, несмотря на настойчивые просьбы мужа-предпринимателя и конфликт с ним; полагают, что если есть возможность добиться успеха, нельзя ее упускать, поэтому решают занять руководящую должность и быть по статусу выше мужа даже при конфликте из-за этого; наконец при необходимости переезда в провинцию они отказываются от любимого человека в пользу собственной карьеры. В 1996 г. носителей подобного типа было 40 %, в 2007 стало уже больше половины — 55 %, в 2014 — 59 %, в 2023 — 55 %.

Иная картина к настоящему времени складывается по показателю, фиксирующему установки в разнообразных ситуациях, отражающих поддержку или отвержение двойной морали при оценке поведения мужчин и женщин. Представители этой группы в одних ситуациях выбирают поведение, в основе которого лежит убеждение, что разрешенное (или запрещенное) для мужчины не является таковым для женщины, а в других — склонны к действиям с одинаковой оценкой мужчин и женщин — то, что разрешено первым, не воспрещается и вторым (в ситуациях службы в армии, супружеской неверности, проведении досуга, следования вредным привычкам). Будучи и ранее высокой степень противоречивости в этом аспекте достигла в 2014 г. 80 %. Но к 2023 г. положение дел кардинально изменилось — количество юношей и девушек с такими смешанными установками резко сократилось — до 18 %, при этом 76 % опрошенных продемонстрировали склонность к поведению, отрицающему свод разных правил и норм для женщин и мужчин.

Таким образом, если с 1996 по 2014 г. на всех структурных уровнях гендерных картин мира молодежи разными темпами, но в целом увеличилось количество тех, чьи представления о положении мужчин и женщин в семье и обществе противоречивы, то к 2023 г. их число по некоторым содержательным аспектам на уровнях общих диспозиций и особенно ситуационных установок резко упало с одновременным увеличением доли сторонников современно-эгалитарных представлений.

Ранее мы подчеркивали значение многих понятий теории семиотического пространства Ю.М. Лотмана для понимания и объяснения функционирования и трансформации гендерных картин мира. Это понятия «граница», «внутренняя неоднородность», «асимметрия строения», «центр (ядро) — периферия системы» (Нечаева 2019). В данном случае важно, что внутреннее пространство семиосферы (в нашем случае гендерной картины мира) неоднородно, что определяется гетерогенностью и гетерофункциональностью входящих в нее подсистем (гендерных идеалов, общих гендерных диспозиций и ситуационных установок). Принципиально, что эта неоднородность не должна превышать некоторую границу меры. Излишнее разнообразие внутри семиосферы представляет для нее угрозу — система может потерять единство и «расползтись» (Лотман 1996: 166, 171). Можно предполагать, что в тех случаях, где нами зафиксировано резкое падение числа носителей противоречивых представлений, это обусловлено именно тем, что такая граница меры неоднородности (противоречивости) превышена. Это и обуславливает переход на другие (современно-эгалитарные) позиции. Более того, имеет значение и то, что неоднородность семиосферы характеризуется асимметричностью ее структуры, которая проявляется в соотношении центр — периферия. Центр (ядро) образуют традиционные структуры, в первую очередь обеспечивающие стабильность семиотического пространства в целом. Ю.М. Лотман многократно подчеркивал, что на периферии системы постоянно протекают противоречивые процессы, «кипит разнообразие тенденций», происходит вторжение «чужих» норм». Здесь, на периферии семиосферы, запускается механизм ее изменения (Лотман 1996). С нашей точки зрения, в структуре гендерных картин мира гендерные идеалы тяготеют к ядру, а такой периферией является уровень установок, обеспечивающий поведение в постоянно меняющихся жизненных ситуациях — в целом связь с миром повседневности. Как показали результаты исследования, именно здесь противоречивость достигла самых высоких значений и запустился механизм изменения всей системы. В свою очередь, на всех структурных уровнях картин мира то, какие синдромы по степени противоречивости «опережают» остальные, а какие в большей мере

сохраняют стабильность, определяется, как было показано выше, еще и их конкретным смысловым аспектом. Именно поэтому изменения протекают по-разному не только на различных уровнях гендерной картины мира, но и в пределах каждого конкретного уровня.

Таким образом, на основе полученных данных можно предполагать, что сложный механизм трансформации гендерных картин мира включает одновременное действие этих двух проанализированных параметров. Во-первых, в его реализации играет роль функциональность структурного уровня системы и, во-вторых, конкретный содержательный аспект синдрома характеристик «внутри» каждого уровня.

Анализ «смешанных», неоднозначных гендерных и семейных представлений требует сделать следующий шаг для понимания природы этой противоречивости. Поэтому, как было сказано выше, одной из задач исследования являлся анализ того, насколько противоречивые взгляды юношей и девушек амбивалентны.

Амбивалентность пронизывает многочисленные стороны человеческой жизни. В силу этого Н.Дж. Смелзер выдвинул и обосновал «фундаментальную идею — идею амбивалентности как психологического постулата, необходимого для понимания индивидуального поведения, социальных институтов и в целом условий человеческого существования» (Смелзер 2012: 22). Понятие «амбивалентность» образовано от двух латинских слов: *ambi* — «двойственное, двойное, с обеих сторон» и *valentia* — «сила». Благодаря всепроникающей многогранности оно используется различными науками (психологией, медициной, философией, социологией) в совершенно разных проблемных областях (Блейлер 2001; Зелинская 2013; Мертон 2006; Рябова 2014; Корецкая 2021; Головаха, Панина 1994; Тощенко 2001; Гурко 2020). Несовпадающие предметы различных наук обуславливают разные акценты в толковании той «двойственной силы», противоречивости, которая лежит в основе амбивалентности. В соответствии с предметом нашего исследования в первую очередь нас будет интересовать то, как это понятие рассматривают социальная психология и социология. В первом случае под амбивалентностью понимается «противоречивое (двойственное) отношение субъекта к объекту, характеризующееся одновременной направленностью на один и тот же объект противоположных чувств и установок, обладающих равной силой и объемом» (Овчаренко, Давыдов, Огурцов 2021: 1). Т.Н. Зелинская расширяет спектр того, где проявляется данное отношение и определяет амбивалентность как личностное свойство, «которое присуще каждому индивиду и проявляется в динамической, интегрированной взаимосвязи двух равных или почти равных силой и объемом противоречий в мотивах, эмо-

циях, когнициях и поведении» (Зелинская 2013: 220). Главной характеристикой рассматриваемого понятия является наличие «конкурирующих точек зрения, касающихся одного и того же объекта... Акцент всегда делается на двух сопоставимых, но зависимых компонентах... составляющих целое или единство» (Lüscher 2002: 586).

Когда же речь идет о социологической амбивалентности, акцент переносится на то, каким образом амбивалентность связана с социальной структурой, статусами и ролями. Исходя из такой позиции Р. Мертон и Э. Барбер полагали, что «в широком смысле социологическая амбивалентность — это несовместимые нормативные ожидания, установки, убеждения и поведение, приписываемые социальному статусу (социальной позиции) или набору статусов в обществе» (Merton, Barber 1963: 94). Конкретизируя и углубляя социологическое понимание амбивалентности Р. Мертон выделил шесть ее видов, в основе которых лежат конфликты различных функций, приписываемых определенному статусу (например, экспрессивной и инструментальной), конфликты между различными статусами, между отдельными социальными ролями, которые играет человек, между несколькими ролями, присущими одному статусу, между противоречивыми культурными ценностями, наконец, амбивалентность, присущая людям, живущим в различных культурах (иммигранты) (Мертон 2006).

Особое значение амбивалентность приобретает в периоды общественных реформ, возникновения событий, приводящих к резкой смене парадигм, изменяющих образ жизни людей, когда на смену прежним, устоявшимся, «старым» ценностям и нормам нередко в активной борьбе приходят «новые». Описывая феномен посттоталитарной амбивалентности, Е.И. Головаха и Н.В. Панина полагают, что она «формируется из двух составляющих — демократических ценностных представлений, с одной стороны, и тоталитарных ориентаций, рожденных в жесткой нормативной системе, — с другой» (Головаха, Панина 1994: 134). Ее специфика, по мнению этих авторов, заключается в том, что «во-первых в массовом и индивидуальном сознании идеологически и нравственно взаимоисключающие ценностно-нормативные подсистемы сосуществуют не как антагонисты..., но как согласованные элементы единого типа сознания и эмоционального отношения к социальной действительности; во-вторых, противоречивые системы ценностей характерны не для разных социальных групп..., а фактически для каждой из больших социальных групп, и, наконец, в-третьих, амбивалентность проявляется в противоречивых сочетаниях демократических ценностей-целей социальных преобразований и тоталитарных ценностей — средств реализации демократических идей» (Головаха, Панина 1994:132–133).

В такие периоды подобные процессы протекают и в анализируемой нами сфере. «Изучение семейных отношений при противоречивых социальных институтах, переходах из одного общества в другое или изменениях внутри данного общества выявляет амбивалентность и вытекающую из этого семейную динамику, которые менее очевидны в относительно стабильные времена и ситуации, даже если они имеют место» (Connidis 2015: 87).

Опираясь на работы К. Люшера и К. Пиллмера, И. Коннидис подчеркивает, что, «во-первых, амбивалентность позволяет выйти за пределы дуалистических представлений о семейной жизни, которая либо протекает гладко, либо состоит из конфликтов (Lüscher, Pillemer 1998; Pillemer, Lüscher 2004), демонстрируя одновременное существование противоречивых чувств, ожиданий и сил как характеристику семьи и общественной жизни (Connidis, McMullin 2002a; 2002b). Во-вторых, амбивалентность позволяет применять многоуровневый анализ, соединяющий индивидуальный опыт, социальные институты и макроуровневые системы неравенства, социальные, экономические, политические процессы и глобализацию» (Connidis 2015: 77).

Таким образом, понятие амбивалентности, являясь мультидисциплинарным, широко применяется в различных научных и практических сферах, однако существует мало отечественных социологических исследований, раскрывающих этот феномен на теоретическом и особенно на эмпирическом уровнях, в том числе когда речь идет о работах, посвященных гендерным и семейным отношениям. Именно поэтому, анализируя зарубежные исследования, в которых используется понятие амбивалентности, Т.А. Гурко подчеркивает важность привлечения внимания к его использованию и измерению (Гурко 2020). Всё это делает актуальным исследование амбивалентности гендерных и семейных отношений, особенно в современной ситуации роста противоречивости представлений в этой сфере.

С нашей точки зрения, в рамках гендерной картины мира существуют разные уровни амбивалентности — более общие, «глобальные» и менее общие, частные. Соответственно в зависимости от этого могут быть использованы разные подходы к анализу амбивалентности индивидуально-го сознания.

Во-первых, можно говорить об амбивалентности гендерной картины мира в самом общем виде, в целом. Она является таковой, если, исходя из приведенных выше определений, зафиксировано наличие несовместимых ценностей, нормативных ожиданий, установок, направленных на один и тот же объект. В нашем случае описанный выше тип гендерного созна-

ния в целом является амбивалентным, поскольку содержит в себе показатели как традиционных представлений, так и эгалитарных, в основе которых лежит как признание гендерного неравенства, так и отрицание неравного, подчинённого положения женщины в семейной и общественной жизни.

Во-вторых, как было показано выше, количество носителей неоднозначных представлений на разных структурных уровнях гендерной картины мира существенно различается. То, что степень противоречивости гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок не одинакова, свидетельствует о том, что сознание личности может быть более амбивалентным в рамках одних структур и менее — других.

Наконец, в границах того или иного конкретного структурного уровня амбивалентность тоже может отличаться. Это убедительно демонстрируют рассмотренные выше результаты анализа общих гендерных диспозиций и ситуационных установок, на уровне которых общая гендерная доминанта сознания «разбивается» на субдоминанты в зависимости от конкретного содержания того или иного аспекта общего предмета отношения. В этом случае уже в пределах какого-либо одного структурного уровня одни синдромы характеристик могут быть амбивалентными, а другие — нет.

Таким образом, на примере нашей модели гендерных картин мира можно выделить по крайней мере три подхода к анализу амбивалентности индивидуального сознания, отличающиеся разной степенью «глубины»: во-первых, самый общий, в целом фиксирующий наличие несовместимых нормативных ожиданий, установок, убеждений в картине мира человека; во-вторых, рассмотрение того, насколько несовместимы между собой представления различных структурных уровней сознания личности, и, наконец, в третьих, анализ степени амбивалентности в рамках какого-либо конкретного структурного уровня — одного или нескольких.

Другой важный, с нашей точки зрения, аспект выявленных противоречий связан со степенью совместимости (несовместимости) характеристик традиционных и эгалитарных представлений, входящих в рассматриваемый тип. Выше мы привели примеры комбинаций смешанных взглядов. В целом же в эмпирическом поле они представляют собою широкий спектр синдромов с разной степенью «напряженности» их противоречивости. Более «жесткий» их вариант может быть отнесен к *амбивалентным представлениям*, поскольку он содержит явно несовместимые убеждения, нормы и установки. Об амбивалентности можно говорить, «когда поляризованные одновременные эмоции, мысли, социальные отношения и структуры, которые являются важными для конституирования индивидуальной или коллективной идентичности, интерпре-

тируются (или могут быть) интерпретированы как временно или даже постоянно непримиримые» (Lüscher 2002: 587). Более «мягкий» вариант выявленных противоречивых представлений, включающих в себя сочетания различных аспектов традиционной и эгалитарной картин мира, по нашему мнению, можно назвать *квазиамбивалентными представлениями*, т.е. противоречивыми взглядами, имеющими близость, внешнее подобие, сходство с амбивалентностью, но не являющимися по своему содержанию несовместимыми, то есть подлинно амбивалентными.

На данном этапе работы мы выявили долю носителей противоречивых гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок, в которых «смешаны», существуют вместе амбивалентные и квазиамбивалентные представления, однако использованные нами показатели не позволяли перейти на следующий уровень анализа и выявить количество тех и других. Применительно к обсуждаемой теме задача будущих исследований, с нашей точки зрения, заключается в разработке методологии и методики, позволяющей это сделать, чтобы эмпирически зафиксировав, показать, какие синдромы и типы амбивалентных и квазиамбивалентных представлений существуют «внутри» самого противоречивого типа гендерной картины мира. Это позволит сделать еще один шаг к раскрытию и пониманию того, каков механизм трансформаций как гендерных картин мира, так, возможно, и других их типов.

Можно предполагать, что именно квазиамбивалентные представления дают возможность в картине мира (в нашем случае — гендерной) «мирно» сосуществовать противоречивым взглядам — «не как антагонисты, своей постоянной конкуренцией деформирующие психику» (Головаха, Панина 1994: 132–133), а как «гетерогенная смесь, которая функционирует как нечто единое» (Лотман 1996: 296). Согласно результатам многочисленных психологических исследований «сознание не терпит противоречий и пытается выстроить из всех осознаваемых представлений непротиворечивую картину. Если человеку не удастся справиться с противоречием, то он испытывает эмоциональные переживания или временное «отключение сознательного контроля» (Аллахвердов и др. 2015: 165). Вместе с тем «амбивалентность не обязательно негативна, а скорее подразумевает задачу структурирования отношений, которая в большей или меньшей степени создается структурными, ситуативными и личностными факторами» (Lüscher 2002: 587). С нашей точки зрения, на основе приведенных результатов исследований можно предполагать, что стадия противоречивого гендерного сознания с течением времени шаг за шагом и выполняет такую «задачу структурирования» новых современно-эгалитарных гендерных картин мира молодежи.

Заключение

Бурное время перемен, происходящие социальные и экономические преобразования, быстрое возникновение новых норм и образцов поведения мужчин и женщин «колеблет и расшатывает» сложившиеся гендерные и семейные представления юношей и девушек. Все меньшее их число является носителем той или иной «цельной» полюсной гендерной картины мира с однозначно ярко выраженной гендерной доминантой сознания — традиционно-патриархатной или современно эгалитарной. С 1996 г. по 2014 г. постепенно увеличивалось количество тех, чьи представления о положении мужчин и женщин в семье и обществе противоречивы; чьи взгляды на гендерные идеалы, семейные и гендерные нормы, содержание и распределение ролей, способы поведения в различных жизненных ситуациях включают как традиционные представления, так и современные.

К 2023 г. часть субструктур гендерных картин мира демонстрирует резкое падение степени противоречивости и одновременное возрастание количества носителей современно-эгалитарных представлений. Эти процессы начались с уровня ситуационных установок, не затронув пока в большой мере «вышележащие» уровни — общие диспозиции и гендерные идеалы. Полученные результаты дают основание предполагать, что трансформация гендерных картин мира происходит через стадию возрастания количества противоречивых представлений. Такая стадия необходима, поскольку она служит своеобразным «мостом», соединяющим полярные типы представлений — традиционно-патриархатных и современно-эгалитарных. Эта стадия является частью того механизма, благодаря которому по мере накопления вторых постепенно заменяются первые.

Поскольку, несмотря на описанные процессы, количество носителей противоречивых представлений по-прежнему велико, это обуславливает актуальность дальнейшего исследования природы двойственных представлений, одной из характеристик которых является амбивалентность. Необходимость дальнейшего изучения противоречивых представлений обусловлена ещё и тем, «что люди должны жить с амбивалентностью и могут справляться с ней более или менее компетентно и продуктивно. Люди могут даже создавать амбивалентности, как показывают произведения писателей и художников. Намеренное создание амбивалентности может быть стратегией социального взаимодействия. Эта возможность — еще одна причина рассматривать амбивалентность и как шанс, и как бремя» (Lüscher 2002: 587).

С нашей точки зрения, весь проанализированный период с 1996 по 2023 г. можно считать переходной стадией противоречивого гендерного сознания. Возможно, изменения, произошедшие к 2023 г., знаменуют собою начало новой стадии — активного утверждения современно-эгалитарных представлений в гендерных картинах мира молодежи. Но так ли это, покажет время и новые исследования.

Литература / References

Аллахвердов В.М., Науменко О.В., Филиппова М.Г., Щербакова О.В., Аванесян М.О., Воскресенская Е.Ю., Стародубцев А.С. (2015) Как сознание избавляется от противоречий. *Шаги / Steps*, 1(1): 165–181.

Allakhverdov V.M., Naumenko O.V., Filippova M.G., Shcherbakova O.V., Avanesyan M.O., Voskresenskaya E.Yu., Starodubcev A.S. (2015) How consciousness removes contradiction. *Shagi / Steps*, 1(1): 165–181 (in Russian).

Ахиезер А.С. (1997) *Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России)*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Akhiezer A.S. (1997) *Russia: historical experience critique. (Sociocultural dynamics of Russia)*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf (in Russian).

Блейлер Э. (2001) *Аффективность, внушение, паранойя*. М.: Центр психол. культуры.

Bleuler E. (2001) *Affectivity, suggestibility, paranoia*. Moscow: Centr psihol. kul'tury (in Russian).

Головаха Е.И., Панина Н.В. (1994) *Социальное безумие: история, теория и современная практика*. Киев: Абрис.

Golovaha E.I., Panina N.V. (1994) *Social Madness: History, Theory and Modern Practice*. Kiev: Abris (in Russian).

Гурко Т.А. (2020) Понятие амбивалентности в изучении семейных отношений. *Социологические исследования*, 2: 63–73.

Gurko T.A. (2020) The concept of ambivalence in the study of family relations. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2: 63–73 (in Russian).

Зелинская Т.Н. (2013) Экспликация содержания понятия амбивалентности в психологии. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2: 211–221.

Zelinskaya T.N. (2013) Explication of the content of the concept of ambivalence in psychology. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in Psychological and Pedagogical Research], 2: 211–221 (in Russian).

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство.

Inglehart R., Welzel C.S. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Корецкая М.А. (2021) *Амбивалентность власти: мифология, онтология, практика*. СПб.: Алетейя.

Koretskaya M.A. (2021) *The ambivalence of power: mythology, ontology, praxis*. St. Petersburg: Aleteia (in Russian).

Лазуткин В.В. (2011) *Феномен расколотого сознания в российском обществе*. Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Омск.

Lazutkin V.V. (2011) *The Phenomenon of Split Consciousness in Russian Society*. Abstract from dissertation for the degree of candidate of philosophy. Omsk (in Russian).

Лотман Ю.М. (1996) *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. М.: Языки русской культуры.

Lotman Yu.M. (1996) *Inside the Thinking Worlds: Human — Text — Culture — Semiosphere*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury (in Russian).

Матвеева С.Я. (1997) *Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера*. Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему*. Новосибирск: Сибирский хронограф: 3–41.

Matveeva S.Ya. (1997) *A split society: the path and fate of Russia in the socio-cultural theory of Alexander Akhiezer*. In: *Akhiezer A.S. Russia: historical experience critique. (Sociocultural dynamics of Russia)*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf: 3–41 (in Russian).

Мертон Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ; Хранитель.

Merton R. (2006) *Social theory and social structure*. Moscow: AST; Khranitel (in Russian).

Нечаева Н.А. (1997) *Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания*. Клецин А. (ред.) *Гендерные тетради*. СПб.: СПб филиал Института социологии РАН: 17–44.

Nechaeva N.A. (1997) *Patriarchal and feminist worldviews: analysis of the composition of the totality of consciousness*. In: *Gender Notebooks*. St. Petersburg: St. Petersburg Branch of The Sociological Institute of the RAS: 17–44 (in Russian).

Нечаева Н.А. (1999) *Идеал женщины в структуре гендерных картин мира*. Клецин А. (ред.) *Гендерные тетради*. СПб.: СПб филиал института социологии РАН: 5–19.

Nechaeva N.A. (1999) *The female ideal in the structure of gender worldviews*. In: *Gender Notebooks*. St. Petersburg: St. Petersburg Branch of The Sociological Institute of the RAS: 5–19 (in Russian).

Нечаева Н.А. (2019) *Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры*. *Петербургская социология сегодня*, 12: 114–133.

Nechaeva N.A. (2019) *Gender worldview: defining the term and its structure*. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [Saint-Petersburg psychology today], 12: 114–133 (in Russian).

Нечаева Н.А. (2021) Трансформация представлений молодёжи о ролях жены и мужа в структуре гендерных картин мира (1996–2014). И.И. Елисеева (ред.) *Российская семья и благополучие детей*. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН: 54–79.

Nechaeva N.A. (2021) Transformation of youth ideas about the roles of wife and husband in the structure of worldviews (1996–2014). In: *The Russian family and children's welfare*. Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS: 54–79 (in Russian).

Овчаренко В.И., Давыдов Ю.Н., Огурцов А.П. (2021) Амбивалентность. *Гуманитарный портал: Концепты* [<https://gtmarket.ru/concepts/7198>] (дата обращения: 14.06.2023).

Ovcharenko V.I., Davydov Yu.N., Ogurtsov A.P. (2021) Ambivalence. In: *Humanitarian portal. Concepts* [<https://gtmarket.ru/concepts/7198>] (accessed: 14.06.2023) (in Russian).

Озерина А.А. (2008–2009) Категория «выбор» в психологии: теоретическое исследование. *Вестник ВолГУ*, 9(7): 95–97.

Ozerina A.A. (2008–2009) “Choice” category in psychology: a theoretical study. *Vestnik VolGu* [Volgograd State University Herald], 9(7): 95–97 (in Russian).

Радаев В. (2020) *Миллениалы: Как меняется российское общество*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Radaev V. (2020) *Millenials: How the Russian society is changing*. Moscow: Izdatel'skii dom Vyshej shkoly ekonomiki (in Russian).

Рябова М.Е. (2014) Развитие представлений об амбивалентности в философии на рубеже XX — XXI веков. *Вестник Мурманского государственного технического университета*, 17(4): 753–758.

Ryabova M.E. (2014) The Development of Concepts of Ambivalence in Philosophy at the Turn of the 20th — 21st Centuries. *Vestnik Murmanskogo gos. tekhnicheskogo universiteta* [Murmansk State University of Technology Herald], 17(4): 753–758 (in Russian).

Смелзер Н.Дж. (2012) Рациональное и амбивалентное в социальных науках. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(1): 22–46.

Smelser N.J. (2012) The Rational and the Ambivalent in the Social Sciences. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(1): 22–46 (in Russian).

Тощенко Ж.Т. (2001) *Парадоксальный человек*. М.: Гардарики.

Toshchenko Zh.T. (2001) *The paradoxical human*. Moscow: Gardariki (in Russian).

Хантингтон С. (2019) *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Huntington S. (2019) *Clash of Civilizations*. Moscow: AST (in Russian).

Connidis I.A., McMullin J.A. (2002a) Ambivalence, Family Ties and Doing Sociology. *Journal of Marriage and the Family*, 64(3): 594–601.

Connidis I.A., McMullin J.A. (2002b) Sociological Ambivalence and Family Ties: A Critical Perspective. *Journal of Marriage and the Family*, 64(3): 558–567.

Connidis I.A. (2015) Exploring Ambivalence in Family Ties: Progress and Prospects. *Journal of Marriage and the Family*, 77(1): 77–95.

Luescher K., Pillemer K. (1998) Intergenerational Ambivalence: A New Approach to the Study of Parent-child Relations in Later Life. *Journal of Marriage and the Family*, 60(2): 413–425.

Lüscher K. (2002) Intergenerational Ambivalence: Further Steps in Theory and Research. *Journal of Marriage and the Family*, 64(3): 585–593.

Merton R.K., Barber E. (1963) Sociological Ambivalence. In: Tiryakian E. (eds.) *Sociological Theory: Values and Sociocultural Change: Essays in the Honor of Pitirim A. Sorokin*. New York: Free Press: 91–120.

Pillemer K., Lüscher K. (2004) *Intergenerational ambivalences: New perspectives on parent-child relations in later life*. New York: Elsevier.

Источники

Толстой Л.Н. (2022) *Анна Каренина*. М.: Эксмо.

AMBIVALENCE IN YOUNG PEOPLE'S GENDER WORLDVIEW: RESEARCH FROM 1996 TO 2023

Natalia Nechaeva (n_nechaeva@yahoo.com)

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Citation: Nechaeva N. (2024) Ambivalence in young people's gender worldview: research from 1996 to 2023. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 123–148 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.5> EDN: KTZOJD

Abstract. The article examines the transformation of the contradictory youth gender worldview, which contains features of both traditional and modern egalitarian views on men's and women's positions in the family and in society. The empirical base of research consists of studies done by the author in 1996, 2007, 2014 and 2023. Each model's structure is represented by three levels — gender ideals, general dispositions and situational attitudes. Research results show that these structural levels change heterochronically, but consistently. An analysis of group and individual contradictory gender consciousness is carried out. The article proves that there is no polarization of opinions held by different groups of young people about gender equality in families and in society. Ambivalence as a characteristic of youth gender worldview is examined. The contradiction of individual gender consciousness is reflected in syndromes of different degrees of incompatibility — in ambivalent and quasi-ambivalent ideas about gender views. An approach of studying and measuring ambivalence on different levels of gender

worldviews is proposed. It's established that the 1996–2014 observation period saw a gradual increase in the number of those who hold ambivalent gender and family views. By 2023 a new transformation trend is identified in regards to general dispositions and especially situational attitudes. There is a sharp drop of those who hold contradictory views and a simultaneous increase of the number of people who support gender equality in the family and in society. All this suggests that the examined period is a transitional stage of ambivalent gender consciousness.

Keywords: gender worldviews, ambivalence, gender ideals, general dispositions, situational attitudes.

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

КОМПОНЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ АНТИИММИГРАНТСКИХ УСТАНОВОК В ЕВРОПЕ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ISSP

Семен Олегович Парвадов (sparvadov@eu.spb.ru)

Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Парвадов С.О. (2024) Компоненты национальной идентичности как предикторы антииммигрантских установок в Европе: анализ на основе данных ISSP. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 149–178.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.6> EDN: KVSHOX

Аннотация. Рассматривается вопрос, как компоненты национальной идентичности связаны с антииммигрантскими установками в европейских странах на индивидуальном уровне. Исследовательская литература по антииммигрантским установкам была разделена на материальные и символические объяснения восприятия групповых угроз. В формировании воспринимаемых материальных угроз рассматривалась роль субъективного социально-экономического положения, профессиональной квалификации и образования, защищенности на рынке труда. В рамках теории символической угрозы представлена национальная идентичность, которая концептуально проанализирована через гражданско-этническую дихотомию и по сравнительному критерию национальной гордости. Исходя из теоретических оснований были выдвинуты гипотезы, протестированные на трех волнах опросных данных из 20 европейских стран (общий объем выборки N=30746) Международной программы социальных исследований (ISSP 1995-2003-2013). Для подготовки предикторов был осуществлен многогрупповой конфирматорный факторный анализ, в результате которого выделены четыре компонента национальной идентичности. Зависимая переменная «антииммигрантские установки» была сконструирована аналогичным образом. Основным методом анализа выступило многогрупповое моделирование структурными уравнениями. Во всех трех волнах политический патриотизм, экономическая защищенность и уровень образования респондента оказались отрицательно связаны с антииммигрантскими установками. Этнический и слепой национализм продемонстрировал положительную связь с целевым признаком. Культурный патриотизм показал положительную связь с зависимой переменной для 1995 и 2003 гг. и статистическую незначимость для 2013 г. Установлена метрическая инвариантность, что свидетельствует о межгрупповой валидности результатов во времени. Компоненты национальной идентичности продемонстрировали большой объяснительный потенциал в сравнении с социоэкономическими характеристиками респондентов, что свидетельствует в поддержку теории символической угрозы.

Ключевые слова: миграция, антииммигрантские установки, национальная идентичность, теория символической угрозы, теория материальной угрозы, моделирование структурными уравнениями, Международная программа социальных исследований.

Введение

В настоящее время в Европе вновь наблюдается увеличение иммиграционного потока¹ и рост антииммигрантских настроений (Bauer, Hannover 2020; Baláž, Nežinský, Williams 2021).

По сообщениям Агентства ЕС по безопасности внешних границ, число выявлений незаконного пересечения границы в 2023 г. сопоставимо с разгаром «миграционного кризиса» 2015–2016 гг. (около 330 тыс.). Наиболее загруженными маршрутами стали западноафриканский (число прибывших удвоилось по сравнению с прошлым годом — около 28 тыс.) и центрально-средиземноморский (около 144 тыс. — самый высокий показатель с 2016 г.)². Также увеличился поток и легальных иммигрантов. Например, на апрель 2024 г. статус временной защиты получили около 4,2 млн украинских беженцев³.

Усиление иммиграционного потока и антииммигрантских установок в Европе приводит к поддержке правопопулистских сил и росту неонационализма — антиглобалистского националистического подмножества. Оно затрагивает поддержание устоявшихся, но представляемых как находящихся под угрозой национальных границ через нативистские дискурсы (Guia 2016) и социальную эксклюзию (Eger, Valdez 2015; 2019). Радикальные партии активно используют неонационалистическую риторику для мобилизации «проигравших» от глобализации как по экономическим, так и по культурным основаниям (Höglinger et al. 2012) для достижения своих электоральных целей на национальных и на европейском уровне (Bauer, Hannover 2020), что усиливает радикализацию общества в целом (Cutts, Ford, Goodwin 2011).

¹ В 2022 г. в ЕС въехало на 117 % больше иммигрантов, чем в 2021 г. (около 5,1 млн). См.: Migration and migrant population statistics [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics] (дата обращения: 13.06.2024).

² Record arrivals on Western African route in October [<https://www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/record-arrivals-on-western-african-route-in-october-uNCHfO>] (дата обращения: 13.06.2024).

³ Temporary protection for persons fleeing Ukraine — monthly statistics [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Temporary_protection_for_persons_fleeing_Ukraine_-_monthly_statistics] (дата обращения: 14.06.2024).

Рост националистических и нативистских настроений в Европе, базирующихся на восприятии групповых угроз, исходящих от аут-групп, подталкивает обратить более пристальное внимание на национальную идентичность «как чувство принадлежности к стране» (Grigoryan 2014: 2) в качестве предиктора антииммигрантских установок (см., например: Heath, Richards 2019), которому прежде отводилось меньше места, чем политэкономическим объяснениям (Indelicato, Martín 2024).

Исследовательский вопрос статьи заключается в том, чтобы выяснить, как национальная идентичность связана с антииммигрантскими установками в европейских странах на индивидуальном уровне. Вкладом исследования в существующую научную дискуссию стало выявление структуры национальной идентичности в европейских странах и сравнение объяснительного потенциала компонентов национальной идентичности с социоэкономическими предикторами антииммигрантских установок.

Теоретические основания исследования

Отправной точкой изучения предрассудков и предубежденности между группами можно полагать теоретическую работу Г. Блумера (Blumer 1958). Ключевой тезис заключается в том, что расовая предубежденность является следствием относительной групповой позиции. Расовые предрассудки, во-первых, предполагают расовую групповую идентификацию, а во-вторых, формируются посредством взаимоотношений между разными расовыми группами. Иными словами, коллективные представления о своей и чужих группах являются результатом межгруппового опыта и носят динамичный характер. Ключевым аспектом в формировании расовых предрассудков Блумер видит страх утраты превосходства в сферах групповой исключительности доминирующей группы в результате действий внешних групп. Чувство групповой позиции (представления доминирующей группы о своем положении относительно внешней группы) «обеспечивает доминирующую группу рамками восприятия, стандартами суждений, моделями чувствительности и эмоциональными склонностями» (Blumer 1958: 4).

Описанный механизм связи предрассудков и воспринимаемой угрозы стал впоследствии основанием для формулировки теории групповых угроз, которая является основной теоретической рамкой работы.

Предрассудки в рамках данной традиции рассматриваются как коллективный процесс и как «защитная реакция против явных или неявных вызовов исключительным притязаниям доминирующей группы на привилегии» (Quillian 1995: 588). В рамках теории групповых угроз можно выделить два ключевых направления. Теория реального конфликта пред-

полагает, что внешние группы могут представлять угрозу доминирующей группе в терминах игры с нулевой суммой за ограниченные ресурсы, политико-экономическое влияние и материальное благосостояние (LeVine, Campbell 1972; Bobo 1983; Sears, Funk 1991). Согласно теории социальной идентичности, нация/раса как «воображаемые сообщества» (Андерсон 2016) выступают первичными социальными идентичностями, через определение которых формируются представления о «своей» группе и разделяемых морально-нравственных ценностях, убеждениях и нормах поведения. Мировоззренческая «инаковость» «чужих» групп, в свою очередь, воспринимается как угроза (Tajfel, Turner 1986; Branscombe, Wann 1994). При этом вне зависимости от характера угроз (материальная или символическая) ключевым аспектом представляется их восприятие, т.е. коллективное ощущение того, что доминирующей группе угрожает опасность со стороны внешних групп.

Таким образом, антииммигрантские установки в настоящем исследовании рассматриваются как негативная реакция принимающего населения вследствие воспринимаемых угроз со стороны иммигрантов. Иммигранты представляются как внешняя группа, оспаривающая исключительное право собственности принимающего населения как доминирующей группы на аспекты общества и располагаемые ресурсы в широком смысле (Якимова 2017).

Говоря о детерминантах антииммигрантских установок в рамках теории групповых угроз, можно выделить экономические и социокультурные факторы, что базируется на логике восприятия материальной и символической угроз соответственно (Ceobanu, Escandell 2010; Монусова 2021).

В качестве экономических детерминант исследователями выделяется в первую очередь квалификация рабочей силы. Индивиды демонстрируют более проиммигрантские позиции, если обладают чувством превосходства касательно собственных индивидуальных навыков, и обратно (Mayda 2006). Также менее квалифицированные рабочие, кроме ощущения угрозы со стороны иммигрантов в результате увеличения конкуренции на рынке труда, склонны приписывать «поглощение» иммиграционного потока национальной экономикой за счет снижения заработной платы для принимающего населения (Scheve, Slaughter 2001). Низкоквалифицированным рабочим приписывается негативное отношение к иммигрантам вне зависимости от компетенций, в то время как высококвалифицированные рабочие представляются настроенными враждебно только к иммигрантам со схожими профессиональными навыками (Mellon 2019).

Другой важной детерминантой антииммигрантских установок выделяется степень защищенности на рабочем месте. Под защищенностью

в данном случае понимаются инвестиции в человеческий капитал, ориентация на определенные рабочие места, государственное регулирование рынка труда в целом, что характерно для координированных рыночных экономик. Люди, обладающие более «защищенным» статусом занятости, склонны лучше относиться к иммигрантам, и, наоборот, экономическая незащищенность и уязвимость на рынке труда (что является отличительной чертой либеральных рыночных экономик) с учетом национального экономического контекста (например, рецессии) способствуют антииммигрантским установкам (Ortega, Polavieja 2012; Kevins, Lightman 2020; Melcher 2020).

Еще один фактор, определяющий отношение к иммигрантам, — уровень индивидуального благосостояния. Высокий доход ведет к снижению обеспокоенности экономическим соперничеством, что, в свою очередь, может смягчить ощущение угрозы со стороны внешних групп (O'Connell 2005; Мукомель 2017). Доход, профессия и образование в значительной степени определяют социальное положение индивида, от чего зависит его социальный статус, т.е. «относительное положение в своей группе по сравнению с другими группами в данной социальной системе» (Kürper, Wolf, Zick 2010). При этом есть эмпирические свидетельства, демонстрирующие, что субъективный социальный статус, т.е. степень удовлетворенности материальным положением и жизнью в целом, в большей степени предсказывают отношение к иммигрантам, чем объективный показатель дохода (Gidron, Hall 2017).

Таким образом, экономическая защищенность, которая выражается прежде всего в уровне профессиональной квалификации, положении на рынке труда и субъективном благополучии, способствует восприятию материальной угрозы со стороны иммигрантов (Монусова 2021). Тяжелое экономическое положение, обусловленное как индивидуальными (низкая квалификация, уязвимый статус занятости, субъективное ощущение бедности), так и структурными (безработица, низкий экономический рост) факторами (Miller 2012), подталкивает принимающее население воспринимать культурное разнообразие как материальную угрозу (Quillian 1995), в то время как экономическое благополучие способствует установлению и расширению межгрупповых контактов (Semyonov, Glikman 2009). В связи с вышесказанным, можно предположить, что:

Н1. Чем выше уровень экономической защищенности индивида, тем слабее его антииммигрантские установки.

Согласно теории символической угрозы, механизм формирования антииммигрантских установок базируется на конструировании страха утраты идентичности в рамках единой этнокультурной общности при-

нимающего населения (Hjern 2007; Ben-Nun Bloom, Arikian, Lahav 2015). Одной из основных детерминант, связанных с данным теоретическим объяснением, является национальная идентичность. Однако не до конца ясным остается ее предиктивная составляющая. С одной стороны, национальная идентичность в целом представляет «всепроницающее чувство субъективной привязанности к нации» (Huddy, Khatib 2007: 65) и не связана с конкретным отношением к иммигрантам. С другой стороны, конкретные компоненты национальной идентичности могут оказывать различное влияние на антииммигрантские установки.

Исследовательскую литературу по проявлению национальной идентичности в общественном мнении, во-первых, можно разделить по гражданско-этнической дихотомии. Также основанием классификации подобных исследований может выступить сравнительный критерий национальной гордости.

Как отмечает М. Фабрикант, этнический национализм подчеркивает предписанные и врожденные категории общности. Акцент делается на биологическом происхождении, родословной, языковой общности, следовании обычаям и традициям. Гражданский национализм, в свою очередь, обращается к лояльности к общим государственным институтам, смещая акцент с культурно-этнической общности на гордость за достижения в социально-экономической и политической сферах (Fabrykant 2018). Например, Е. Давидов на основе данных Международной программы социальных исследований (далее — ISSP) выделил две конструкции национальной идентичности: национализм и конструктивный патриотизм. При этом исследователь отмечает, что элементы, предназначенные для измерения одной конструкции, могут измерять и другую, что говорит о межстрановом различии в структурах национальной идентичности (Davidov 2009).

Данная дихотомия приписывает «западному» гражданскому национализму положительные черты, а «восточному» этническому — отрицательные (Jutilla 2009). Несмотря на стереотип об этническом основании национализма в Восточной и Центральной Европе (Ariely 2013), основанном на исторической национальной консолидации «малых народов» до обретения государственности в контексте противостояния имперским центрам (Hroch 1985), результаты некоторых исследований показывают, что, в частности, в странах Балтии превалирующим в национальной идентичности является не этнический компонент, а приверженность к стране и ее политическим институтам (Fabrykant 2018). Кроме того, отмечается, что строгое разделение национальной идентичности на этническую

и гражданскую составляющие требует пересмотра (Hjern 1998), а «набор компонентов, составляющих национальную идентичность, не задан заранее некими неизменными свойствами и во многом определяется повесткой дня» (Фабрикант 2018: 23). А потому уместным представляется говорить о мультивокальности современных национальных идентичностей в Европе: индивиды могут определять границы групп как по этнокультурным, так и по гражданским критериям (Lindstam, Mader, Schoen 2019). Тем не менее этническая составляющая национального самосознания, базирующаяся на эссенциалистской системе убеждений, подразумевает эксклюзивный характер идентичности по отношению к аут-группам (Bastian, Haslam 2008; Taniguchi 2021), поэтому гипотеза 2 состоит в том, что:

Н2. Чем выше уровень этнического национализма респондента, тем сильнее его антииммигрантские установки.

В качестве альтернативы обозначенной дихотомии рассматривается многомерность националистических и патриотических установок. В данной традиции при классификации компонентов национальной идентичности используется сравнительный критерий. Национализм подразумевает сравнение Нас с Другими (в данном случае — принимающего населения и иммигрантов), подчеркивается превосходство собственной группы и выстраивание общности вокруг консолидации против Других. Под патриотизмом понимается гордость достижениями своей группы с автономной ориентацией, т.е. без сравнения с Другими (Kosterman, Feshbach 1989).

Проявление национальной гордости может быть «конструктивным» и «слепым». Главным критерием различия выступает самокритика и враждебность к другим группам: акцент на уникальности своей нации и допущении критики в ее адрес позволяет говорить о проявлении «конструктивного» патриотизма, а определение нации через конфронтацию, не допуская сомнений в ее ошибках или неправоте в тех или иных аспектах, свидетельствует о «слепом» национализме (Finell, Zogmaister 2014).

Опираясь на российские данные ISSP, Л. Григорян и В. Понизовский обнаружили, что «конструктивный» патриотизм, который заключается в привязанности к стране на основе критической лояльности и желании позитивных перемен (Huddy, Khatib 2007), имеет два измерения: политический и культурный (Grigoryan, Ponizovski 2018). Во-первых, политический патриотизм может отражать субъективное социально-экономическое благополучие, что, как было сказано выше, снижает восприятие групповых угроз. Во-вторых, политический патриотизм как часть гражданской иден-

тичности если и не устраняет полностью этническую предубежденность, то является влиятельным условием ее ослабления (Дробижева 2017). Наконец, данный компонент национальной идентичности отражает доверие к политическим институтам, а также веру в способности государства нивелировать негативные последствия со стороны аут-групп (Haluuu et al. 2013). Следовательно, гипотеза 3 заключается в том, что:

Н3. Чем выше уровень политического патриотизма респондента, тем слабее его антииммигрантские установки.

Культурный патриотизм затрагивает гордость общей историей, культурным наследием и научно-техническими достижениями в рамках той или иной нации. Хотя разные формы национальной гордости и коррелируют между собой, по отношению к иммигрантам была обнаружена вторичность культурного измерения в сравнении с другими компонентами национальной идентичности (Roccas et al. 2006; Grigoryan, Ponizovskiy 2018). В связи с этим предполагается, что:

Н4. Культурный патриотизм не связан с антииммигрантскими установками.

«Некритический», или «слепой», национализм заключается в нежелании «как критиковать, так и принимать критику в отношении нации» (Schatz, Staub 1997: 231), характеризуется тенденцией к безоговорочной поддержке авторитарных лидеров и тесно связан с этническим национализмом (Schatz et al. 1999). Поэтому ожидается, что:

Н5. Чем выше уровень «слепого» национализма респондента, тем сильнее его антииммигрантские установки.

Исследуя влияние страновых характеристик на проявление компонентов национальной идентичности в общественном мнении, Г. Ариэли пришел к выводу об отрицательной связи между уровнем глобализации страны и национальной гордостью как проявлением патриотизма. При этом наличие прямых конфликтов, высокий уровень неравенства и религиозная однородность свидетельствуют о более высоком уровне национальной гордости (Arieli 2017). Религиозная принадлежность как этнокультурный маркер в данном контексте может быть рассмотрена как часть национальной идентичности (Storm 2011). Также его выводы касательно экономического неравенства согласуются с «отвлекающей» теорией национализма, представленной в работе Ф. Солта. Согласно автору, государство сознательно «генерирует» националистические настроения в обществе, чтобы отвлечь граждан от проблем неравенства и предотвратить мобилизацию против него (Solt 2011). Все это свидетельствует о тесной связи ощущения символической и материальной угроз в отношении иммигрантов (Fasel, Green, Sarrasin 2013).

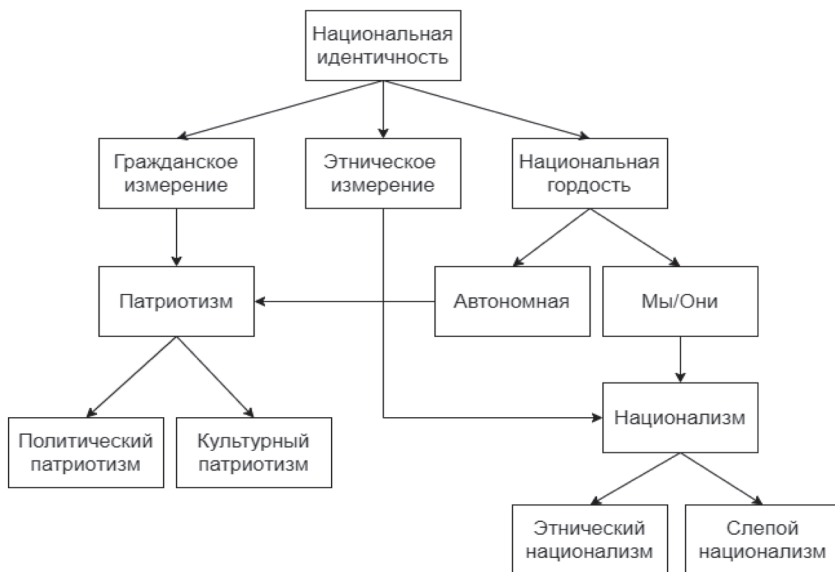

Рис. 1. Концептуализация национальной идентичности

Таким образом, при объяснении антииммигрантских установок представляется важным учитывать, что национальная идентичность может сочетать различные компоненты, основанные как на приобретаемых гражданских, так и на предписываемых этнических составляющих (рис. 1). Гражданские компоненты, в свою очередь, могут определяться в терминах автономной ориентации политического и культурного патриотизма в зависимости от того, достижения какой сферы являются предметом гордости индивидов. Данные компоненты противопоставляются (но не исключают в реальности) элементам национальной идентичности, основанным на конфронтационном сравнении Нас с Другими, и чувству превосходства собственной группы.

Помимо организационных и символических детерминант, стоит также отметить и социально-демографические характеристики, которые на индивидуальном уровне способны представить портрет людей, наиболее подверженных риску развития антииммигрантских установок, когда их групповые прерогативы находятся под угрозой (Hjern 2009; Мукомель 2017). Например, теория социального доминирования предполагает, что такие члены доминирующих групп, как пожилые люди, мужчины и коренные граждане, хуже относятся к внешним группам, поскольку в боль-

шей степени одобряют групповую иерархию в целом, чем члены групп с низким статусом, молодые люди, женщины и иммигранты (Küpper, Wolf, Zick 2010). Вместе с тем, анализируя работы, которые либо непосредственно фокусировались на данных признаках, либо включали их в качестве контрольных переменных, Н. Воронина и П. Фадеев пришли к выводу об отсутствии единой тенденции. Рассмотрев такие показатели, как пол, уровень образования, возраст, семейное положение и тип поселения, авторы констатируют противоречивые результаты современных исследований. При этом, если в случае с большинством социально-демографических характеристик респондента в зависимости от контекста может варьироваться как направление связи, так и статистическая значимость в целом, фактор образования демонстрирует более устойчивую положительную взаимосвязь с отношением к иммигрантам (Воронина, Фадеев 2020).

В научной дискуссии тезис о том, что более образованные люди в меньшей степени склонны к предубеждениям (как по экономическим, так и по социокультурным основаниям) в отношении иммигрантов (Монусова 2021), по-прежнему вызывает вопрос, что представляет данная корреляция — каузальный механизм или систематическую ошибку отбора (Cavaille, Marshall 2019). Неоднозначность данного фактора можно проследить через смещение фокуса с уровня формального образования на содержание образовательного контента. Например, если образовательная система в стране проводит эксклюзивную концепцию национальной идентификации, то в результате потребления такого образовательного контента высокий уровень образования необязательно будет означать более позитивное отношение к иммигрантам (Lee 2023).

Суммируя, можно сказать, что существующая исследовательская литература отмечает влияние как социоэкономических (уровень образования и квалификация, конкуренция и защищенность на рынке труда, социальный статус), так и символических (национальная идентичность и религиозная принадлежность) факторов на антииммигрантские установки. При этом влияние данных факторов противоречиво, отчасти взаимозависимо и разнонаправлено. Данная работа, в свою очередь, призвана выявить связь компонентов национальной идентичности с антииммигрантскими установками в европейском контексте и сравнить объяснительные способности представленных предикторов.

Стратегия исследования и подготовка данных

В качестве эмпирического материала исследования использованы данные Международной программы социальных исследований (ISSP).

В частности, было обращено внимание на серию межнациональных социальных опросов «Национальная идентичность», представленных в базах данных ZA5960¹ (основной кумулятивный файл) и ZA5961² (дополнительный файл) за три волны. Сбор данных проводился в 1994–2015 гг., итоговая выборка составляет 20 стран³ (30 746 респондентов).

Исходя из исследовательских гипотез, для подготовки ключевых предикторов отобраны переменные, отражающие отношение к иммигрантам, национальную гордость, приписываемые и приобретенные индивидуальные компоненты национальной идентичности, социоэкономические характеристики респондента.

Насколько важно, по вашему мнению:

- родиться в (Стране) (v5);
- прожить в (Стране) большую часть своей жизни (v7);
- уметь говорить на языке (Страны) (v8);
- быть (принадлежность к конфессии) (v9).

Мир был бы лучше, если бы люди из других стран были больше похожи на (национальность Страны) (v15).

(Страна) лучше большинства других стран (v16).

Когда моя страна добивается успехов в международном спорте, я горжусь тем, что являюсь (национальность Страны) (v18).

Насколько вы гордитесь:

- тем, как работает демократия в (Стране) (v20);
- политическим влиянием (Страны) в мире (v21);
- экономическими достижениями (Страны) (v22);
- системой социального обеспечения в (Стране) (v23);
- достижениями (Страны) в спорте (v25);
- достижениями (Страны) в искусстве и литературе (v26);
- историей (Страны) (v28);
- справедливым отношением ко всем группам общества в (Стране) (v29).

(Страна) должна следовать своим собственным интересам, даже если это приведет к конфликтам с другими нациями (v32).

¹ ISSP Research Group (2020). International Social Survey Programme: National Identity I–III — ISSP 1995-2003-2013. GESIS Datenarchiv, Köln. ZA5960 Datenfile Version 1.0.0, <https://doi.org/10.4232/1.13471>.

² ISSP Research Group (2020). International Social Survey Programme: National Identity I–III ADD ON — ISSP 1995-2003-2013. GESIS Datenarchiv, Köln. ZA5961 Datenfile Version 1.0.0, <https://doi.org/10.4232/1.13472>.

³ Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Ирландия, Испания, Латвия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция.

Иммигранты:

- повышают уровень преступности (v42);
 - в целом полезны для экономики (v43);
 - отнимают рабочие места у людей, родившихся в Стране (v44);
 - обогащают общество, привнося новые идеи и культуры (v45);
- Число иммигрантов в (Страну) следует увеличить/уменьшить (v48).*

Отобранные переменные отражают степень согласия респондента с утверждением и закодированы от 1 до 4 и от 1 до 5. Для удобства операций над данными большая часть переменных была перекодирована в обратном порядке¹.

Среди социоэкономических характеристик респондента, отражающих уровень экономической защищенности, были подготовлены переменные, отражающие *субъективный социальный статус* (1 — низкий; 2 — средний; 3 — высокий), *текущий статус занятости* (1 — безработный и в поиске работы; 2 — студент/военнообязанный; 3 — на оплачиваемой работе; 4 — работа на дому / на пенсии / инвалид), *степень законченного образования (категории для международного сравнения)* (от 0 — «нет формального образования» до 5 — «высшее образование»).

На основе отобранных переменных был сконструирован новый предиктор «экономическая защищенность»² с точки зрения конкуренции на рынке труда, состоящий из трех категорий. К наименее «защищенной» категории относятся пенсионеры с низким субъективным социальным статусом; рабочие/студенты/военнообязанные либо низкого статуса, либо среднего статуса, но без профессионального образования; безработные с низким и средним статусом. В наиболее «защищенную» категорию попали все респонденты высокого статуса; рабочие/студенты/военнообязанные среднего статуса, но с высшим образованием. Оставшиеся комбинации попали во вторую промежуточную категорию.

Также в качестве контрольных переменных учитываются пол (1 — мужчина; 2 — женщина) и возраст (в годах) респондента.

Все пропущенные и недопустимые значения переменных были удалены на этапе подготовки данных.

¹ Подробная подготовка переменных и общий код решения доступен по ссылке: https://github.com/SP-ANTI/national_identity (дата обращения: 13.06.2024).

² Для дополнительной проверки «экономическая защищенность» вводилась в анализ и в качестве композита, т.е. линейной комбинации наблюдаемых переменных (Henseler, Jörg 2017), показав содержательно идентичные результаты.

Методы и результаты исследования

Для снижения исходного числа переменных был осуществлен *многогрупповой конфирматорный факторный анализ* (multiple group confirmatory factor analysis).

Поскольку ключевые наблюдаемые переменные, участвующие в анализе, являются шкалой Лайкерта и имеют 5 категорий и меньше, оценка параметров модели происходила методом диагонально-взвешенных наименьших квадратов (Diagonally Weighted Least Square) с помощью оценочной функции DWLS¹, которая специально создана для работы с порядковыми данными на больших выборках и основана на предположении о нормальном латентном распределении порядковых переменных (Mindrila 2010; Rhemtulla, Brosseau-Liard, Savalei 2012; Li 2015).

Оценка соответствия моделей осуществляется на основе трех ключевых показателей: индекса сравнительного соответствия (Comparative Fit Index, далее — CFI), стандартизованного среднеквадратичного остатка (Standardized Root Mean Squared Residual, далее — SRMR) и среднеквадратичной ошибки аппроксимации (Root Mean Square Error of Approximation, далее — RMSEA). Данные показатели отражают, насколько тестируемая теоретическая модель соответствует эмпирическим данным. Выводы можно считать валидными, если модель удовлетворяет следующим критериям: CFI >0.90, SRMR <0.08, RMSEA <0.08 (Satorra, Bentler 1988; MacCallum, Browne, Sugawara 1996; Hu, Bentler 1999).

В результате получено пять латентных факторов. Результаты представлены на рисунках 2 и 3.

Фактор «антииммигрантские установки» образован из пяти переменных: число иммигрантов в (Страну) следует увеличить/уменьшить (v48); иммигранты повышают уровень преступности (v42); в целом полезны для экономики (v43); отнимают рабочие места у людей, родившихся в (Стране) (v44); обогащают общество, привнося новые идеи и культуры (v45).

Результаты анализа подтвердили, что национальная идентичность в европейских странах имеет четырехмерную структуру. Факторные нагрузки в целом указывают на сильные ассоциации между латентными факторами и отражающими их наблюдаемыми переменными (>0.3).

Первый фактор «политический патриотизм» включает в себя пять переменных: насколько вы гордитесь тем, как работает демократия в (Стране) (v20); политическим влиянием (Страны) в мире (v21); экономическими достижениями (Страны) (v22); системой социального обес-

¹ Эмпирический анализ выполнен в среде разработки RStudio с помощью пакета lavaan (Rosseel 2012).

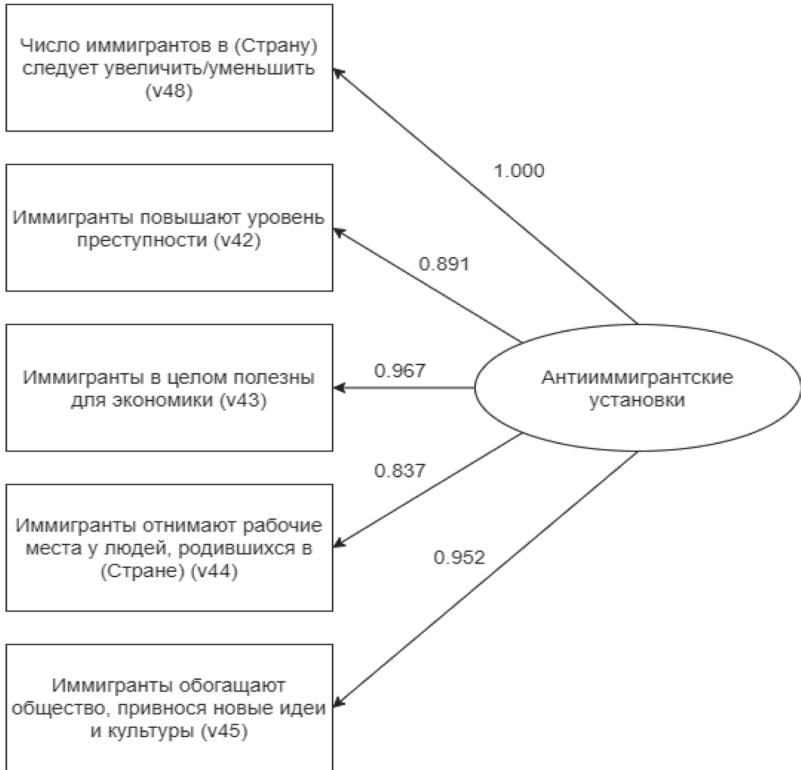

Рис. 2. Однофакторная измерительная модель антииммигрантских установок

печения в (Стране) (v23); справедливым отношением ко всем группам общества в (Стране) (v29).

Второй фактор «культурный патриотизм» является производным от четырех переменных: когда моя страна добивается успехов в международном спорте, я горжусь тем, что являюсь (национальность Страны) (v18); насколько вы гордитесь достижениями (Страны) в спорте (v25); достижениями (Страны) в искусстве и литературе (v26); историей (Страны) (v28).

Третий фактор «этнический национализм» состоит из четырех переменных: насколько важно, по вашему мнению, родиться в (Стране) (v5); прожить в (Стране) большую часть своей жизни (v7); уметь говорить на языке (Страны) (v8); быть (принадлежность к конфессии) (v9).

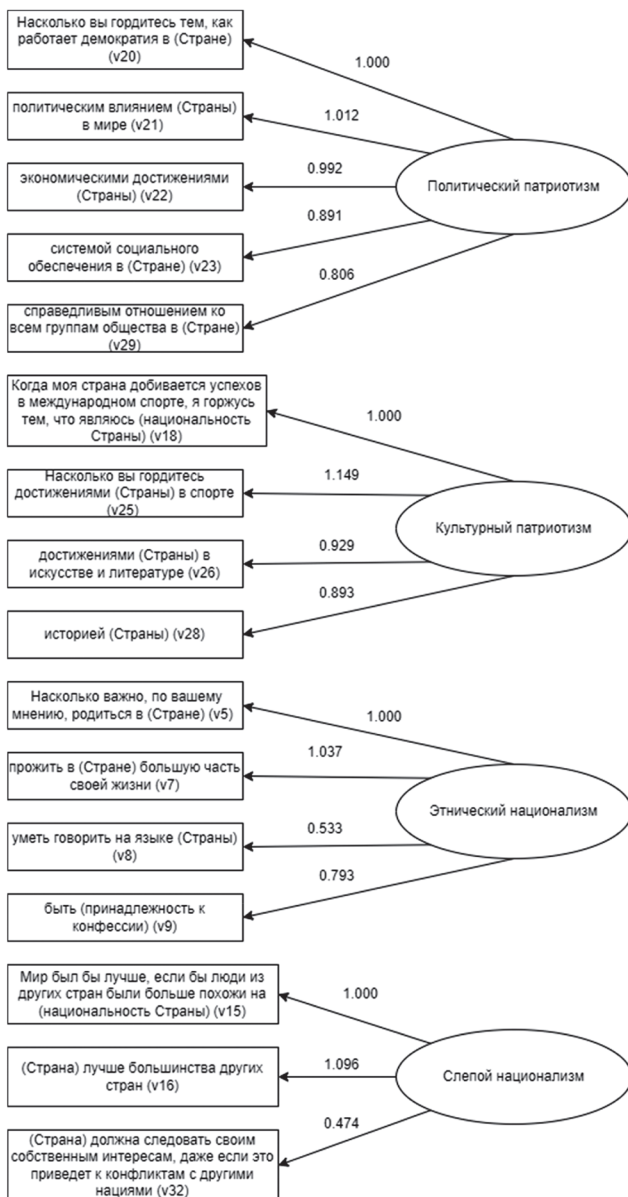

Рис. 3. Четырехфакторная измерительная модель национальной идентичности

Четвертый фактор «слепой национализм» образуется тремя переменными: мир был бы лучше, если бы люди из других стран были больше похожи на (национальность Страны) (v15); (Страна) лучше большинства других стран (v16); (Страна) должна следовать своим собственным интересам, даже если это приведет к конфликтам с другими нациями (v32).

Для получившихся латентных переменных был вычислен коэффициент альфа Кронбаха: 0.78 для антииммигрантских установок, 0.81 для политического патриотизма, 0.69 для культурного патриотизма, 0.64 для этнического национализма и 0.58 для слепого национализма. Анализ надежности показал, что сконструированные факторы внутренне согласованы и могут использоваться для дальнейшего анализа ($\alpha > 0.5$).

Также метрики качества модели подтвердили, что выделенные измерительные структуры в целом соответствуют данным: CFI=0.981, SRMR=0.044, RMSEA=0.066 для антииммигрантских установок и CFI=0.955, SRMR=0.064, RMSEA=0.067 для компонентов национальной идентичности.

Для построенных моделей показатели качества попадают в конвенционные границы значений, что позволяет говорить о конфигурационной инвариантности. Но чтобы в дальнейшем сравнить связи компонентов национальной идентичности с антииммигрантскими установками, а также размеры эффектов во времени (1995, 2003, 2013), тестируется метрическая инвариантность (Widaman, Reise 1997). Для каждой модели последовательно были установлены следующие ограничения. Факторные нагрузки были зафиксированы равными для всех трех временных групп. Путем сравнения изменения CFI для «свободных» моделей и моделей с последовательно введенными ограничениями (равенство факторных нагрузок) удалось подтвердить метрическую инвариантность, поскольку разница в изменении CFI составила < 0.01 (Cheung, Rensvold 2002): 0.005 и для антииммигрантских установок, и для факторов национальной идентичности. В частности, это означает, что «метрика (единица измерения) индикаторов латентного признака соответствует латентному признаку в равной степени» (Руднев 2013: 5) во времени и подтвержденная четырехмерная структура национальной идентичности валидна для всех трех волн.

Основным методом исследования стало *многогрупповое моделирование структурными уравнениями* (multiple group structural equation modeling). После подготовки вышеописанных факторов была построена структурная регрессионная модель с латентной эндогенной переменной «антииммигрантские установки». Для всех латентных предикторов в модели учитываются ковариационные связи, поскольку предполагается, что компоненты национальной идентичности связаны между собой, но на график ненаправленные ассоциации не выносятся для лучшей читабельности. Все

корреляции между латентными переменными свидетельствует о дискриминантной валидности построенной модели ($r < 0.5$), т.е. выделенные факторы содержательно отличаются друг от друга.

Результаты многогруппового моделирования представлены в таблице 1 и на рисунке 4.

Таблица 1

**Регрессионные пути структурной модели для зависимой переменной
«антииммигрантские установки»**

Путь	1995	2003	2013
Политический патриотизм → Антииммигрантские установки	-0.445*** (0.008)	-0.382*** (0.008)	-0.424*** (0.008)
Этнический национализм → Антииммигрантские установки	0.375*** (0.012)	0.315*** (0.015)	0.352*** (0.018)
Культурный патриотизм → Антииммигрантские установки	0.078*** (0.012)	0.044*** (0.009)	0.006
Слепой национализм → Антииммигрантские установки	0.092*** (0.014)	0.265*** (0.014)	0.294*** (0.018)
Экономическая защищенность → Антииммигрантские установки	-0.032*** (0.005)	-0.033*** (0.005)	-0.032*** (0.005)
Образование → Антииммигрантские установки	-0.036** (0.007)	-0.043*** (0.005)	-0.036*** (0.006)
Возраст → Антииммигрантские установки	0.087*** (0.000)	0.078*** (0.000)	0.039*** (0.000)
Пол (женщина) → Антииммигрантские установки	-0.024** (0.011)	-0.017** (0.008)	-0.012
Экономическая защищенность → Политический патриотизм	0.160*** (0.005)	0.195*** (0.005)	0.169*** (0.005)
Образование → Политический патриотизм	-0.127*** (0.006)	-0.066*** (0.004)	0.106*** (0.005)
Образование → Этнический национализм	-0.125*** (0.008)	-0.251*** (0.007)	-0.230*** (0.006)
Образование → Культурный патриотизм	0.032* (0.007)	-0.142*** (0.005)	-0.135*** (0.005)
Образование → Слепой национализм	-0.169*** (0.008)	-0.232*** (0.006)	-0.184*** (0.006)
R2	0.31	0.35	0.42
Количество наблюдений	7529	12317	10900
Примечание. В таблице представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты для структурной модели, в скобках указаны стандартные ошибки *** $p < 0.001$; ** $p < 0.01$; * $p < 0.05$; CFI=0.936; SRMR=0.064; RMSEA=0.061			

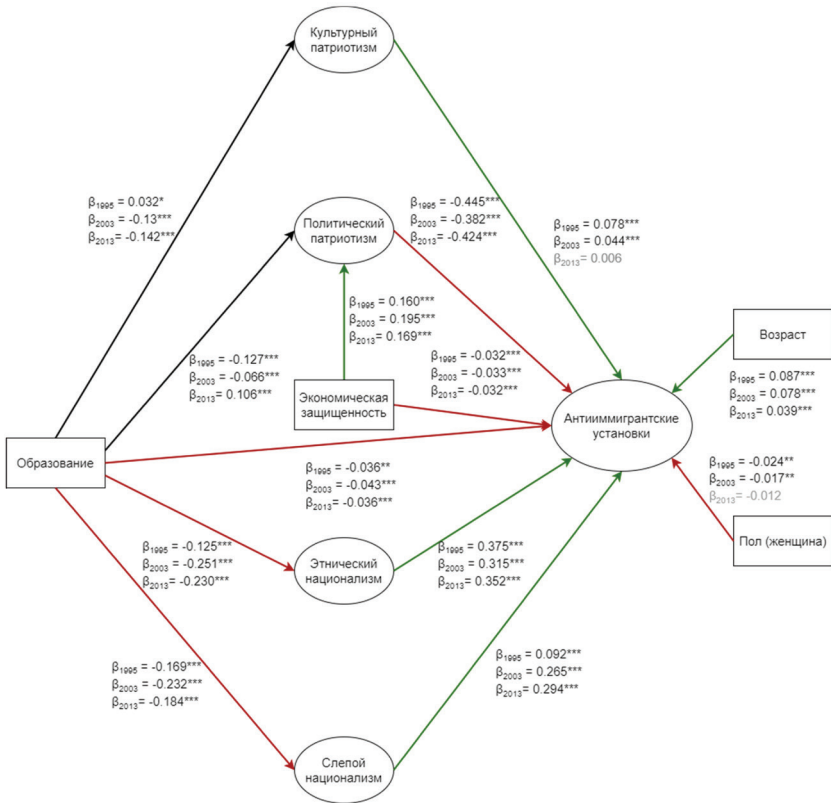

Рис. 4. Результаты многогруппового моделирования структурными уравнениями. Структурная модель для зависимой переменной «антииммигрантские установки»

Как видно из таблицы 1 и рисунка 4, экономическая защищенность отрицательно связана с антииммигрантскими установками: при возрастании данного предиктора на единицу от среднего зависимая переменная во всех трех волнах уменьшается на 0.03 ($p < 0.001$). При этом, как было описано в теоретической части, поскольку политический патриотизм отражает и удовлетворенность своим социально-экономическим статусом, для оценки эффекта переменной экономической защищенности дополнительно учитывается модель посредничества через политический патриотизм. Были рассчитаны стандартизированные эффекты с доверительными интервалами. Размер косвенного эффекта составил -0.070 [-0.078 ; -0.061]

для 1995 г., -0.066 [-0.072 ; -0.060] для 2003 г. и -0.082 [-0.089 ; -0.075] для 2013 г. Общий эффект экономической защищенности, оказываемый на антииммигрантские установки, составляет -0.161 [-0.180 ; -0.143] для 1995 г., -0.087 [-0.102 ; -0.072] для 2003 г. и -0.088 [-0.104 ; -0.073] для 2013 г. соответственно. Это свидетельствует в поддержку гипотезы 1.

Этнический национализм продемонстрировал прямую связь с зависимой переменной ($p < 0.001$): при увеличении данного предиктора на одно стандартное отклонение антииммигрантские установки увеличиваются на 0.375 для 1995 г., 0.315 для 2003 г. и 0.352 для 2013 г., что позволяет принять гипотезу 2.

Наибольший размер эффекта можно наблюдать у фактора «политический патриотизм»: при увеличении данного предиктора на одно стандартное отклонение уровень антииммигрантских установок респондента на уровне значимости $p < 0.001$ снижается на 0.445 для 1995 г., на 0.382 для 2003 г. и на 0.424 для 2013 г., поэтому гипотеза 3 подтверждается.

Культурный патриотизм также оказался положительно связан с антииммигрантскими установками для 1995 г. (0.078) и для 2003 г. (0.044) ($p < 0.001$). При этом небольшой по размеру эффект может быть статистически значимым на больших выборках, но эмпирически незначительным. С высокой достоверностью результаты не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу 4.

Также анализ показал, что при возрастании предиктора «слепой национализм» на одно стандартное отклонение значение целевого признака увеличивается на 0.092 стандартных отклонений для 1995 г., на 0.265 для 2003 г. и на 0.294 для 2013 г. ($p < 0.001$), что свидетельствует в поддержку гипотезы 5.

Значения метрик качества сообщают о том, что в целом построенная модель соответствует данным ($CFI=0.936$, $SRMR=0.064$, $RMSEA=0.061$) и, согласно приведенным в таблице коэффициентам детерминации (R^2), объясняет от 31 % до 42 % от общей дисперсии.

Наконец, подтверждена метрическая инвариантность ($\Delta CFI < 0.01$), что позволяет говорить о межгрупповой валидности результатов и в метрической, и в структурной части моделирования. Таким образом, мы можем сравнить коэффициенты корреляций, представляющие исследовательский интерес, между тремя волнами (Руднев 2013).

Политический патриотизм, этнический национализм и уровень образования респондента оказывают относительно стабильные эффекты на зависимую переменную. Эффект для переменной слепого национализма увеличился с 1995 по 2013 г. почти в три раза. Для экономической защищенности за данный период, напротив, можно констатировать уменьше-

ние коэффициента корреляции вдвое. Культурный патриотизм оказался статистически незначим для 2013 г. Также стоит отметить вариативность эффекта образования по отношению к компонентам национальной идентичности. В целом более высокий уровень образования свидетельствует о более низких националистических установках: на протяжении всех волн сохраняется отрицательная связь уровня образования респондента с этническим и слепым национализмом. При этом для культурного патриотизма в 1995 г., как и для политического патриотизма в 2013 г., обнаружена положительная связь, что не позволяет сделать однозначное заключение о более низком чувстве национальной гордости у более образованных респондентов.

Дискуссия и заключение

В работе рассматривалась связь национальной идентичности с антииммигрантскими установками в Европе. Национальная идентичность рассмотрена в терминах гражданско-этнической дихотомии и на основании сравнительного критерия национальной гордости. В результате многогруппового конфирматорного факторного анализа выделены четыре компонента национальной идентичности, которые продемонстрировали устойчивость во всех трех представленных волнах ISSP. Для ответа на исследовательский вопрос осуществлено многогрупповое моделирование структурными уравнениями, которое позволило обнаружить статистические связи между наблюдаемыми переменными и латентными факторами. В частности, во всех трех волнах политический патриотизм продемонстрировал отрицательную связь с антииммигрантскими установками, а этнический и слепой национализм — положительную.

Результаты анализа относительно разделения «гражданского» измерения национальной идентичности на гордость политико-экономическими достижениями страны и культурными достижениями нации, а также негативного эффекта национализма на антииммигрантские установки в целом соответствует выводам исследования Л. Григорян и В. Понизовского, проведенного на российских данных (Grigoryan, Ponizovskiy 2018). При этом в настоящем исследовании в соответствии с теоретическими основаниями национализм был дополнительно разделен на этнический и слепой. В то время как коэффициенты для этнического национализма на протяжении трех волн были относительно стабильны, эффект слепого национализма в 2013 г. по сравнению с 1995 г. вырос почти в три раза. Культурный патриотизм, вопреки ожиданиям, оказался значим в двух волнах из трех, хотя его эффект значительно слабее, чем у других компонентов.

Кроме того, в анализ дополнительно была включена модель медиации. Эффект экономической защищенности, опосредованный политическим патриотизмом, также свидетельствует о том, что антииммигрантские установки не являются просто «линейной комбинацией» восприятия двух типов угроз: материальные и символические факторы могут быть разнонаправленными и взаимозависимыми (Quillian 1995; Pichler 2010; Halikiouroulou, Vlandas 2020). Тем не менее больший объяснительный потенциал продемонстрировали именно компоненты национальной идентичности, что согласуется с результатами предыдущих исследований о решающем значении в европейском контексте культурных предикторов в сравнении с социоэкономическими (Fetzer 2000; Schneider 2008).

В фокусе исследования находились воспринимаемые материальная и символическая угрозы, операционализированные в терминах экономической защищенности и компонентов национальной идентичности. Говоря о других факторах, влияющих на отношение к иммигрантам, можно отметить социальный капитал и доверие (Черныш 2015; Мукомель 2017; Mitchell 2021); религиозность (Scheepers, Gijssberts, Hello 2002; Ben Nun Bloom, Arikan, Courtemanche 2015; Парвадов 2024); политическую ориентацию (Semyonov, Raijman, Gorodzeisky 2006; Leykin, Gorodzeisky 2024); идеологические дискурсы, представленные через СМИ (Fasel, Green, Sarrasin 2013) и страновые характеристики (например, численность населения, процент иммигрантов, уровень безработицы, размер ВВП и экономическая ситуация в стране в целом) (Quillian 1995; Semyonov, Glikman 2009; Монусова 2016). Описанные факторы остались за рамками данной работы ввиду особенностей использованной базы данных ISSP, специализирующейся именно на переменных, позволяющих подробно рассмотреть разные аспекты идентичности, на чем и сделан акцент в работе.

Еще одним ограничением исследования, связанным со структурой анализируемой базы данных, стоит обозначить рассмотрение иммигрантов как единой категории. При этом в зависимости от этнического и религиозного происхождения приезжих отношение принимающего населения может варьироваться, быть иерархичным (Bessudnov 2016). Например, отношение европейцев к иммигрантам той же расы/этнической группы, что и большинство принимающего населения, а также к евреям в значительной степени лучше, чем к мусульманам и цыганам, что позволяет говорить о многомерности антииммигрантских установок и факторов, на них влияющих (Григорьев 2020).

Наконец, важной рестрикцией можно отметить временные рамки опросных данных, использованных для анализа. Сбор данных для последней волны ISSP «Национальная идентичность», наиболее полно и де-

тально раскрывающей проявления патриотизма и национализма в кросс-культурной перспективе, ограничивается 2015 г. Можно предположить, что последствия миграционного кризиса, пандемия и актуализация военных конфликтов могли оказать определенное влияние не только на уровень антииммигрантских установок, но и на конкретные компоненты национальной идентичности. И хотя обнаруженные в данной работе эффекты показали свою валидность между волнами (исследовательская задача заключалась в установлении измерительной структуры и статистических связей, а не в вычислениях абсолютных значений тех или иных показателей), полученные результаты могут быть в дальнейшем сопоставлены с данными новой волны по мере ее готовности и публикации в свободном доступе.

Как отмечено выше, метрическая инвариантность измерений подтвердила устойчивую во *времени* структуру национальной идентичности и связи ее компонентов с антииммигрантскими установками в европейских странах. Фокус последующих работ может быть направлен на учет возможных различий в структурах национальной идентичности в *межстрановой* перспективе (Davidov 2009).

Таким образом, результаты настоящего исследования иллюстрируют, как аспекты национальной идентичности могут оказывать различное влияние на восприятие иммигрантов. В то время как гордость политико-экономическими достижениями страны свидетельствует о более позитивном отношении к иммигрантам, представления о нации в этнокультурных терминах и некритическая вера в собственное превосходство ведет к одобрению социального исключения аут-групп.

Литература / References

Андерсон Б. (2016) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле.

Anderson B. (2016) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Воронина Н.С., Фадеев П.В. (2020) Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик. *Вестник Института социологии*, 11(4): 99–125.

Voronina N.S., Fadeev P.V. (2020) Who is set against migrants in Russia? Analyzing certain socio-demographic characteristics. *Vestnik instituta sotziologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*, 11(4): 99–125 (in Russian).

Григорьев Д.С. (2020) Проблемы концептуализации и операционализации отношения к иммигрантам в межстрановых сравнительных исследованиях. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, 3: 89–100.

Grigoryev D.S. (2020) Problems of conceptualisation and operationalisation of attitudes toward immigrants in cross-national comparative research. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Journal of the Belarusian State University. Sociology], 3: 89–100 (in Russian).

Дробижева Л.М. (2017) Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма. *Мир России. Социология. Этнология*, 26(1): 7–31.

Drobizheva L. (2017) National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 26(1): 7–31 (in Russian).

Монусова Г. (2016) Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением. *Мировая экономика и международные отношения*, 60(11): 58–70.

Monusova G. (2016) Public Attitudes towards Migrants in Europe. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 60(11): 58–70 (in Russian).

Монусова Г.А. (2021) Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6: 436–458.

Monusova G.A. (2021) Russians' Attitudes Towards Migrants: Opinions and Doubts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 6: 436–458 (in Russian).

Мукомель В.И. (2017) Ксенофобы и их антиподы, кто они? *Мир России*, 26(1): 32–57.

Mukomel V. (2017) Xenophobes and Their Opposites: Who Are They? *Mir Rossii* [Universe of Russia], 26(1): 32–57 (in Russian).

Парвадов С.О. (2024) Связь субъективной религиозности с антииммигрантскими установками в Европе: анализ на основе данных Европейского социального исследования (ESS). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 78–95.

Parvadov S.O. (2024) Relationship between Subjective Religiosity and Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Analyzing European Social Survey (ESS) Data. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2: 78–95 (in Russian).

Руднев М.Г. (2013) Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран. *Социология*: 4М, 37: 7–38.

Rudnev M.G. (2013) Invariance of measuring basic values using the Schwartz method among the Russian-speaking population of four countries. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M], 37: 7–38 (in Russian).

Фабрикант М. (2018) Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии. *Современная зарубежная психология*, 7(4): 22–31.

Fabrikant M. (2018) Comparative quantitative studies of national identity in modern social psychology. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 7(4): 22–31 (in Russian).

Черныш М.Ф. (2017) *Социальные факторы межэтнической напряженности в России*. М.: ФНИСЦ РАН.

Chernysh M.F. (2017) *Social factors of interethnic tension in Russia*. Moscow: FCTAS RAS (in Russian).

Якимова О.А. (2017) Ксенофобия в англоязычных социальных исследованиях: от объяснения причин к пониманию динамики. *Социум и власть*, 6(68): 44–51.

Yakimova O. (2017) Xenophobia in English Social Researches: From Explaining the Reasons to Understanding Dynamics. *Sotsium i vlast* [Society and power], 6(68): 44–51 (in Russian).

Ariely G. (2013) Nationhood across Europe: The Civic–Ethnic Framework and the Distinction between Western and Eastern Europe. *Perspectives on European Politics and Society*, 14(1): 123–143.

Ariely G. (2017) Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries. *Identities*, 24(3): 351–377.

Baláz V., Nežinský E., Williams A. (2021) Terrorism, migrant crisis and attitudes towards immigrants from outside of the European Union. *Population, Space and Place*, 27(4): 1–21.

Bastian B., Haslam N. (2008) Immigration from the perspective of hosts and immigrants: Roles of psychological essentialism and social identity. *Asian Journal of Social Psychology*, 11(2): 127–140.

Bauer C.A., Hannover B. (2020) Changing “us” and hostility towards “them” — implicit theories of national identity determine prejudice and participation rates in an anti-immigrant petition. *European Journal of Social Psychology*, 50(4): 810–826.

BenNun Bloom P., Arikan G., Courtemanche M. (2015) Religious Social Identity, Religious Belief, and Anti — Immigration Sentiment. *American Political Science Review*, 109(2): 203–221.

Ben-Nun Bloom P., Arikan G., Lahav G. (2015) The effect of perceived cultural and material threats on ethnic preferences in immigration attitudes. *Ethnic and Racial Studies*, 38(10): 1760–1778.

Bessudnov A. (2016) Ethnic hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia. *European Sociological Review*, 32(5): 567–580.

Blumer H. (1958) Race Prejudice as a Sense of Group Position. *The Pacific Sociological Review*, 1(1): 3–7.

Bobo L. (1983) Whites' Opposition to Busing: Symbolic Racism or Realistic Group Conflict? *Journal of Personality and Social Psychology*, 45(6): 1196–1210.

Branscombe N.R., Wann D.L. (1994) Collective self-esteem consequences of out-group derogation when a valued social identity is on trial. *European Journal of Social Psychology*, 24(6): 641–657.

Cavaille C., Marshall J. (2019) Education and Anti-Immigration Attitudes: Evidence from Compulsory Schooling Reforms across Western Europe. *American Political Science Review*, 113(1): 254–263.

Ceobanu A.M., Escandell X. (2010) Comparative Analyses of Public Attitudes toward Immigrants and Immigration Using Multinational Survey Data: A Review of Theories and Research. *Annual Review of Sociology*, 36(1): 309–328.

Cheung G.W., Rensvold R.B. (2002) Evaluating Goodness-of-Fit Indexes for Testing Measurement Invariance. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 9(2), 233–255.

Cutts D., Ford R., Goodwin M.J. (2011) Anti-immigrant, politically disaffected or still racist after all? Examining the attitudinal drivers of extreme right support in Britain in the 2009 European elections. *European Journal of Political Research*, 50(3): 418–440.

Davidov E. (2009) Measurement equivalence of nationalism and constructive patriotism in the ISSP: 34 countries in a comparative perspective. *Political Analysis*, 17(1): 64–82.

Eger M.A., Valdez S. (2015) Neo-nationalism in Western Europe. *European Sociological Review*, 31(1): 115–130.

Eger M.A., Valdez S. (2019) From radical right to neo-nationalist. *European Political Science*, 18: 379–399.

Fabrykant M. (2018) National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis. *Journal of Baltic Studies*, 49(3): 305–331.

Fasel N., Green E., Sarrasin O. (2013) Facing Cultural Diversity. Anti-Immigrant Attitudes in Europe. *European Psychologist*, 18: 253–262.

Fetzer J.S. (2000). Economic self-interest or cultural marginality? Anti-immigration sentiment and nativist political movements in France, Germany and the USA. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 26(1): 5–23.

Finell E., Zogmaister C. (2014) Blind and constructive patriotism, national symbols and outgroup attitudes. *Scandinavian Journal of Psychology*, 56(2): 189–197.

Gidron N., Hall P.A. (2017) The politics of social status: economic and cultural roots of the populist right. *The British Journal of Sociology*, 68(1): 57–84.

Grigoryan L.K., Ponizovskiy V. (2018) The three facets of national identity: Identity dynamics and attitudes toward immigrants in Russia. *International Journal of Comparative Sociology*, 59(5–6): 403–427.

Halapuu V., Paas T., Tammaru T., Schütz A. (2013) Is institutional trust related to pro-immigrant attitudes? A pan-European evidence. *Eurasian Geography and Economics*, 54(5–6): 572–593.

Halikiopoulou D, Vlandas T. (2020) When economic and cultural interests align: the anti-immigration voter coalitions driving far right party success in Europe. *European Political Science Review*, 12(4): 427–448.

Heath A.F., Richards L. (2019) Contested boundaries: consensus and dissensus in European attitudes to immigration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 46(2): 1–23.

Henseler J. (2017) Bridging Design and Behavioral Research with Variance-Based Structural Equation Modeling. *Journal of Advertising*, 46(1): 178–92.

Hjerm M. (1998) National Identities, National Pride and Xenophobia: A Comparison of Four Western Countries. *Acta Sociologica*, 41(4): 335–347.

Hjerm M. (2007) Do Numbers Really Count? Group Threat Theory Revisited. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 33(8): 1253–1275.

Hjerm M. (2009) Anti-Immigrant Attitudes and Cross-Municipal Variation in the Proportion of Immigrants. *Acta Sociologica*, 52(1): 47–62.

Höglinger D., Wüest B., Helbling M. et al. (2012) Culture versus economy: the framing of public debates over issues related to globalization. In: *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge University Press: 229–253.

Hroch M. (1985) *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smallest European Nations*. Cambridge University Press.

Hu M., Bentler P.M. (1999) Cutoff criteria for fit indexes in covariance structural analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 6(1):1–55.

Huddy L., Khatib N. (2007) American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*, 51: 63–77.

Indelicato A., Martín J.C. (2024) The Effects of Three Facets of National Identity and Other Socioeconomic Traits on Attitudes Towards Immigrants. *Journal of International Migration and Integration*, 25: 645–672.

Jutila M. (2009) Taming Eastern Nationalism: Tracing the Ideational Background of Double Standards of Post-Cold War Minority Protection. *European Journal of International Relations*, 15(4): 627–651.

Keivins A., Lightman N. (2020) Immigrant sentiment and labour market vulnerability: economic perceptions of immigration in dualized labour markets. *Comparative European Politics*, 18(3): 460–484

Kosterman R., Feshbach S. (1989) Toward measure of patriotic and nationalistic attitudes. *Political Psychology*, 10(2): 257–274.

Küpper B., Wolf C., Zick A. (2010) Social Status and Anti-Immigrant Attitudes in Europe: An Examination from the Perspective of Social Dominance Theory. *International Journal of Conflict and Violence*, 4(2): 205–219.

Lee B. (2023) Educational Content, Exclusive National Identity, and Anti-Immigrant Attitudes. *The Journal of Politics*, 85(4): 1182–1197.

LeVine R.A. Campbell D.T. (1972) *Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior*. New York: John Wiley.

Leykin I., Gorodzeisky A. (2024) Is Anti-Immigrant Sentiment Owned by the Political Right? *Sociology*, 58(1): 3–22.

Li C.H. (2015) Confirmatory factor analysis with ordinal data: Comparing robust maximum likelihood and diagonally weighted least squares. *Behavior Research Methods*, 48(3): 936–949.

Lindstam E., Mader M., Schoen H. (2019) Conceptions of National Identity and Ambivalence towards Immigration. *British Journal of Political Science*, 51(1): 1–22.

MacCallum R.C., Browne M.W., Sugawara H.M. (1996) Power analysis and determination of sample size for covariance structure modeling. *Psychological Methods*, 1(2): 130–149.

Mayda A.M. (2006) “Who Is Against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants.” *The Review of Economics and Statistics*, 88(3): 510–530.

Melcher C.R. (2021) “The political economy of “White Identity Politics”: economic self-interest and perceptions of immigration.” *Ethnic and Racial Studies*, 44(2): 293–313.

Miller B. (2012) Exploring the Economic Determinants of Immigration Attitudes. *Poverty & Public Policy*, 4(2): 1–19.

Mitchell J. (2021) Social Trust and Anti-immigrant Attitudes in Europe: A Longitudinal Multi-Level Analysis. *Frontiers in sociology*, 6: 1–11.

Mindrila D. (2010) Maximum Likelihood (ML) and Diagonally Weighted Least Squares (DWLS) Estimation Procedures: A Comparison of Estimation Bias with Ordinal and Multivariate Non-Normal Data. *International Journal of Digital Society*, 1(1): 60–66.

O’Connell M. (2005) Economic forces and anti-immigrant attitudes in Western Europe: a paradox in search of an explanation. *Patterns of Prejudice*, 39(1): 60–74.

Ortega F., Polavieja J.G. (2012) Labor-market exposure as a determinant of attitudes toward immigration. *Labour Economics*, 19(3): 298–311.

Pichler F. (2010) Foundations of anti-immigrant sentiment: The variable nature of perceived group threat across changing European societies, 2002–2006. *International Journal of Comparative Sociology*, 51(6): 445–469.

Quillian L. (1995) Prejudice as a response to perceived group threat: Population composition and anti-immigrant and racial prejudice in Europe. *American Sociological Review*, 60(4): 586–611.

Rhemtulla M., Brosseau-Liard P.É., Savalei V. (2012) When can categorical variables be treated as continuous? A comparison of robust continuous and categorical SEM estimation methods under suboptimal conditions. *Psychological Methods*, 17(3): 354–373.

Roccas S., Klar Y., Liviatan I. (2006) The paradox of group-based guilt: Modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group’s moral violations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 91(4): 698–711.

Rosseel Y. (2012) lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 48(2): 1–36.

Satorra A., Bentler E.M. (1988) Scaling corrections for chi-square statistics in covariance structure analysis. *ASA 1988 Proceedings of the Business and Economic Statistics*: 308–313.

Schatz R., Staub E. (2003) Manifestations of Blind and Constructive Patriotism: Summary of Findings. In: *The Psychology of Good and Evil: Why Children, Adults, and Groups Help and Harm Others*. Cambridge University Press: 513–515.

Schatz R.T., Staub E., Lavine H.G. (1999) On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*, 20(1): 151–174.

Scheve K.F., Slaughter M.J. (2001) Labor market competition and individual preferences over immigration policy. *Review of Economics and Statistics*, 83(1): 133–145.

Scheepers P., Gijsberts M., Hello E. (2002) Religiosity and Prejudice against Ethnic Minorities in Europe: Cross — National Tests on a Controversial Relationship. *Review of Religious Research*, 43(3): 242–265.

Schneider. S.L. (2008) Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Outgroup Size and Perceived Ethnic Threat. *European Sociological Review*, 24(1): 53–67.

Sears D.O., Funk C.L. (1991) The Role of Self-Interest in Social and Political Attitudes. *Advances in Experimental Social Psychology*, 24: 1–91.

Semyonov M., Glikman A. (2009) Ethnic residential segregation, social contacts, and anti-minority attitudes in European societies. *European Sociological Review*, 25(6): 693–708.

Semyonov M., Raijman R., Gorodzeisky A. (2006) The Rise of Anti- Foreigner Sentiment in European Societies, 1988–2000. *American Sociological Review*, 71(3): 426–449.

Solt F. (2011) Diversionary nationalism: Economic inequality and the formation of national pride. *The Journal of Politics*, 73(3): 821–830.

Tajfel H., Turner J.C. (1986) The social identity theory of intergroup behaviour. In: Worchel S., Austin W. (eds.) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Half: 7–24.

Taniguchi H. (2021) National identity, cosmopolitanism, and attitudes toward immigrants. *International Sociology*, 36(6): 819–843.

Widaman K.F., Reise S.P. (1997) Exploring the measurement invariance of psychological instruments: Applications in the substance use domain. In Bryant K.J., Windle M., West S.G. (eds.), *The science of prevention: Methodological advances from alcohol and substance abuse research*. American Psychological Association: 281–324.

Источники

Guia A. (2016) The Concept of Nativism and Anti-Immigrant Sentiments in Europe. *European University Institute Working Paper Max Weber Programme 2016/20* [https://www.mwpweb.eu/1/218/resources/publication_2596_1.pdf] (дата обращения: 13.06.2024).

Grigoryan L.K. (2014) National identity and anti-immigrant attitudes: The case of Russia. *National Research University "Higher School of Economics"* [<https://www.hse.ru/data/2014/12/14/1103522283/Download-2.pdf>] (дата обращения: 13.06.2024).

ISSP Research Group (2020) International Social Survey Programme: National Identity I–III — ISSP 1995-2003-2013. GESIS Datenarchiv, Köln. ZA5960 Datenfile Version 1.0.0 [<https://doi.org/10.4232/1.13471>] (дата обращения: 13.06.2024).

ISSP Research Group (2020) International Social Survey Programme: National Identity I–III ADD ON — ISSP 1995-2003-2013. GESIS Datenarchiv, Köln. ZA5961 Datenfile Version 1.0.0 [<https://doi.org/10.4232/1.13472>] (дата обращения: 13.06.2024).

Migration and migrant population statistics [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics] (дата обращения: 13.06.2024).

Record arrivals on Western African route in October [<https://www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/record-arrivals-on-western-african-route-in-october-uNCHfO>] (дата обращения: 13.06.2024).

Temporary protection for persons fleeing Ukraine — monthly statistics [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Temporary_protection_for_persons_fleeing_Ukraine_-_monthly_statistics] (дата обращения: 13.06.2024).

NATIONAL IDENTITY COMPONENTS AS PREDICTORS OF ANTI-IMMIGRANT ATTITUDES IN EUROPE: AN ANALYSIS BASED ON ISSP DATA

Simion O. Parvadov (sparvadov@eu.spb.ru)

European University at Saint Petersburg (EUSP), Saint Petersburg, Russia

Citation: Parvadov S.O. (2024) National identity components as predictors of anti-immigrant attitudes in Europe: an analysis based on ISSP data. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 149–178 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.6> EDN: KVSHOX

Abstract. This paper examines how components of national identity are related to anti-immigrant attitudes in European countries at the individual level. The research literature on anti-immigrant attitudes was divided into material and symbolic explanations of group threats perception. In the formation of perceived material threats the role of subjective socio-economic status, professional qualification and education, and labor market protection was considered. Within the framework of the symbolic threat theory, national identity was presented, which was conceptually analyzed through the civic-ethnic dichotomy and by the comparative criterion of national pride. Based on the theoretical framework, hypotheses were put forward and tested on three waves of survey data from 20 European countries (total sample size N=30746) of the International Social Studies Program (ISSP 1995-2003-2013). Multi-group confirmatory factor analysis was performed to construct predictors, resulting in the identification of four national identity

components. The dependent variable “anti-immigrant attitudes” was constructed in the same way. The main method of analysis was multi-group structural equation modeling. In all three waves, political patriotism, economic security and respondents’ education level were negatively related to anti-immigrant attitudes. Ethnic and blind nationalism showed a positive correlation with the target variable. Cultural patriotism showed a positive correlation with the dependent variable for 1995 and 2003 and statistical insignificance for 2013. Metric invariance was established, indicating intergroup validity of the results over time. National identity components showed greater explanatory potential compared to respondents’ socio-economic characteristics, providing evidence in support of the symbolic threat theory.

Keywords: migration, anti-immigrant attitudes, national identity, symbolic threat theory, material threat theory, structural equation modeling, International Social Survey Program.

КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ В ПРАКТИКАХ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ М. НОРТОНА¹

Валерия Валентиновна Василькова (v.vasilkova@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Василькова В.В. (2024) Когнитивные искажения в практиках кибермошенничества: эвристический потенциал теории М. Нортонa. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 179–201.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.7> EDN: LEQQSA

Аннотация. Понятие когнитивных искажений, введенное в 1972 г. Д. Канеманом и А. Тверски, выявляющее причину ошибочных решений в экономическом поведении человека, стало одной из объяснительных моделей в описании практик современного кибермошенничества. Однако растущий масштаб и негативные последствия кибермошенничества актуализируют необходимость расширения интерпретаций этого феномена в контексте различных дисциплин, в первую очередь социологии, которая позволяет преодолеть узко индивидуальный подход, связывающий когнитивные искажения только с ментальными особенностями человеческого мышления и задать вектор анализа их социокультурной детерминации. В статье рассмотрены эвристические перспективы использования концептов когнитивной социологии (в частности, теории М. Нортонa) как интерпретационной модели для анализа когнитивных искажений в практиках кибермошенничества. Этот подход позволяет дать расширительную трактовку данного феномена как необходимого атрибута общего процесса социокультурного семиозиса, объяснить манипулятивную природу специфических семиотических контуров, определяющих выбор типа действия человека и активацию конкретных когнитивных искажений, понять, как те или иные когнитивные искажения влияют на такой выбор в ситуации кибермошенничества, показать сопряжения когнитивных механизмов и социокультурной среды в процессе формирования сетей смыслов в семиозисе кибермошенничества. Теоретические положения концепции Нортонa рассмотрены на конкретных примерах таких когнитивных искажений, как эффект авторитета, эффект доверия, эффект предвзятости подтверждения.

Ключевые слова: когнитивные искажения, кибермошенничество, когнитивная социология, семиозис, эффект авторитета, эффект доверия, эффект предвзятости подтверждения.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Поведенческие стратегии потребителей финансовых услуг в условиях кибермошенничества: междисциплинарный анализ», № 23-28-00701.

Введение

Проблема кибермошенничества как разновидности киберпреступности признается одной из основных глобальных проблем развитых обществ. Практики современного кибермошенничества не только разнообразны, но и масштабны по своим последствиям — это и значительные финансовые потери, и значимые негативные явления в социальной жизни, связанные с виктимизацией целых групп населения, что порождает рост недоверия к различным общественным институтам. Безусловно, в борьбе с этим явлением принимается ряд существенных мер со стороны правоохранительных органов, банковских структур и т.д. Однако кибермошенники постоянно обновляют набор своих схем, способов воздействия, и часто опережают или обходят предпринимаемые меры. В связи с этим возникает необходимость обогащения исследовательского арсенала изучения данного феномена. Среди различных дисциплинарных подходов выделяется ракурс анализа когнитивных механизмов, «вживленных» в поведенческие практики кибермошенничества, основным из которых исследователи признают феномен когнитивных искажений.

Понятие «когнитивные искажения/когнитивные ошибки» было введено Д. Канеманом и А. Тверски в 1972 г. (Kahneman, Tversky 1972) и далее концептуализировалось в ряде работ (Kahneman, Slovic, Tversky 1982; Kahneman, Tversky 1984; Канеман 2016). Под когнитивными искажениями понимались неосознанные и систематические ошибки (или шаблонные отклонения) в мышлении, которые возникают, когда люди обрабатывают и интерпретируют информацию из своего окружения и влияют на их решения и суждения. Такие искажения связаны с дисфункциональными убеждениями и закреплены в определенных когнитивных схемах, которые воспроизводятся в схожих обстоятельствах. Эти предубеждения могут исказить восприятие реальности человеком, что приводит к неточной интерпретации информации и ошибочному принятию решений.

Данный подход основан на выделении двух систем мышления, которые обозначаются как «Система 1» (быстрое автоматическое мышление, основанное на чувствах и начальных впечатлениях), и «Система 2» (режим медленного мышления, основанного на самоконтроле, внимании, рассуждении, осмыслении и упорядочивании первоначальных впечатлений). «Однако, несмотря на то что Система 2 считает себя главной, но именно Система 1 порождает впечатления и чувства, которые являются главным источником сознательного выбора» (Канеман 2016: 17). При этом именно она часто становится причиной появления когнитивных искажений — быстрые и автоматические суждения могут оказаться ошибочными. Пре-

имущество функционирования Системы 1 связано с тем, что она «экономит время и энергию» при принятии простых решений. В основе таких решений лежит эвристика — особый способ обработки информации, предполагающий использование стандартизированных формул, ментальных ярлыков, упрощенных моделей (часто на основе недостаточной или неадекватной информации, поиск которой потребовал бы дополнительных когнитивных усилий)¹.

Применительно к практикам кибермошенничества когнитивные искажения трактуются как ментальное основание для неверного выбора линии экономического поведения в рамках Системы 1 из-за недостаточной информации или под воздействием аффективно-эмоциональных факторов (Hansen, Gerbasi, Todorov, Kruse, Pronin 2014; Кашапова, Рыжкова 2015; Williams, Beardmore, Joinson 2017; Sumner, Yuan 2019; Медяник 2023). В этой связи основным способом борьбы с кибермошенничеством предполагается система действий по переводу мышления человека в Систему 2, т.е. усиления рациональной компоненты мышления (Korteling, Gerritsma, Toet 2021)².

Однако, чтобы в полной мере оценить значимость концепта когнитивных искажений как объяснительного механизма различных явлений, необходимо, на наш взгляд, учитывать эволюцию самого этого концепта и перспективы его эвристического расширения. Дело в том, что если первоначально исследования когнитивных искажений развивалось преимущественно в рамках психологии и поведенческой экономики и были связаны с попытками типологизации и экспериментальной верификации их различных видов³ (см., например: MacCoun 1998; Nickerson 1998; Hasel-

¹ Отметим, что современные исследователи феномена когнитивных искажений объясняют их с позиций эволюционной нейробиологии. Нейроэволюционные рамки дают более глубокое объяснение когнитивных предубеждений как происходящих из неотъемлемых характеристик конструкции мозга как нейронной сети, которая существовала для выполнения основных физических, перцептивных и двигательных функций, способствовала выживанию наших предков и включала такие способы интуитивной обработки информации как быстрое распознавание образов, решение перцептивно-моторных задач, аллостаз и др. (Korteling, Toet 2022).

² В этом ключе, в частности, можно трактовать одну из вводимых современными банками мер — отсрочку денежных переводов крупных сумм («период охлаждения»), цель которой — вывести человека из состояния эмоционального стресса, в котором он оказался под влиянием психологической обработки со стороны мошенников, что позволит ему дополнительно обдумать целесообразность финансовой операции.

³ На данный момент в различных типологиях их насчитывается несколько десятков.

ton, Nettle, Andrews 2005; Shermer 2008; Pfister, Böhm 2008; Hilbert 2012; Oliver Thomas 2018; Korteling, Toet 2022), то в последние годы заметно вырос интерес к исследованию проявлений и последствий когнитивных искажений в различных социальных практиках — в реализации профессиональной деятельности (Попов, Вихман 2014; Беляева, Кунафина 2016; Kostopoulou, Porat, Corrigan, Mahmoud, Delaney 2017; Ludolp, Schulz 2018), в государственной политике и управленческой деятельности (Bazerman 2005; Bellé, Cantarelli, Belardinelli 2018), образовательном процессе (Poos, van den Bosch, Janssen 2017), создании новостной повестки и политической коммуникации (Pohl 2022; Beattie, Beattie 2023; French, Storey, Wallace 2023), в решении демографических и других глобальных проблем (Тобышева, Шубат 2023; Korteling, Paradies, Sassen-van Meer 2023) и т.д.

Данный тренд актуализирует процесс расширения интерпретаций этого феномена в контексте различных дисциплин, в том числе современной социологии. На наш взгляд, продуктивность социологического осмысления феномена когнитивных искажений заключается в том, что оно позволяет преодолеть узко индивидуальный подход, связывающий их воспроизводство только с ментальными особенностями человеческого мышления и задать вектор изучения социальной детерминации подобных паттернов обработки и восприятия информации, объяснить их повторяющуюся активацию в схожих ситуациях. В этом плане наиболее релевантным и перспективным нам представляется рассмотрение проблемы когнитивных искажений в социологическом ракурсе как одного из проявлений когнитивного поворота в социологии и развития когнитивной социологии.

В связи с этим можно сформулировать задачи данной статьи: 1) охарактеризовать проблему соотношения когнитивных и социальных аспектов в рамках когнитивного поворота в социологии; 2) интерпретировать феномен когнитивных искажений с позиций одной из теорий когнитивной социологии — теории М. Нортон, позволяющей расширить перспективу изучения данного феномена; 3) рассмотреть в данном контексте основные перспективы изучения проблемы когнитивных искажений в практиках кибермошенничества.

Концептуальные версии когнитивной социологии в рамках когнитивного поворота

Интерес к обсуждению когнитивного поворота в последние годы, безусловно, связан с достижениями и новациями в области нейробиологии, когнитивных и компьютерных наук, разработок искусственного интеллекта и т.д. Вместе с тем важно понимать, что метафора «поворота»

хотя и фиксирует определенный концептуальный тренд, однако вместе с тем обладает высокой степенью неопределенности в ответах на вопросы: в каких формах осуществляется трансформация? Что кроется за «поворотом»? К чему он в конечном счете приведет? Концептуальный поворот, как правило, порождает несколько траекторий обсуждения возможных трансформаций, что сопровождается дискуссиями и разногласиями.

В ответах на эти вопросы в литературе представлен широкий спектр мнений и подходов — от скептического отношения к когнитивному повороту до идеи создания отдельного направления «когнитивной социологии» и даже замены социологии новой когнитивной наукой о социальном поведении. Ситуация осложняется тем, что содержание когнитивного поворота трактуется по-разному: как внесение в социологические исследования культуры инструментария психологии (Али-заде 2021), а также недооцениваемых форм знания — символического, эмоционального, неявного (Девятко 2015); как пересмотр соотношения индивидуального и коллективного, понимание познавательных процессов как центральных для объяснения социального (Завьялова 2012); как локализация данной проблематики в рамках когнитивной социологии науки, которая учитывает значимую роль культурного контекста (Корниенко 2013); как обоснование когнитивной теории общества, основанной на принципе коммуникативного функционализма и компьютеризации (Михайлов 2021).

Различные взгляды на современные версии «эпистемического импорта» идей когнитивистики в социологическое знание представил в своей статье Д. Куракин (Kurakin 2020). В его обзор вошли работы и энтузиастов, и скептиков, и сторонников умеренного сценария когнитивного поворота, а также критиков «традиционного когнитивизма». При этом автор предлагает собственную перспективу развития когнитивного поворота в социологии на основе «эмерджентского подхода» (Куракин 2018) и полагает, что такой поворот должен произойти не в форме замены существующих теорий новыми, но в форме корректировки, уточнения и встраивания в эти теории нового знания.

Несмотря на то что вопрос о завершенности когнитивного поворота и об институциональной оформленности когнитивной социологии еще не решен и она существует как совокупность концептуальных версий в рамках когнитивного поворота, тем не менее, на наш взгляд, можно выделить некое предметное ядро этого направления и те аспекты, которые являются релевантными для описания тематики, обозначенной в нашей статье.

В значительной степени траектория когнитивного поворота была задана в антропологических исследованиях. Первые работы этого направления фокусировались на исследовании имплицитных когнитивных

структур, свойственных различным культурам, которые определяют картину мира (включающую верования, ценности, традиции, ментальные типы) и регулируют социальное поведение. Но начиная с 1970–1980-х годов акцент сместился на анализ психических процессов, основанных на когнитивных механизмах. Новый импульс развития когнитивной антропологии придала теория схем как основных средств понимания психологических аспектов культуры. Схемы (schemes) представляют собой абстрактные сущности, бессознательно принимаемые отдельными людьми или группами людей. Это своего рода модели мира, которые организуют опыт и понимание, разделяемые членами группы или общества. Благодаря использованию схем культура может быть «помещена в сознание», а ее элементы становятся когнитивно-сформированными единицами — прототипами, признаками, предложениями и категориями (McGee, Warms 2008: 360–405). Обобщая опыт когнитивной антропологии, современные исследователи приходят к выводу, что главным ее достижением является то, что она раскрыла некоторые внутренние механизмы человеческого разума и понимание того, как люди упорядочивают и воспринимают мир вокруг себя, а ее современные вызовы связаны с попыткой понять организующие принципы, которые лежат в основе мотивации человеческого поведения.

Некоторые исследователи связывают истоки когнитивного поворота социологии с появлением проблем познания, понимания, объяснения в методологических подходах Э. Дюркгейма (Kurakin 2020), П. Сорокина, феноменологии и этнометодологии (Плотинский 2001). Неслучайно автор первой работы с концептуальным названием «Когнитивная социология» представитель этнометодологии А. Сикурел сфокусировал свое внимание на традиционных для этого исследовательского поля проблемах понимания обыденной речи, невербальных аспектах повседневного общения (Cicourel 1973). Автор более поздней версии когнитивной социологии Э. Зерубавель видел ее специфику в изучении социально обусловленных особенностей мышления и включал в зону ее интересов следующие направления: анализ социальных конвенций, причин возникновения сходства и различий в мышлении индивидов, изучение феномена избирательного восприятия информации, понимание социальной природы классификации как средства конструирования смыслов, а также структурирование социальной памяти (Zerubavel 1997).

Автор другой версии когнитивной социологии П. Димаджи видит ее перспективы не просто в «психологизации» социологии, а в продуктивном синтезе этих наук, позволяющем увидеть культуру «как взаимодействие общих когнитивных структур и надындивидуальных культурных фено-

менов» (DiMaggio 1997: 264). Категориальное и эвристическое обогащение социологии осуществляется в первую очередь за счет того, что этот синтез порождает более сложный и диверсифицированный взгляд на культуру.

При этом Димаджо особое внимание уделяет роли различных ментальных структур (схем, фреймов, категорий, ментальных моделей и др.), которые традиционно, казалось бы, находятся в фокусе психологических исследований, но чрезвычайно важны для социологического анализа, поскольку имеют культурное содержание и вскрывают механизмы, при помощи которых социальные акторы организуют поступающую к ним разрозненную информацию. Культурно детерминированные и доступные ментальные схемы, позволяющие упрощать восприятие информации, представляют особый интерес для социологов, поскольку выявляют «схематизирующую силу» социальных институтов. «Ментальные схемы» не только социокультурно обусловлены, так как разыгрывают широко распространенные сценарии, которые кажутся независимыми от индивидуального опыта, но и сам их отбор в индивидуальном поведении «направляется культурными сигналами, имеющимися в окружающей среде» (DiMaggio 1997:274), т.е. запускается и активируется внешними стимулами и фреймами.

При этом (что важно для нашего исследовательского фокуса), по мнению Димаджо, именно в когнитивной схематизации мы находим механизмы, с помощью которых культура не только формирует, но и искажает мышление. В первом случае институционализированные структуры и модели поведения (т.е. те, которые в высшей степени схематичны и широко распространены) воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, воспроизводятся в повседневных действиях и рассматриваются как легитимные. Во втором случае речь идет о значимости выбора когнитивных схем и фреймов в определенной эмоционально-аффективной ситуации: «аффективно горячие схемы» более заметны и имеют более обширные последствия, чем эмоционально-нейтральные структуры (DiMaggio 1997:279) (заметим, что данное замечание согласуется с трактовкой когнитивных искажений как эвристик Канемана и Тверски).

Современная когнитивная социология, по мнению финских исследователей (Kaidesoja, Nuuryläinen, Puustinen 2022), развивается в рамках двух заданных базовых традиций: культурной, следующей за идеями Зерубавеля (акцентирует внимание на описании специфики когнитивных аспектов в различных культурных группах и социо-культурных контекстах) и междисциплинарной, продолжающей подход Димаджо (отдает приоритет изучению механизмов, посредством которых культурные процессы

«проникают в индивидуальные умы» и формируют микроосновы социального действия). Авторы сравнивают в данном контексте современные теории, представляющие обе эти традиции, и показывают, что каждая из этих традиций обладает различным объяснительным потенциалом и предлагает свой репертуар новых тем исследования для когнитивной социологии.

В контексте нашего рассмотрения наиболее значимым представляется исследовательская перспектива дуально-процессуального подхода, связанного с работами когнитивной культуросоциологии (С. Вейзи, Дж. Мартин, О. Лизардо, М. Стрэнд и др.)¹. Как отмечает в обзорно-аналитической статье Д.Д. Шариков (Шариков 2019), данный подход представляет собой новую версию решения ключевой для социологии проблемы связи культуры с действием, основанную на интеграции классической парсоновской «социализационной» модели (культура как мотиватор и результат интернализации культурных образцов) и «фрагментированной» модели (культура как «ящик с инструментами» для рационализации уже совершенного действия). При этом теоретико-методологическим основанием данного интеграционного по своему характеру подхода служат когнитивные модели о двух типах ментальных процессов, зафиксированных в работах по психологии (в том числе в работах Канемана и Тверски). Так, С. Вейзи (Vaisey 2009) выделяет два типа сознания — практическое, связанное с существованием бессознательных культурных схем, и дискурсивное, контролируемое рационально, связанное с обдумыванием и обоснованием. О. Лизардо (Lizardo 2017) предлагает свою версию дуально-процессуального подхода к культуре, разделяя публичную и персональную культуру (которая, в свою очередь, делится на декларативную и недеklarативную культуру, отличающиеся по скорости и характеру «включенности» различных когнитивных механизмов). Процесс интернализации, трактуемый Лизардо как совокупность различных программ кодирования информации, а также процесс использования этой информации индивидом сопряжены с активацией как декларативного, так и недеklarативного форматов знания, которые могут «пересекаться и накладываться друг на друга» (Lizardo 2017: 11).

Несмотря на то что дуально-процессуальный подход подвергается определенной критике и сталкивается с новыми вызовами в осмыслении когнитивных процессов (Шариков 2019: 194–199), он остается достаточно привлекательной и продуктивной версией когнитивной социологии, ини-

¹ В соответствии с рассмотренной ранее типологией этот подход относится к междисциплинарной традиции.

цирующей возникновение новых интерпретаций соотношения когнитивных и социокультурных процессов. Одной из таких интерпретаций является теория М. Нортон.

Интерпретация феномена когнитивных искажений в контексте теории М. Нортон

Развивая идеи таких представителей дуально-процессуального подхода, как С. Вейзи, Дж. Мартин, О. Лизардо, М. Стрэнд, М. Нортон предлагает свою версию когнитивной социологии, в которой сопрягаются когнитивные процессы и системные концепции культуры, или «когнитивные и средовые локации культуры»¹, в их динамическом соотношении через «циркуляцию смыслов в гетерогенной семиотической сети». Такое сопряжение рассматривается на основе механизмов обработки, хранения и восприятия информации. Специфика подхода Нортон является разработка «смыслоцентричной», семиотически фундированной процессуальной теории, интегрирующей индивидуальное познание и концепцию культуры как сложной интерсубъективной системы.

Двойственная диалектическая модель Нортон основана на идеях Ч. Пирса о динамическом характере знака. В соответствии с ней культура понимается как непрерывное движение семиозиса, постоянное формирование «смысловых контуров», которые создают рамки, совместимые как со сложностью культурных систем, так и с когнитивными ограничениями индивидуального человеческого сознания. Анализ круговорота смыслов внутри социокультурных систем позволяет, по мнению автора, проследить пути пересечения индивидов и окружающей среды, поскольку значение знаков выводится не из одной семиотической связи, а через трансляцию и взаимосвязь знаков и значений конкретными акторами в конкретной ситуации. «Индивидуальные умы являются своего рода узлами в гетерогенных смысловых контурах, которые и составляют культуру. Индивидуальные сознания акторов с их выбором и предпочтениями в определенных ситуациях делают сам процесс семиозиса возможным» (Norton 2018: 23). А сама культурная система предстает как «узорчатые ассоциативные связи», представляющие собой итог процессуальных траекторий (путей) между когнитивными и средовыми проявлениями семиотических значений от особенностей восприятия и познания (память, эмоции, сознательное обдумывание и бессознательные процессы) до действия, исполнения, материальности, взаимодействия и обратно.

¹ Нортон понимает культуру в самом широком смысле, являясь последователем сильной программы Дж. Александера, представленной в культуросоциологии.

При этом гетерогенные смысловые цепи, которые связывают людей и различные аспекты окружающей социокультурной среды, включают в себя принципиально иные системы хранения и обработки информации, чем те, которыми обладает индивидуальный разум. Эти системы обладают разными свойствами и возможностями для дальнейших процессов смыслообразования. Когнитивные механизмы отдельных акторов (включающие эмоции, настроения, ментальные схемы, привычки, кратковременную и долговременную память) — это «места сосредоточения культуры в разуме» (Norton 2018:17). Они интегрируют культуру в автоматические мыслительные процедуры, формируя траекторию семиотического контура как посредством выбора определенных аспектов социальной ситуации (которые являются для человека семиотически значимыми), так и посредством активации определенных семиотических контуров, которые были продуктивны в схожих ситуациях (долговременная память).

Информационные свойства социокультурной среды обусловлены иной (по сравнению с когнитивными механизмами) онтологией, обладающей интересубъективностью. Социокультурная среда по Нортону — это семиотически связующее звено, в котором результаты когнитивной обработки семиотических значений «потенциально многими людьми» преобразуются в формы, которые могут быть пережиты другими и где они могут быть объединены в более сложные интересубъективные смысловые цепи. Благодаря механизму перевода когнитивной обработки в интересубъективно доступные формы в социальной среде становится возможной одновременная и параллельная обработка людьми, чьи интерпретации скоординированы для решения сложных интересубъективных интерпретативных задач. «Мы способны формировать наше окружение почти бесконечным множеством способов, оставляя следы, которые переживаются нами и другими людьми как знаки, и поэтому могут быть включены в дальнейшие семиотические контуры и новые комбинации, которые они влекут за собой» (Norton 2018: 18). Мы окружены социальной средой, состоящей из следов более ранних семиотических контуров (созданных преднамеренно и непреднамеренно, бессознательно и сознательно), которые порождают определенные требования и предрасположенность к формированию дальнейших семиотических цепей (что наиболее зримо представлено в институционально оформленных семиотических контурах).

Особое значение в процессе трансляции из окружающей среды в сознание Нортон придает категории опыта, который является результатом (и средством) нашей адаптивной способности воспринимать те реальные характеристики окружающей среды, которые важны для жизни человека. Автор возражает против традиционного двухэтапного понимания соци-

ального опыта (сначала мы переживаем мир, потом делаем его осмысленным¹) и предлагает семиотическую трактовку опыта. С этой точки зрения опыт — это не переживание действительности, которому мы придаем смысл, а непосредственное схватывание смысла, т.е. целостная интерпретация, и поэтому он является основным механизмом перевода знаков из окружающей среды в сознание, формой «онтологического соучастия человека с окружающей средой» (Norton 2018: 20). При этом автор вводит понятие семиотического автоматизма, утверждая, что наше эмпирическое схватывание даже сложных семиотических значений в большинстве случаев происходит автоматически, бессознательно, «неизбежно, как дыхание» и не требует сложных ментальных (сознательных) усилий для расшифровки семиотического опыта. Индивидуальная интерпретация осуществляется как перевод семиотического опыта в новую систему ассоциаций.

Способом перевода индивидуальных знаков из человеческого сознания в окружающую среду является действие (еще одна из базовых категорий социологии), трактовка которого тоже обретает семиотическое значение. При осуществлении действия мы переводим знаки в социокультурную среду, которая 1) уже семантически структурирована и 2) семиотически разнообразна. Существующие в ней семиотические контуры либо могут предложить наилучшие возможности для осуществления дальнейшего совместного семиозиса, либо «насиленно потребовать» выбрать определенные его варианты, либо кардинально ограничить этот выбор в данных обстоятельствах. Таким образом, автор возвращается к исходной идее о том, что «семиотический характер среды играет ключевую роль в мотивации действия, побуждая к действию через его значения, а также формируя контекст и возможности того, какие действия могут быть приняты и с каким смыслом» (Norton 2018: 22).

Несмотря на то что ряд концептуальных разработок Нортон требует дополнительных уточнений (например, не совсем понятно, как коррелируют понятия «социокультурная система», «семиотический контур», «фрейм» или каким образом происходит переключение выбора актором различных семиотических контуров), тем не менее его подход, на наш взгляд, открывает новое пространство для осмысления и обсуждения социокультурных детерминант когнитивных процессов, в том числе феномена когнитивных искажений. (Хотя для самого М. Нортон когнитивные искажения не являлись предметом рассмотрения.)

Интерпретация феномена когнитивных искажений в данном контексте может внести в их понимание ряд существенных дополнений и кон-

¹ Именно из такой методологической версии исходят Канеман и Тверски.

цептуальных расширений по сравнению с традиционной трактовкой Канемана. Хотя обе трактовки базируются на анализе информационной природы когнитивных искажений, однако более ранняя версия Канемана фокусируется на роли рациональных компонентов в обработке и восприятии информации (что фундируется идеями рационалистической парадигмы, актуальными в 1970–1980-х гг.), а теория Нортон позволяет расширить понимание когнитивных искажений за счет их семиотического наполнения, т.е. содержания информационных процессов. Выделим здесь несколько важных позиций.

Благодаря социологическому ракурсу анализа теория Нортон позволяет не ограничивать феномен когнитивных искажений лишь особенностями индивидуального сознания. Выбор того или иного типа поведения (в том числе экономического) фундирован корреляцией с определенным семантическим контуром, т.е. социокультурно предзадан или поддержан. Это касается в первую очередь наиболее устойчивых и институционально «проработанных» семиотических контуров (заданных определенными социальными институтами).

Следствием данной оптики рассмотрения является также перспектива выявления манипулятивных социокультурных механизмов, активирующих определенные когнитивные искажения. В недрах наиболее влиятельных (с точки зрения семантической репрезентации) социальных структур могут быть разработаны и навязаны индивидуально актору (тем или иным способом) такие семантические контуры, которые стимулируют выбор действий актора, соответствующий определенному когнитивному искажению.

Идея Нортон о семиотическом автоматизме социального опыта (как необходимого имманентного способа трансляции знака из сознания в окружающую среду) позволяет, на наш взгляд, рассматривать бессознательные когнитивные механизмы восприятия не как отклонение от нормы («ошибки», «искажения»), но как обязательный атрибут, как неустрашимый элемент, вписанный в саму архитектуру социокультурного семиозиса.

И наконец, подход Нортон позволяет принципиально расширить понимание способов и путей борьбы с когнитивными искажениями: она не может быть сведена просто к повышению уровня рациональной компоненты. Речь должна идти о своего рода «семиотической стратегии» — побуждению актора к социокультурной ментальной активности — расширению амплитуды ознакомления с разнообразными семиотическими контурами, что позволит ему сделать наиболее релевантный для данной ситуации выбор действия.

Семиозис кибермошенничества: новые подходы к рассмотрению когнитивных искажений

Прежде всего рассмотренный нами подход позволяет значительно расширить трактовку самого феномена кибермошенничества. В настоящее время кибермошенничество в правоприменительной практике трактуется с позиций экономического ущерба, а именно как разновидность мошенничества («хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием»), инструментально связанного с использованием интернет-технологий¹. Аналогичное понимание представлено и в литературе по виктимологии (Bogwell, Jansen, Stol 2021). Семиотически центрированная модель Хортоня ориентирует исследователя на понимание кибермошенничества как системы динамичных отношений смыслопорождения и смыслоизвлечения, что позволяет масштабировать рассмотрение проблемы от уровня индивидуально-психологической манипуляции до социального уровня создания семиотических инструментов социального влияния и контроля.

Сам феномен кибермошенничества можно рассматривать как один из результатов возникновения особого рода семиозиса цифровой среды, в которой каждый индивид оставляет свой специфический цифровой след — особый семиотический контур «второго уровня», включающий персональные данные, финансовые транзакции, данные смартфонов, аккаунты в социальных сетях, поисковые запросы, данные геолокации, учетные записи в личных кабинетах, психографические профили и т.д.

Благодаря развитию технологий Big Data все эти семиотические контуры могут отчуждаться и присваиваться, в том числе мошенническими структурами². При этом мошенники используют ложную мотивацию побуждения к действию, рационализируя факт передачи данных аргументом о пользе (выгоде) самого индивида, активируя определенные когнитивные искажения. (Не случайно одним из наиболее распространенных и эффективных способов кибермошенничества стал прием о помощи спецслужбам, якобы разоблачившим мошеннические действия со счетами потерпевших.)

Суммируя обозначенные нами характеристики, мы можем обозначить кибермошенничество в заданном нами ракурсе рассмотрения как нане-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В этом плане большие риски и угрозы расширения манипулятивных практик, на наш взгляд, несет в себе перспектива массового введения биометрических данных, что значительно усиливает индексную (по Пирсу) компоненту семиотического контура цифрового следа.

сение экономического ущерба путем злонамеренного присвоения данных цифрового следа жертвы с использованием семиотических инструментов социального влияния и манипулирования.

Также рассмотрение кибермошенничества в контексте семиоцентричной модели Нортонa позволяет дать нетривиальное объяснение факту неустрашимости мошенничества и слабой эффективности принимаемых мер (ужесточение наказаний в правовой сфере, контроль банков за финансовыми операциями, просветительские мероприятия и т.д.). С позиций развертывания семиозиса каждый удачный акт осуществления мошенничества (предполагающий соответственный поведенческий выбор поведения актора) оставляет свой «семиотический след» и укрепляет семиотический контур мошеннической схемы. Действия акторов как «узлов в гетерогенных смысловых контурах» делает их соучастниками, включенными элементами разворачивающегося семиозиса. Не случайно наибольшую сложность в идентификации мошеннических преступлений представляет сам факт непосредственного участия самой жертвы в преступлении, когда она добровольно предоставляет свои финансовые средства или персональные данные мошенникам, соглашается на их сомнительные предложения.

В литературе по экономическому поведению исследователи связывают успешность мошеннических действий с целым рядом когнитивных искажений¹ (гиперболическое дисконтирование, эффект потери, эффект доверия, эффект авторитета, эффект обещаний, эффект предвзятости подтверждения, эффект дефицита, эффект подталкивания и др.).

Среди наиболее распространенных в этой сфере называются такие, как эффект авторитета, эффект доверия, эффект предвзятости подтверждения (Медяник 2023: 15–19), на которых и будет сосредоточен фокус нашего рассмотрения. Эффект авторитета — психологический эффект, когда люди склонны доверять мнению или рекомендации авторитетных людей без достаточной проверки информации. Эффект доверия — психологический эффект, когда люди больше доверяют другим людям, даже если информация не является достоверной. Эффект предвзятости подтверждения — психологический эффект, при котором человек ищет и интерпретирует информацию таким образом, чтобы она подтверждала уже существующие у него убеждения и сложившиеся стереотипы, игнорируя при этом опровергающие доказательства (Медяник 2023: 10–11).

¹ Существует целый ряд развернутых классификаций когнитивных искажений (о чем мы писали ранее), при этом их формулировки и трактовки не всегда совпадают. Мы будем использовать классификацию искажений в сфере кибермошенничества О.В. Медяник (Медяник 2023).

Эффект авторитета, на наш взгляд, позволяет понять, каким образом формируется убедительный семиотический контур в социокультурной среде, который имеет манипулятивную природу и побуждает актора активировать данные когнитивные искажения, осуществлять выбор, выгодный мошенникам. Современные мошенники используют широкий арсенал средств, за которыми стоит один общий алгоритм конструирования институционально легитимного семиотического контура. Они обращаются к жертвам от имени сотрудников банков, спецслужб, правоохранительных органов, социальных служб, медицинских учреждений, федеральной таможенной службы, международных организаций (МВФ, ООН) и т.д. Во всех этих случаях авторитет мошенника задан принадлежностью к смысловому контуру определенного социального института.

Для достоверности ложного конструкта используются различные семиотические репрезентации. В первую очередь это соответственные лингвистические конструкты: институционально закрепленная профессиональная лексика, особый типизированный социолект, копирование базовых дискурсивных паттернов (обращение, аргументация, формат подписи и т.д.). В качестве визуальных приемов выступают в первую очередь создание фишинговых сайтов (сайты госуслуг, банков, федеральной службы судебных приставов, районных судов, интернет-магазинов и т.д.), а также подделка официальных бланков соответствующих организаций. Созданный таким образом семиотический контур авторитетной, социально значимой организации (структуры, фирмы и т.д.) не должен вызывать сомнений в легитимации мошенников и поэтому в режиме «семиотического автоматизма» стимулирует активацию выбора и действия индивида на основе такого когнитивного искажения как эффект авторитета.

В данном контексте может быть по-новому интерпретирована проблема особой уязвимости старшего поколения перед кибермошенниками. Этот феномен связан в первую очередь с тем, что представители этой возрастной группы имеют более длительный опыт доверия институционально оформленным семиотическим контурам (просто в силу более частого взаимодействия с ними) и при этом более ограниченный доступ к новым семиотическим контурам, сформированным современным цифровым обществом (речь идет не столько о компьютерной и информационной грамотности, сколько о разветвленных культурных формах цифрового взаимодействия). Еще одним ограничением в этом плане является уменьшение социальных контактов, связанных с возрастом и отходом от профессиональной деятельности. Сокращение таких контактов порождает ограничения разнообразия и масштабов семиотических контуров совре-

менной социокультурной среды, которые могут предложить актору альтернативные выборы социального действия.

Другой пример аналогичного семиозиса связан с эффектом доверия. Он, как правило, подкрепляет эффект авторитета (хотя и не ограничивается этим), подключая семиотические обозначения положительного подкрепления подобного опыта у других людей. Так, на различных фишинговых сайтах создаются многочисленные фальшивые положительные отзывы от якобы довольных клиентов, сертификаты качества или дипломы о квалификации. Сами мошенники нередко представляются такими довольными клиентами, уже получившими ранее подобную услугу, выступая в качестве эффективных рекомендателей. Таким образом, мошенническая схема подается как паттерн достоверной, проверенной, опробованной другими людьми информации.

Еще одним способом активирования эффекта доверия является прием, получивший название «Иван Иванович». Мошенники обращаются к человеку от имени хорошо им знакомого лица (используя электронную почту, смс-сообщения, аудиальные и даже визуальные дипфейки), информация от которого не вызывает желания ее дополнительной проверки. Такими лицами могут выступать друзья, родственники, коллеги по работе, руководители, сотрудники смежных отделов банка и др. Суть обращения — просьба ответить на все вопросы, которые задаст им в ближайшее время некий условно «Иван Иванович» (как правило, сотрудник специальных служб, правоохранительных органов, различных федеральных ведомств и т.д.), включая вопросы о персональных данных и финансовом положении человека.

С феноменом семиотического автоматизма коррелирует когнитивный эффект предвзятости подтверждения. На основе этого алгоритма жертва мошенничества автоматически выбирает предлагаемое ей действие (путь получения желаемого), которое кажется хорошо знакомым, рутинным, привычным, и поэтому человек уверен в своей осведомленности, компетентности, грамотности. Данные виды мошенничества связаны с продажами и предложениями от интернет-магазинов, интернет-сервисов, сетей ресторанов быстрого питания, турфирм, касс продажи билетов (театральных, железнодорожных, автобусных и т.д.), лотерей, сайтов знакомств и т.д.

При этом эффекты предвзятости подтверждения и доверия связаны с важнейшим механизмом обеспечения интересубъективности социокультурной среды, закрепляя в рутинных, непрестанно повторяющихся «семиотических следах» скоординированных с другими людьми действий складывающиеся «смысловые цепи» семиозиса, включающие деструктивные паттерны социокультурного взаимодействия.

Таким образом, практики кибермошенничества активируют когнитивные искажения жертв, используя социокультурные смысловые паттерны как для мотивации, так и для рационализации действия индивида, реализуя принцип «культуры в действии», который соответствует парадигме рассмотренной нами версии когнитивной социологии.

Заключение

Использование теоретических концептов, сложившихся в рамках когнитивного поворота в социологии, позволяет по-новому взглянуть на взаимодействие когнитивных и социокультурных аспектов социальной динамики и создать новые объяснительные модели для анализа тех феноменов, которые прежде находились за пределами социологического знания. Одним из таких феноменов является реализация когнитивных искажений в различных сферах человеческой деятельности. В частности, предлагаемая нами интерпретация когнитивных искажений в практиках кибермошенничества в контексте одной из теорий когнитивной социологии — теории М. Нортон — вносит новые акценты в понимание этой проблемы: позволяет выйти за пределы узко индивидуальной трактовки когнитивных искажений, представив их как необходимый атрибут общего процесса социокультурного семиозиса; объяснить манипулятивную природу социальных семиотических контуров (в том числе семиотических контуров цифрового следа), определяющих выбор определенного типа действия индивида; показать, как те или иные когнитивные искажения влияют на такой выбор в ситуации кибермошенничества и воспроизводят повторяющиеся интересобъективные «смысловые цепи».

Ограничения исследования связаны в первую очередь с тем, что нами заданы лишь начальные (рамочные) эвристические контуры нового взгляда на феномен когнитивных искажений в практиках кибермошенничества. Предложенная интерпретационная схема, безусловно, требует дальнейшей проработки и развития как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. В плане теории остается открытым целый ряд вопросов, например чем обусловлена особая «чувствительность» актора к определенным семиотическим контурам? Каковы когнитивные и социокультурные механизмы переключения выбора того или иного семиотического контура? Какие из возможных когнитивных искажений активируются на определенных этапах социокультурного семиозиса? Каково соотношение рациональных и нерациональных компонентов семиотического опыта? В эмпирических исследованиях тема когнитивных искажений в практиках мошенничества, как уже отмечалось, представлена лишь небольшим количеством работ (прежде всего в силу онтологической новизны этой

практики). Поэтому перспектива таких исследований, на наш взгляд, будет связана с анализом эмпирических верификаций таких форм когнитивных искажений, а также с изучением более полного арсенала когнитивных искажений применительно к различным этапам и зонам ландшафта семиозиса кибермошенничества.

Литература / References

Али-заде А.А. (2021) Когнитивный поворот в обществе и социально-гуманитарных науках. (Обзор). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение*, 1: 54–71. <https://doi.org/10.31249/naukoved/2021.01.01>.

Ali-zade A.A. (2021) The Cognitive Turn in Society and Social Sciences and Humanities. (Review). *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 8: Naukovedeniye* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 8: Science Studies], 1: 54–71. <https://doi.org/10.31249/naukoved/2021.01.01> (in Russian).

Беляева Е.Р., Кунафина Г.А. (2016) Роль когнитивных искажений в приобщении индивида к социально-культурной деятельности. *Современные проблемы науки и образования*, 3 [<https://science-education.ru/ru/article/view?id=24502>] (дата обращения: 03.07.2024).

Belyayeva Ye.R., Kunaфина G.A. (2016) The role of cognitive distortions in the individual's involvement in socio-cultural activities. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 3 [<https://science-education.ru/ru/article/view?id=24502>] (accessed: 03.07.2024) (in Russian).

Девятко И.Ф. (2015) Социальное знание и социальная теория: от социологии знания к когнитивной социологии. *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*. М.: Прогресс-Традиция: 13–40.

Devyatko I.F. (2015) Social knowledge and social theory: from the sociology of knowledge to cognitive sociology. In: *Everyday and scientific knowledge about society: mutual influences and reconfigurations*. Moscow: Progress-Traditsiya: 13–40 (in Russian).

Завьялова М.П. (2012) Когнитивный «поворот» в науке и философии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 2(18): 5–12.

Zavyalova M.P. (2012) Cognitive “turn” in science and philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 2(18): 5–12 (in Russian).

Канеман Д. (2016) *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ.

Kahneman D. (2016) *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST (in Russian).

Кашапова Э.Р., Рыжкова М.В. (2015) Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, 2(30): 15–26.

Kashapova E.R., Ryzhkova M.V. (2015) Cognitive distortions and their impact on individual behavior. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economics], 2(30): 15–26 (in Russian).

Корниенко А.А. (2013) Эволюция парадигмы когнитивной социологии науки в западной философии науки. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, 3(11): 74–79.

Korniienko A.A. (2013) Evolution of the paradigm of cognitive sociology of science in Western philosophy of science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History], 3(11): 74–79 (in Russian).

Куракин Д. (2018) Предисловие к русскому переводу «Элементарных форм религиозной жизни». Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: Элементарные формы: 15–48.

Kurakin D. (2018) Preface to the Russian translation of “Elementary Forms of Religious Life”. In: Durkheim E. *Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia*. Moscow: Elementary Forms: 15–48 (in Russian).

Медяник О.В. (2023) Исследование когнитивных искажений в цифровой экономике и праве. *Юридическая мысль*, 3(131): 33–71.

Medyanik O.V. (2023) Research of cognitive distortions in digital economy and law. *Yuridicheskaya mysl'* [Legal thought], 3(131): 33–71 (in Russian).

Михайлов И.Ф. (2021) *Когнитивные основания социальности*: Дис. ... д-р филос. н. Москва.

Mikhaylov I.F. (2021) *Cognitive foundations of sociality*. Dissert na soisk. uchenoy. stepen. d.filos.n. [Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy]. Moscow (in Russian).

Плотинский Ю.М. (2001) *Модели социальных процессов*. 2-е изд. М.: Логос.

Plotinskiy Y.M. (2001) *Models of social processes*. 2nd ed. Moscow: Logos (in Russian).

Попов Ю.А., Вихман А.А. (2014) Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технология. *Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология*, 7(1): 5–16.

Popov Y.A., Vikhman A.A. Cognitive distortions in the decision-making process: a scientific problem and humanitarian technology. *Vestnik YUUrGU. Seriya Psihologiya* [Bulletin of SUSU. Series Psychology], 7(1): 5–16 (in Russian).

Тобышева А.А., Шубат О.М. (2023) Теоретические подходы к анализу когнитивных искажений как фактора корпоративной демографической политики. *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам*. Екатеринбург: 722–732.

Tobysheva A.A., Shubat O.M. (2023) Theoretical approaches to the analysis of cognitive distortions as a factor in corporate demographic policy. In: *Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges*. Ekaterinburg: 722–732 (in Russian).

Шариков Д.Д. (2019) Новая социология культуры: от «ящиков с инструментами» к когнитивным процессам. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(3): 179–210. <https://doi.org/10.31119/jssa>.

Sharikov D. (2019) The new sociology of culture: from toolkits to cognitive processes. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(3): 179–210. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.8> (in Russian).

Beattie P., Beattie M. (2023) Political polarization: a curse of knowledge? *Frontiers in psychology*, 14: 1200627. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1200627>.

Bazerman M. (2005) *Judgment in Managerial Decision Making*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Bellé N., Cantarell P., Belardinelli P. (2018) Prospect theory goes public: experimental evidence on cognitive biases in public policy and management decisions. *Public Administration Review*, 78: 828–840. <https://doi.org/10.1111/puar.12960>.

Borwell J., Jansen J., Stol W. (2021) Comparing the victimization impact of cybercrime and traditional crime: Literature review and future research directions. *Journal of Digital Social Research*, 3(3): 85–110. <https://doi.org/10.33621/jdsr.v3i3.66>.

Cicourel A.V. (1973) *Cognitive Sociology*. London: Pinguin Education.

DiMaggio P. (1997) Culture and cognition. *Annual sociological review*, 23: 263–287.

French A., Storey V., Wallace L. (2023) The impact of cognitive biases on the believability of fake news. *European Journal of Information Systems*, 1 Nov. <https://doi.org/10.1080/0960085X.2023.2272608>.

Hansen K., Gerbasi M., Todorov A., Kruse E., Pronin E. (2014) People claim objectivity after knowingly using biased strategies. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 40: 691–699. <https://doi.org/10.1177/0146167214523476>.

Haselton M.G., Nettle D., Andrews P.W. (2005) The evolution of cognitive bias. In: Buss D.M. (ed.) *The Handbook of Evolutionary Psychology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Inc.: 724–746.

Hilbert M. (2012) Toward a synthesis of cognitive biases: how noisy information processing can bias human decision making. *Psychological Bulletin*, 138(2): 211–37. <https://doi.org/10.1037/a0025940>. PMID 22122235.

Kahneman D., Tversky A. (1972) Subjective probability: A judgment of representativeness. *Cognitive Psychology*, 3(3): 430–454. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(72\)90016-3](https://doi.org/10.1016/0010-0285(72)90016-3).

Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (eds.) (1982) *Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases*. New York: Cambridge University Press.

Kahneman D., Tversky A. (1984) Choices, values, and frames. *American Psychologist*, 39(4): 341–350. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.39.4.341>.

Kaidesoja T., Hyryläinen M., Puustinen R. (2022) Two traditions of cognitive sociology: An analysis and assessment of their cognitive and methodological assumptions. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 52: 528–547. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12341>.

Korteling J. E., Gerritsma J., Toet A. (2021) Retention and transfer of cognitive bias mitigation interventions: a systematic literature study. *Frontiers in psychology*, 12: 629354. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.629354>, PMID.

Korteling J.E., Paradies G.L., Sassen-van Meer J.P. (2023) Cognitive bias and how to improve sustainable decision making. *Frontiers in psychology*, 14: 1129835. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1129835>.

Korteling J., Toet A. (2022) Cognitive biases. In: Della Sala S. (ed.) *Encyclopedia of Behavioural Neuroscience*. 2nd ed.: 610–619.

Kostopoulou O., Porat T., Corrigan D., Mahmoud S., Delaney B. (2017) Diagnostic accuracy of GPs when using an early-intervention decision support system: a high-fidelity simulation. *The British journal of general practice*, 67 (656), e201–e208. <https://doi.org/10.3399/bjgp16X688417>.

Lizardo O. (2017) Improving cultural analysis: Considering personal culture in its declarative and nondeclarative modes. *American Sociological Review*, 82(1): 88–115. <https://doi.org/10.1177/0003122416675175>.

Ludolph R., Schulz P. (2018) Debiasing health-related judgments and decision making: a systematic review. *Medical decision making*, 38(3): 3–13. <https://doi.org/10.1177/0272989X17716672>.

MacCoun R.J. (1998) Biases in the interpretation and use of research results. *Annual Review of Psychology*, 49(1): 259–287. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.49.1.259>. PMID 15012470.

McGee R.J., Warms R.L. (eds.) (2008) *Anthropological theory: an introductory history*. 4th ed. New York: McGraw-Hill Education.

Nickerson R. (1998) Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises. *Review of General Psychology*, 2(2): 175–220. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.2.2.175>

Norton M. (2018) Meaning on the Move: Synthesizing Cognitive and Systems Concepts of Culture. *American Journal of Cultural Sociology*, 7: 1–28. <https://doi.org/10.1057/s41290-017-0055-5>.

Pfister H.-R., Böhm G. (2008) The multiplicity of emotions: A framework of emotional functions in decision making. *Judgment and Decision Making*, 3(1): 5–17. <https://doi.org/10.1017/S1930297500000127>.

Pohl R. (ed.) (2022) *Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Thinking, Judgment, and Memory*. 3rd ed. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group.

Poos J. M., van den Bosch K., Janssen C. P. (2017) Battling bias: Effects of training and training context. *Computers & Education*, 111(4): 101–113. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2017.04.004>.

Shermer M. (2008) *The Mind of the Market — Compassionate Apes, Competitive Humans, and Other Tales From Evolutionary Economics*. New York: Times Books; Henry Holt and Company.

Sumner A., Yuan X. (2019) Mitigating Phishing Attacks: An Overview. ACM SE '19: *Proceedings of the 2019 ACM Southeast Conference*: 72–77. <https://doi.org/10.1145/3299815.3314437>.

Thomas O. (2018) Two decades of cognitive bias research in entrepreneurship: What do we know and where do we go from here? *Management Review Quarterly*, 68(2):107–143. <https://doi.org/10.1007/s11301-018-0135-9>.

Vaisey S. (2009) Motivation and justification: A dual-process model of culture in action. *American journal of sociology*, 114(6): 1675–1715. <https://doi.org/10.1086/597179>.

Williams E.J., Beardmore A., Joinson A.N. (2017) Individual differences in susceptibility to online influence: a theoretical review. *Computers in Human Behavior*, 72: 412–421. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.03.002>.

Zerubavel E. (1997) *Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology*. Cambridge: Harvard University Press.

THE PROBLEM OF COGNITIVE BIASES IN CYBER FRAUD PRACTICES: PROSPECTS FOR SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Valerya V. Vasilkova (v.vasilkova@spbu.ru)

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Vasilkova V.V. (2024) Cognitive biases in cyber fraud practices: the heuristic potential of M. Norton's theory. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 179–201 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.7> EDN: LEQQSA

Abstract. The concept of cognitive biases, introduced in 1972 by D. Kahneman and A. Tversky and identifying the cause of erroneous decisions in human economic behavior, has become one of the explanatory models in describing the practices of modern cyber fraud. However, the growing scale and negative consequences of cyber fraud actualize the need to expand the interpretations of this phenomenon in the context of various disciplines, primarily sociology, which allows us to overcome the narrowly individual approach that links cognitive distortions only with the mental characteristics of human thinking and to set the vector of analysis of their socio-cultural determination. The article examines the heuristic prospects of using the concepts of cognitive sociology (in particular, M. Norton's theory) as an interpretative model for the analysis of cognitive distortions in cyber fraud practices. This approach allows us to give a broad interpretation of this phenomenon as a necessary attribute of the general process of socio-cultural semiosis, to explain the manipulative nature of specific semiotic contours that determine the choice of a certain type of human action and the activation of specific cognitive distortions, to understand how certain cognitive distortions influence such a choice in a situation of cyber fraud, to show the conjugation of cognitive mechanisms and the socio-cultural environment in the process of forming networks of meanings in the “semiosis of cyber fraud”. The theoretical provisions of Norton's concept are examined

using specific examples of such cognitive distortions as the authority effect, the trust effect, and the confirmation bias.

Keywords: cognitive biases, cyber fraud, cognitive sociology, semiosis, authority bias, trust effect, confirmation bias.

Acknowledgments

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant no. 23-28-00701, “Behavioral strategies of consumers of financial services in the context of cyberfraud: an interdisciplinary analysis”.

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ПОИСКАХ ЯЗЫКА ЛЕГИТИМАЦИИ: ФРЕЙМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТИ ОСПАРИВАЕМЫХ ГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ¹

Анисья Михайловна Хохлова
(a.khokhlova@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Хохлова А.М. (2024) В поисках языка легитимации: фреймирование ценности оспариваемых городских объектов в Нижнем Новгороде. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 202–237.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.8> EDN: LGCCIB

Аннотация. Статья осмысляет роль ценностных ориентиров и дискурсивных практик в низовом активизме, опираясь на идеи «культурного поворота» в социальных исследованиях общественных движений, и анализирует логики и риторические инструменты, с помощью которых градозащитники и их оппоненты легитимируют свои позиции в конфликтах вокруг городских объектов. Она также исследует, каким образом участники конфликтов конструируют (или отрицают и девальвируют) ценность этих оспариваемых объектов. Теоретической рамкой исследования послужила прагматическая социология Болтански и Тевено, в частности классификация «миров оправдания». В фокусе эмпирического анализа оказываются два случая защиты городских парков в Нижнем Новгороде: Автозаводского парка культуры и отдыха и парка «Швейцария». Характерной особенностью этих кейсов выступает то, что оба парка не только являются озелененными территориями общего пользования, но и имеют статус объектов культурного наследия, что позволило предположить использование широкого репертуара инструментов легитимации как противниками, так и сторонниками трансформации этих городских объектов. Опираясь на серию полуструктурированных интервью с участниками конфликтов, а также на публикации в социальных медиа и региональных СМИ, автор с помощью дискурс-анализа (SKAD) выявляет, как акторы артикулировали ценность парков (или ее отсутствие) и к каким мирам оправдания апеллировали в своих нарративах. Анализ данных позволяет проследить формирование особых дискурсивных репертуаров оправдания, характерных для разных сторон конфликтов, и демонстрирует неочевидную роль экологического мира в этих репертуарах.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01093, <https://rscf.ru/project/24-28-01093/>

Ключевые слова: дискурсивные практики, конструирование/фреймирование ценности городских объектов, инструменты легитимации, «миры оправдания», городской конфликт.

В условиях неолиберальной урбанизации, предполагающей разработку и реализацию коммерческих девелоперских проектов и попытки радикально «цивилизовать» и эстетизировать общественные пространства города для привлечения инвесторов и туристов (Jacobsson, Korolczuk 2020), зачастую возникают ситуации несовпадения (а порой и драматического столкновения) интересов и ценностей различных городских акторов: политических элит, бизнеса, равнодушных горожан и градозащитных групп. Неравенство ресурсов, находящихся в распоряжении участников таких конфликтов, нередко приводит к тому, что горожане обнаруживают себя в позиции проигравших: они лишаются доступа к привычным зонам отдыха и времяпрепровождения, опасаются уничтожения значимых архитектурных и природных объектов, сталкиваются с экологическими угрозами (Медведев 2017; Города расходящихся улиц... 2021).

Что заставляет горожан выступить в защиту объектов городской среды, даже если их шансы на успех (объективно и субъективно) не слишком высоки? Почему они чувствуют ответственность за городские территории? Почему ощущают свою борьбу *осмысленной* (Amna 2010)? Что удерживает их вместе и помогает рекрутировать новых участников градозащитных инициатив? Как активисты понимают и артикулируют ценность находящихся под угрозой объектов? И как они (вос)создают эту ценность (Чернышева, Хохлова 2021), если она является спорной или неочевидной? Как заявляют и оправдывают свои позиции их оппоненты?

В статье я обращаюсь к этим вопросам, анализируя логику и инструменты легитимации участниками городских конфликтов своих заявлений, решений и требований, а также пытаюсь проследить, какими способами фреймируется ценность городских объектов, вокруг которых разворачивается конфликт. Для этого сначала демонстрирую значимость ценностных ориентиров и дискурсивных практик для низового активизма, опираясь на аргументы «культурного поворота» в исследованиях общественных движений. Затем исследую два случая защиты городских парков в Нижнем Новгороде и в качестве основного аналитического инструмента использую классификацию «миров оправдания» Л. Болтански и Л. Тевено (2013).

Культура имеет значение: культурное фреймирование и дискурсивные практики

Исторически акцент в исследованиях низового активизма и гражданского участия делался либо на внутренней организации и динамике инициативных групп и общественных движений, либо на политических процессах и структуре политических возможностей, в которых укоренена деятельность активистов (Goodwin, Jasper 1999; Giugni 2009). Однако в последние десятилетия гегемонные теории политического процесса и структуры политических возможностей подвергаются систематической критике. Одно из самых серьезных обвинений в их адрес связано с переоценкой объяснительного потенциала жестких структурных переменных, созданием амбициозных инвариантных метамоделей и, соответственно, недостаточной чувствительностью к агентности низовых акторов и изменчивой, текучей культуре, подпитывающей их вовлеченность (Goodwin, Jasper 1999). Эта критика стала катализатором «культурного поворота» в исследованиях общественных движений и низового активизма (Jasper 2010).

Первые попытки учесть культурное измерение в исследованиях социальных движений осуществили еще Д. Макадам и соавторы, введя в анализ понятие *культурных фреймов*. Под такими фреймами они понимали «сознательные, стратегические усилия групп людей, которые направлены на формирование разделяемых интерпретаций мира и самих себя, легитимирующих и мотивирующих коллективное действие» (McAdam et al. 1996: 6). Эта идея, видоизменившись, нашла отражение и в более поздней теории полей стратегического действия, разработанной Макадамом совместно с Н. Флигстином, где авторы рассматривают различные арены, на которых индивидуальные и коллективные акторы состязаются за стратегические преимущества в ходе (и посредством) взаимодействия с другими людьми и группами (собственно поля), а также подчеркивают роль согласованных определений акторами границ поля того или иного общественного движения и (хотя бы отчасти) совпадающих интерпретаций процессов, происходящих в нем, в том, чтобы это поле могло (пере)собирается (Флигстин, Макадам 2022).

Такое понимание культурных фреймов перекликается с представлением Ч. Тилли о *репертуаре общественных движений*, т.е. наборе (способов) действий для реализации своих целей, доступных участникам движения. Подобные действия, как правило, уже опробованы в прошлом и в некоторых случаях ритуализированы, т.е. сформированы культурным и историческим контекстом, однако в то же время за участниками движения остается некоторая свобода, связанная с пересмотром и обновлением своего репертуара (Tilly 1995).

Наконец, У. Гэмсон и его последователи указывают на культурное измерение центрального для классических исследований общественных движений феномена возможности. Так, наряду с объективными и восприимчивыми (замеченными и распознанными) возможностями активистов они выделяют *дискурсивные возможности*, связанные с их заметностью в публичной сфере, коммуникативным резонансом вокруг их деятельности, политической и моральной легитимностью их требований (Gamson, Meyer 1996; Koopmans et al. 2005). Объем этих возможностей зависит, в частности, от того, в какой мере активистам удастся соотнести свои заявления и легитимации с доминирующими дискурсами, понятными как адресатам протеста, так и потенциальным новым участникам движения, и воззвать к ценностям и чувствам широкой общественности (Giugni 2009).

Подходы Макадама, Гэмсона и Тилли объединяет понимание культуры как подручного «набора инструментов» для стратегических действий активистов: привычек, навыков, ритуалов, «знания-как», здравого смысла, разделяемых интерпретаций, убедительных риторик, общепотребимых идиом и пр. (Ciżewska-Martyńska 2018). Однако Гудвин и Джаспер (Goodwin, Jasper 1999) считают эту теоретическую перспективу излишне упрощенной как минимум по четырем причинам. Во-первых, она предполагает строгое различие структурных (политических, институциональных и т.д.) и собственно культурных факторов, причем вторые выглядят как вторичные, вспомогательные по сравнению с первыми. Между тем в реальности провести четкую границу между этими факторами невозможно: культура проникает в структуру и питает ее. Например, возможности часто не просто (не) воспринимаются активистами и (не) репрезентируются в их дискурсе, но и буквально создаются их восприятием и артикуляцией (Goodwin, Jasper 1999: 52–53).

Во-вторых, активисты редко используют вышеуказанные формы культуры полностью осознанно и инструментально (Goodwin, Jasper 1999). Однако это не означает, что фреймирования не происходит; более того, не означает это и что подобное фреймирование не может быть прагматическим. Оно скорее принимает вид некоего «практического чувства», в духе Бурдьё (1998), «чувства игры», балансирующего между привычкой и адаптацией к новым ситуациям. Особенно явно эта двойственность видна в языке и дискурсивных практиках социальных движений. Так, М. Штейнберг показывает, что находящиеся в распоряжении акторов *дискурсивные репертуары* имеют перформативный характер, задавая ограниченный набор возможных фреймов целей движения, идентичности его членов, позиций оппонентов, что, однако, не мешает актерам максимально эф-

фективно использовать доступные дискурсивные инструменты для артикуляции своих заявлений и требований (Steinberg 1995: 60). Вместе с тем дискурсивный репертуар любой стороны конфликтного взаимодействия не является «застывшим». Например, активисты, лишённые доступа к принятию политических решений и вынужденные оспаривать *status quo*, могут создавать новые ярлыки и риторики для номинации проблем, наследовать их у других социальных движений и даже заимствовать у своих оппонентов, в том числе представителей власти; и напротив, в попытках отклонить претензии активистов доминирующие игроки могут использовать их язык, «отзеркаливая» их аргументы или подменяя смысл используемых ими ярлыков (Steinberg 2002).

В-третьих, классический анализ преувеличивает устойчивость отношений между активистами, их союзниками и оппонентами, а также правил, регулирующих их взаимодействия. Вместо этого следует уделять внимание множественным *неопределенностям и неожиданностям* как в поле социального движения, так и за его пределами: ведь в ходе состязательного или конфликтного взаимодействия каждая сторона стремится ошарашить, смутить, дестабилизировать и тем самым дискредитировать оппонентов, причем подобные усилия частично спонтанного и тактического, а частично — стратегического характера следует рассматривать как особую форму креативности и культурного научения. Таким образом, в фокусе исследователей должны находиться не только дискурсивные конвенции, но и нарушения этих конвенций.

Наконец, редуцирование культуры до репертуаров возможностей, действий и фреймов оборачивается недостаточным вниманием к моральной и эмоциональной нагруженности коллективной мобилизации и борьбы (Goodwin, Jasper 1999; Jasper 2010). Значимые для группы моральные принципы и мощные групповые эмоции (недовольство, гнев, разочарование, переживание несправедливости, надежда, энтузиазм и пр.), необходимые для формирования и поддержания групповой солидарности и гражданской вовлеченности, а также для рекрутирования новых членов, часто находят отражение в дискурсе движений. Этим объясняется рост интереса ученых к языку активистов, их индивидуальным нарративам, стратегиям и тактикам сторителлинга (Reed 2014; Polletta 2006).

Таким образом, дискурсивные образцы и изменения следует рассматривать одновременно как предпосылку и результат активизма. По мере того как меняются привычные практики говорения о той или иной проблеме: наборы аргументов и ценностей, к которым апеллируют участники дискурса, легитимные наборы понятий, определений и метафор, — участники движений получают возможности для эмоциональной соподстрой-

ки и совладания с негативными переживаниями, (вос)производства групповых идентичностей, мобилизации новых участников, создания альянсов с другими акторами, приобретения публичной узнаваемости и (в наиболее оптимистичном сценарии) расширения возможностей гражданского участия (Giugni 2008; Gamson 1998; Rochon 1998). Вместе с тем активность участников может привести к дискурсивным сдвигам как в поле общественного движения, так и за его пределами. При этом важно наличие не только более или менее согласованных определений проблемной ситуации, но и интригующих и резонансных историй, вызывающих доверие адресатов, перекликающихся с их личным опытом и ценностями, персонифицирующих проблему.

Прагматическая социология Тевено и Болтански как инструмент анализа языков легитимации в городских конфликтах

В статье я обращаюсь к одному из измерений дискурсивных практик городских активистов: логикам и инструментам легитимации своих позиций, заявлений и требований, а также способам фреймирования (зачастую неочевидной) ценности тех городских объектов, которые они защищают. Для исследования этого измерения воспользуюсь наработками прагматической социологии Л. Тевено и Л. Болтански (2013). Преимущество этой концепции заключается в том, что она поднимает вопросы о справедливости и моральном порядке, столь значимые для общественных движений, но при этом отказывается от поиска универсальных и объективных критериев справедливости, а (абсолютно в духе «культурного поворота») обращается к процессам и практикам *обоснования*, т.е. производства конкретными акторами конкретной работы по заявлению и (публичному) оправданию своих решений и действий.

Кроме того, анализируя различные случаи несогласия, споров и конфликтов, Болтански и Тевено подчеркивают общий контекст неопределенности и/или кризиса, в котором вынуждены действовать акторы и в котором они фреймируют собственные позиции и интересы и позиции других акторов, а также ищут интуитивно и ситуативно уместные решения. Вместо того чтобы пользоваться устойчивыми наборами инструментов *обоснования*, акторы на практике опробуют различные способы легитимации и перекликаются между ними, гибко реагируя на оправдания оппонентов и стремясь убедить в своей правоте широкие публики, а порой и самих себя. Такая перспектива перекликается с аргументом о множественных неожиданностях и сбоях во внутренних и внешних взаимодействиях представителей общественных движений (Goodwin, Jasper 1999).

Итак, Болтански и Тевено исходят из того, что в конфликтных взаимодействиях люди зачастую опираются не только на личные интересы, но и на некие общезначимые ценностные ориентиры, что способствует коллективной мобилизации. Первоначально они выделяют шесть относительно автономных режимов оправдания, каждый из которых выстроен вокруг собственной высшей ценности и имеет свою логику обоснования справедливости, не сводимую к логике других режимов. Эти режимы получают название «миров оправдания» (Болтански, Тевено 2013). *Мир вдохновения* опирается на ценности новизны, фантазии, творчества и использует эмоциональные риторика, фреймирующие созидание как обогащающий и возвышающий опыт. *Домашний мир* основан на ценности доверия и предполагает формирование сильных, эмоционально нагруженных личных связей с людьми, вещами, местами. Интеракция между людьми в этом режиме рассматривается сквозь призму родства, близости, заботы; она основана на уважении к традиции или привычке, выступающей авторитетным источником легитимации. *Мир известности* базируется на таких ценностях, как популярность и общественное признание. Задача акторов, действующих в рамках этого «мира», — не только привлечь внимание широкой аудитории к своим проблемам, но и заставить ее отождествлять себя с ними. Прибегая к различным приемам PR и имиджмейкинга, они стремятся к созданию ярких и запоминающихся образов. *Гражданский мир* формируется благодаря стремлению людей к общему, коллективному благу и основан на ценностях солидарности и равенства. Акторы, действующие в этом режиме, поощряют низовую инициативу, стремятся к гражданскому участию через самоорганизацию и мобилизацию, публично выступают от имени своих групп и организаций. *Мир рынка* приоритизирует извлечение прибыли в ходе экономических обменов и оперирует категориями цены, стоимости, инвестиций. Агентам этого «мира» свойственны оппортунизм при использовании ресурсов, конкурентность, отсутствие личных уз и эмоциональная сдержанность в решениях и высказываниях. Наконец, *индустриальный мир* основан на ценностях технической эффективности и продуктивности; в нем действуют квалифицированные эксперты, использующие научный язык и включенные в сети функциональных, стандартизованных отношений.

Болтански и Тевено не считают свою классификацию исчерпывающей и исходят из того, что миры оправдания — это не более чем исторические конструкции, так что по мере возникновения новых значимых дебатов на публичных аренах позднекапиталистических обществ исследователи могут оспаривать релевантность старых миров оправдания или вводить новые. Так, в некоторых работах Тевено и его последователей (Thévenot et

al. 2000; Lafaye, Thévenot 2017; см. также: Foltyn, Keller, Klaes 2023) появляется дополнительный *экологический мир*, отвечающий за ценности экологической стабильности и безопасности и опирающийся на принципы устойчивого развития и возобновляемости ресурсов. Люди, действующие в рамках этого режима, зачастую артикулируют важность экологических инициатив для следующих поколений и необходимость превращения планеты в единую экосистему. Кроме того, Болтански в соавторстве с Э. Кьяпелло (2011) описывает становление еще одного мира — *проектно-ориентированного*. Главными ценностями здесь оказываются активность и возможность инициировать проекты, основанные на слабых горизонтальных связях, причем успешность этих проектов оценивается с точки зрения разнообразия и богатства приобретенного участниками опыта.

При относительной символической и ценностной автономности, миры оправдания не являются закрытыми и изолированными друг от друга: напротив, в фокусе внимания прагматической социологии находятся ситуации «переключения» между «мирами», столкновения принципов и логик нескольких «миров», а также возможности их неосознанного смешения или намеренного комбинирования и примирения. Именно такие коллизии будут интересовать меня в эмпирическом исследовании.

В российской академической дискуссии имеется некоторый опыт исследований городского активизма из перспективы прагматической социологии. Так, Б.С. Гладарев (2011) реконструировал мобилизацию петербургских градозащитников с использованием другого важнейшего аналитического инструмента теории — классификации режимов вовлеченности, — однако способы оправдания деятельности активистов оставались для него периферийным сюжетом. Сходный подход применила О.В. Ковенева (2006) в исследовании коллективных действий активистов в локальных городских экологических конфликтах, но дополнила его кросс-культурным анализом, продемонстрировав использование российскими и французскими инициативными группами разных режимов вовлеченности. В другой работе Ковенева (2008) показала, что анализ и без того сложной конфигурации языков легитимации в экологических конфликтах, заданной смешением разных режимов оправдания, может еще более осложняться тем, что внешне сходные понятия-ярлыки, используемые для номинации спорных объектов в разных культурах, в реальности наполнены разными коннотациями (ср. русское «памятник природы» и французское «monument naturel»). Е.В. Тыканова и А.М. Хохлова (2011) использовали классификацию миров оправдания в анализе риторик градозащитников и подняли вопрос о том, укладываются ли апелляции активистов к исторической и коммеморативной ценности оспариваемых

объектов в какой-либо из выделенных французскими социологами миров оправдания.

Ниже я попытаюсь показать, к каким мирам оправдания апеллируют нижегородские активисты и эксперты, защищая городские зеленые зоны от агрессивного благоустройства и/или коммерческой застройки и конструируя ценность этих оспариваемых территорий, а также в рамках каких режимов оправдания разворачиваются дискурсивные практики их оппонентов. Важно отметить, что моя исследовательская цель не полностью соответствует посылу прагматической социологии: хотя она признает значение репрезентаций представлений акторов о справедливости в публичной сфере и дискурсивных практик их обоснования, но не ограничивается анализом дискурсов и смыслов, а настаивает на необходимости также учитывать повседневные практики людей, их решения и выборы (Болтански, Кьяпелло 2011). Напротив, я сосредоточиваюсь именно на языках легитимации по двум причинам. Во-первых, такой фокус позволяет сопоставить мой анализ с дебатами о роли культуры в социальных движениях, кратко представленными выше. Во-вторых, он связан с ограничениями выбранного метода, рефлексия о которых представлена в следующем разделе.

Эмпирические данные и метод

Я использую дизайн сравнительного кейс-стади (Yin 2003) и обращаюсь к двум случаям конфликтов вокруг трансформаций парковых зон в Нижнем Новгороде. Это борьба нижегородцев против строительства аквапарка и сопутствующей коммерческой инфраструктуры в Автозаводском парке культуры и отдыха (2011–2017), и выступление против масштабного благоустройства парка «Швейцария», предполагавшего создание на территории парка новой инфраструктуры (2019 — настоящее время). Данные кейсы представляются сопоставимыми, поскольку в обоих случаях объектами оспаривания стали зеленые зоны на городской периферии; в конфликты вокруг обоих парков было вовлечено множество акторов, освещавших свои позиции на разных публичных площадках. Кроме того, оба парка имеют статус объектов культурного наследия (ОКН), что делало их особенно привлекательными для анализа, поскольку защитники наряду с экологической повесткой имели принципиальную возможность апеллировать к историко-культурной значимости обеих оспариваемых территорий. Это позволило ожидать использования более разнообразного репертуара языков легитимации как противниками, так и сторонниками проектов.

В поисках инструментов легитимации я анализирую серию полуструктурированных интервью с непосредственными участниками конфликтов

и экспертами. Все нарративы, освещающие спорные взаимодействия вокруг Автозаводского парка, были получены после завершения конфликта, а интервью, посвященные судьбе парка «Швейцария», собраны в два этапа: как в разгар конфликта (2020), так и после завершения его активной фазы, когда основная часть работ по благоустройству была уже выполнена (2022). Дополнительными источниками информации послужили публикации сторон в социальных медиа, а также в региональных СМИ. Использование этих материалов необходимо, во-первых, потому что представители власти и бизнеса оказались закрыты для исследования, так что анализ их «голосов» был вынуждено сведен к публичным высказываниям, а во-вторых, потому что зачастую события описывались участниками лишь ретроспективно, и важно посмотреть, к каким аргументам и риторикам они прибегали непосредственно в ходе оспаривания.

Подчеркну, что использование интервью в качестве основного метода сбора данных и ретроспективный характер большинства собранных эмпирических материалов не позволяют в полной мере выявить и описать практики участников конфликтов: из нарративов мы узнаем не то, как они действовали в разгар событий, а то, как они вспоминают, оценивают и легитимируют свои действия спустя время.

При работе с данными я воспользовалась методом анализа дискурса с позиций социологии знания, предложенным Р. Келлером (Keller 2011; Keller et al. 2018). Этот подход, сокращенно называемый SKAD, опирается на социально-конструктивистскую парадигму и акцентирует агентность акторов в (вос)производстве дискурсов, создании ими выгодных значений, что позволяет ему хорошо монтировать с исследованиями общественных движений в русле «культурного поворота». Одновременно SKAD наследует интерес М. Фуко к отношениям власти и влияния, как репрезентированным в дискурсах, так и создаваемым ими, что делает его адекватным инструментом анализа высказываний разноресурсных акторов в городских конфликтах (Keller et al. 2018).

«Отмените лягушатник!»:

защита Автозаводского парка культуры и отдыха

Автозаводский парк культуры и отдыха, заложенный в 1935 г., расположен в Автозаводском районе Нижнего Новгорода и выступает частью исторического района Соцгород, планировка которого определялась утопическими идеалами города-сада. С 1993 г. парк является ОКН регионального значения. Кроме того, как элемент Соцгорода, он признан частью исторического поселения, так что на его территорию распространяются соответствующие охранные ограничения. Однако это не спасло северную

часть парка вдоль Молодежного проспекта общей площадью 18,5 га от застройки многоэтажными жилыми домами в 2004–2006 гг. Постепенно парк также утратил значительную часть малых архитектурных форм, когда-то украшавших аллеи: павильонов, читален, беседок, фонтанов и пр. (Воронина 2013). В 2012 г. было снесено деревянное здание бывшего кинотеатра «Родина», хотя незадолго до этого эксперты признали историческую, архитектурную и общекультурную ценность этого объекта (Агафонова, Давыдов 2013). Тем не менее парк остается основной зеленой и рекреационной зоной района.

Весной 2005 г. администрация города получила заявку от ЗАО «СК Корос» о предоставлении в аренду на 49 лет земельного участка площадью 1,7 га под строительство аквапарка с гостиницей и в 2006 г. утвердила проект в западной части парка (Воронина 2013). Однако по разным причинам реализация крупномасштабного проекта откладывалась, так что широкая общественность узнала о нем лишь в 2011 г., когда в парке прошла торжественная церемония закладки первого камня на месте будущего аквапарка, в которой приняли участие тогдашний губернатор Нижегородской области В.П. Шанцев и глава Автозаводского района В.И. Солдатенков. Новый комплекс площадью около 7000 кв. м должен был наряду с трехуровневым аквапарком включать крытый стадион с ледовой ареной, развлекательный комплекс, бар, ресторан, дискотеку, магазин спортивных товаров и пр. Представители нижегородских градозащитных и экологических движений и жители района выступили против коммерческого строительства в парке и уничтожения зеленых насаждений, постепенно заручившись поддержкой части экологического экспертного сообщества, а также представителей ряда политических партий. Кульминация конфликта пришлась на 2014–2015 гг., когда, несмотря на общественное недовольство, застройщик, уже располагавший всей необходимой проектной документацией, заявил о готовности приступить к строительным работам. Интересы инвестора на всем протяжении конфликта поддерживали районная, городская и областная администрация, а также некоторые эксперты.

Защитники парка действовали как на публичных (заявляли о проблеме в социальных, а при возможности — и в традиционных медиа, опубликовали петицию и собирали подписи против строительства аквапарка, прибегали к инструментам уличной политики), так и на формальных аренах (делали запросы в различные инстанции о законности строительства, инициировали судебные разбирательства). Изначально они оценивали свои шансы на успех как очень невысокие, поскольку проект аквапарка имел все необходимые разрешения, выглядел коммерчески привлекательным и рекламировался как нацеленный на благо горожан, обеспечиваю-

щий для них новые рекреационные возможности. Однако после того как в 2016 г. Верховный суд признал незаконным строительство в границах охранной зоны, проект аквапарка был все же отменен, а в качестве компенсации инвестор, с которым в 2017 г. был расторгнут договор аренды, получил альтернативный участок.

Что же удерживало активистов вместе в затянувшемся конфликте, несмотря на пессимистические оценки исходов борьбы и множественные ситуативные поражения? Какие ценности их объединяли и как они объясняли себе и окружающим ценность парка?

Казалось бы, основным инструментом легитимации для защитников парка могли стать апелляции к *экологическому миру*. Однако соответствующие дискурсивные практики не являлись доминирующими в нарративах градозащитников. Многие из них объясняли участие в судьбе парка наличием связанных с ним привычек, опыта и памяти. Так, они ностальгировали о детских прогулках и юношеских встречах, указывали на то, что некоторые растения были посажены руками их родителей и дедов, делились личными ассоциациями, связанными с конкретными уголками парка:

*Буквально каждый пятак за пределами парка и внутри парка нами был **освоен**. <...> Мы [с сыном] вечером приходили на хоккейную коробку, <...> включали свет, тренировались. Там такая была в советские времена создана народная спортивная атмосфера <...> У меня отец военный, **родственники автозаводские**. У меня прадед **участвовал в строительстве автозавода** и умер от голода в 43-м году <...> Вся эта местность — мы ее ногами исходили... (И1).*

К личной памяти горожан апеллировали и архивные фотографии парка, которые градозащитники публиковали в социальных медиа. Важная роль парка в современных повседневных практиках горожан отчетливо артикулировалась в онлайн-петиции против застройки парка:

Парк нужен людям — по периметру протоптаны тропки, по которым люди бегают или просто прогуливаются, зимой тут катаются на лыжах; в парке еще советских времен сохранились несколько турников — там тоже постоянно занимаются спортсмены всех возрастов (Петиция... 2015).

Символически приватизируя Автозаводский парк, маркируя его как «свое место», как «малую родину», нижегородцы таким образом фреймировали протест в логике *домашнего мира*:

*...есть место, которое нужно защищать, это наше **родное место** <...> Я помню, собрание было в парке летом, пришло огромное количество простых людей **из района** <...> То есть я видела, как люди действительно реагируют, то есть они понимают, что да, это **их парк** (И2).*

Организуя мероприятия, рассчитанные на публичный резонанс, активисты прибегали к ценностям *гражданского мира*. Они призывали горожан продемонстрировать гражданскую ответственность и солидарность перед лицом нависшей над парком угрозы и легитимировали свою позицию в конфликте тем, что выступали от лица жителей Автозавода или нижегородцев в целом. Так, социальные медиа защитников Автозаводского парка (2015–2016) встречали новых пользователей обращениями: «Давайте спасать парк **вместе!** Мы живем в одном городе!», «**Вместе** мы сила!» Члены инициативной группы подчеркивали, что собрали более 10 тыс. подписей против возведения аквапарка. Ретроспективно успешную защиту некоторых информанты связывают именно с многолетней бескорыстной и хорошо скоординированной работой активистов в стремлении к общему благу:

*У нас концепция была простая: если автозаводцы **реально самоорганизуются** вокруг этого объекта, то они его отобьют. И эту мысль мы постоянно доводили до жителей города, что проблема решается только одним: вот если вы, автозаводцы, **дружно скажете**, что вам это не надо, то проект умрет. <...> люди там огромное количество сил и времени потратили. Там были, наверное, сотни пикетов, тонны листовок. И **автозаводцы, реально автозаводцы** высказали свою позицию, долго они ее пробивали (И3а).*

Институционально самоорганизация горожан была закреплена в форме создания попечительского совета парка. Тем не менее градозащитники признаются, что им не удалось мобилизовать жителей Автозаводского района в той мере, в какой им бы этого хотелось, и жалуются на невовлеченность и индифферентность местных жителей:

*...мы там ходили в пикеты, собирали подписи у входа в Автозаводский парк, и реально половина посетителей этого парка: «Ну и что?! **Ну и плевать**, пускай строят!» (И4).*

Они указывают на закрытость активистского ядра и проблемы рекрутинга:

Потому что, если есть проблема, внутри оказываются приблизительно одни и те же люди. Мы все знаем друг друга не один десяток лет, потому что мы все оказываемся там, и не нужно никого [специально] привлекать. Люди сами по себе привлекаются. <...> То есть вы видите на одних и тех же картинках одни и те же физиономии. Где молодежь, где свежая кровь, где наша смена? (И5).

Это не означает, однако, что общественная поддержка неважна для активистов, напротив, они признают необходимость привлечения горожан путем совершения публичной работы по производству и подтверждению ценности парка и сожалеют, что им не хватило для этого ни ресурсов, ни мотивации.

При этом ценности *мира известности* не являются имманентными для дискурса активистов: слава и признание не артикулируются ими как самоцель, хотя некоторым из них и удалось со временем аккумулировать символический капитал. Публичный резонанс рассматривается ими предельно инструментально: как способ символического давления на оппонентов:

*...я начал другие сайты [создавать], свои стал делать блоги, там, в Ютубе, в соцсетях, каждую акцию я провожу, я делаю отчет, я делаю фотки <...> **Если этого нет в интернете — этого нет** (И6).*

Риторика *мира рынка* также используются градозащитниками, но исключительно как способ стигматизировать оппонентов, указав на их корыстные интересы и одержимость прибылью в ущерб общественному благополучию:

...администрация города, там, Департамент по строительству на заседании предложили [инвестору] варианты. Говорят: «Мы вам будем содействовать, вот вам предоставим такие-такие земельные участки на ваш выбор». Он не стал нигде строиться. Потому что ему нужен был тот парк. А потому что в парке, видимо, были какие-то особые [коммерчески выгодные] условия для строительства (И7).

Функции попечительского совета по завершении конфликта видятся преимущественно в создании гражданского противовеса бизнесу, с его неконтролируемыми попытками обогащения:

Значит, это стандартная беда: когда парк отдают кому-то на кормление, то поставить границу. По идее, это должна делать власть.

*Но обычно у нее не хватает ни валентности, ни желания, поэтому в результате попечительский совет пытается эту **алчность арендаторов сдерживать** (И3а).*

На протяжении конфликта защитники парка стремились оспорить законность строительства. Впервые они попытались опротестовать выделение участка под возведение аквапарка в зеленой зоне и одновременно в границах ОКН еще в 2013 г. и даже добились промежуточной победы, когда районный суд признал действия областного управления госохранкультуры по согласованию проекта незаконными, но последующие раунды судебных заседаний проиграли: «И мы выиграли этот суд. Они подали апелляцию, мы второй проиграли и все проиграли дальше» (И7). Тем не менее укладывающиеся в логику *индустриального мира* аргументы о том, что проект застройщика не соответствует букве закона, сохранились в нарративах защитников парка и вновь стали доминирующими, когда летом 2015 г. они в судебном порядке обжаловали постановление губернатора о сокращении границ Автозаводского парка:

*В июне мы оспорили в суде указ губернатора... о корректировке границ объекта культурного наследия, согласно которому примерно 5 га Автозаводского парка были «скорректированы» в пользу [застройщика]. В конце августа Нижегородский областной суд (первая инстанция) встал на нашу сторону. В октябре Управление по охране культурного наследия области направило апелляцию, которую сегодня Верховный суд не поддержал. Наше решение оставили в силе. Спустя 11 лет жители доказали властям, что их решение о строительстве на территории парка является **незаконным!** (СМЗАП 2016).*

В интервью активисты также апеллируют к тому, что проект строительства был неприемлем, так как дважды нарушал формальные правовые рамки:

*Территория... была рекреационной и одновременно была ОКНовской: подпадала под регулирование природоохранного законодательства и под законодательство об охране культурного наследия. А ее вырезали оттуда и оттуда. Такие вещи со стороны властей недопустимы. Если есть охраняемая законом зеленая зона, вы **должны этот закон выполнять** (И5).*

Деятельность активистов, направленная на защиту статуса парка в качестве ОКН, в правовом поле подкрепляется их попытками заявить культурно-историческую ценность этой территории:

Автозаводский район — это уникальная вообще территория — Соцгород Автозавода: там... с 30-х по 35-е... была такая идея города солнца. Значит, люди живут в общежитиях, у них все общее, они трудятся на каком-то предприятии, у них общий быт и общее развитие: библиотеки, все общее, столовые буквально. И вот по этому принципу построили наш Автозавод. <...> Значит, улицы, формы домов буквально, вот этот самый парк разбили, ширина улиц — все должно быть комфортно. Это единый проект, там есть у него какая-то территория, она охватывает несколько кварталов, но это называется «историческая территория Нижнего Новгорода», она уникальная. В Германии знают соцгорода. Они практически сейчас везде разрушены, остался только у нас. И парк тоже входит в эту историческую территорию Соцгорода (И2).

Напротив, архитектурная, инфраструктурная или рекреационная ценность аквапарка отрицается: он снижающе номинируется как «лягушатник» и «лужа с горками» (СМЗАП 2015).

Производимая защитниками культурно-историческая ценность парка была впоследствии дополнена его *коммеморативной ценностью*: в годы ВОВ здесь располагалась боевая позиция зенитной батареи, где служили в основном женщины:

Строительство РАЗРЕШЕНО на месте боевой славы, где проливали кровь и мужественно защищали наш Автозавод герои — 15 зенитная батарея 784 полка (СМЗАП 2015).

В этой связи градозащитники фреймировали коммерческую застройку парка как «кошунство» и «надругательство над памятью о подвиге» (На участке... 2015) и при поддержке ветеранов потребовали заменить планируемые объекты коммерческой инфраструктуры памятником, который увековечил бы героизм зенитчиц, разбить рядом с ним аллею памяти (Памятник зенитчицам... 2016) и восстановить снесенный деревянный кинотеатр «Родина», возведенный в 1944 г. и ассоциирующийся у переживших войну автозаводцев с радостью победы. Ретроспективно активисты оценивают апелляции к коммеморативной ценности парка как важный инструмент легитимации своих требований, оказавшийся весомым в глазах политических элит:

Там реально люди погибали, кровь проливали, а вы хотите построить там аквапарк <...> Это очень хорошо сыграло (И6).

При этом обращения к собственно *экологической ценности* парка оставались для его защитников как будто само собой разумеющимися. На плакатах во время народных сходов и пикетов (СМЗАП 2015), а также в электронной петиции (2015) парк номинировался как «*легкие Автозавода*»; множество раз активисты выражали озабоченность перспективой вырубки больших массивов здоровых деревьев и кустарников. Но все же в рамках *экологического мира* свой дискурс выстраивали преимущественно эксперты, указывавшие на значимость парка не только для нынешних жителей, но и для будущих поколений нижегородцев:

Любое дерево — это жизни. Любая застроенная зеленая территория — это убитые жители (ИЗ, см. СМЗАП 2016).

Проблематичность апелляций к ценностям *экологического мира* отчасти объясняется тем, что на момент конфликта парк находился в довольно запущенном состоянии: многие растения в нем погибали, а новые посадки практически не осуществлялись, на что жаловались и местные жители, и эксперты, которые видели в деградации парка отдельную угрозу, не меньшую, чем перспектива строительства:

Выяснилось, что деревья погибают, причем массово. У них там этот дренаж, который в 30-е годы построен был и, по-моему, никогда не ремонтировался, просто забился... Общественность завопила о том, что администрация города в массовом порядке вырубает деревья в парке и, таким образом, готовит место под строительство аквапарка. Я же пояснил, что вырубка идет потому, что деревья сохнут. <...> [Другое дело, что] если речь идет о профилактике болезней деревьев, фитосанитарии, то ничего правильного в вырубке нет. Ведь при вырубке одного дерева повреждаются несколько рядом с ним стоящих (И8).

Если градозащитников и дружественных им экологов бедственное состояние парка заставило потребовать от администрации отказаться от коммерческой застройки этой озелененной территории в пользу ее щадящего благоустройства, то для сторонников аквапарка оно стало дополнительным аргументом, девальвирующим экологическую ценность оспариваемой территории:

Для информации: парк не является легкими города, поскольку не вырабатывают хоть сколько-нибудь достаточного объема кислорода (СМСА 2015).

Компания-инвестор, в свою очередь, обещала компенсировать нанесенный строительством экологический ущерб и даже превентивно осуществила высадку новых растений:

[Генеральный директор] начал активную деятельность. Он начал деревья сажать, приглашал какую-то организацию... заказал деревья, говорит: «Вот я еще парк-то не строю, а вот деревья-то смотрите, то есть я деревья-то буду вырубать, а вот я уже сажаю, видите, какой я хороший» (И7).

Дискурс компании-застройщика и поддерживающих ее представителей администрации на протяжении конфликта разворачивался преимущественно в рамках *индустриального* и *рыночного* миров. С одной стороны, бизнес и чиновники подчеркивали законность проекта, наличие всех необходимых согласований и разрешений:

*Наше кредо — **действовать в рамках закона**. Поэтому мы не начнем строительство, пока не будут пройдены все **процедуры согласования** (Сторожук 2012).*

С другой стороны, строительство аквапарка позиционировалось как прибыльный проект, способный привлечь в город новые туристические и инвестиционные потоки и пополнить городской бюджет, а комментируя задержки в реализации проекта в связи с инициированными градозащитниками судебными разбирательствами, глава компании указывал именно на серьезные финансовые убытки:

*Если честно, ущерб это наносит очень существенный: я даже не веду речь о сгоревших нервах — это уже наши личные проблемы. Вопрос в том, **сколько денег мы уже потеряли** из-за затягивания процедуры согласований (Сторожук 2012).*

Схожим образом он высказался и в ситуации отмены проекта:

*Наша компания **вложила огромные средства** не только в проект аквапарка, но и в развитие, в благоустройство самого Автозаводского парка. Поэтому отказываться от проекта мы не намерены.*

Однако способы легитимации проекта строительства аквапарка не ограничиваются двумя «мирами»: они гораздо разнообразнее и нюанс-

рованнее. Так, нередко обнаруживаются апелляции к *домашнему миру*. Аквапарк описывается как будущий центр притяжения для автозаводцев, место реализации их повседневных рекреационных практик, семейного досуга. Так, в своей речи, посвященной закладке первого камня, В.П. Шанцев подчеркнул:

*Когда у нас будет свой аквапарк, то людям не придется больше ехать за пределы области, чтобы **отдохнуть со своими друзьями и близкими** <...> Одно дело просто гулять по парковым дорожкам, другое — **провести время со всей своей семьей**, посетив такой развлекательный центр (Запуск культурно-развлекательного комплекса... 2011).*

Власти также апеллировали к локальной идентичности Автозавода: «Очень здорово, что этот объект появится именно в Автозаводском районе, который славится своим благоустройством, промышленностью и активным населением. Автозавод — это **сердце и история нашего города**» (Шанцев заложил... 2011), — а аквапарк номинировали как «подарок» к восьмидесятилетию юбилею района.

Интересны способы использования этой стороной риторик гражданского мира. С одной стороны, они применялись для обесценивания и стигматизации позиции градозащитников. Так, представители инвестора настойчиво занижали число защитников парка и отказывали им в праве выступать от лица жителей района по причине проживания в других частях города:

*Что самое обидное, инициативно-недовольная группа — это всего... три человека. Двое — жители Нижегородского района и одна — автозаводчанка. <...> Кстати, с нашей землячкой нам удастся вести конструктивный диалог <...> Но двое жителей **верхней части города**... Признаться, я не могу понять, что ими движает. Ну почему вдруг они стали так рьяно отстаивать интересы автозаводцев — тем более что **сами автозаводцы их об этом не просили?** (Сторожук 2015).*

С другой стороны, заинтересованным в проекте городским игрокам было важно показать, что строительство аквапарка отвечает чаяниям большинства горожан. Для этого в социальных медиа было создано сообщество «Мы ЗА Аквапарк в Нижнем Новгороде», декларировавшее цель собрать ответственных жителей, заждавшихся открытия аквапарка, и ускорить реализацию проекта:

Уже почти ДЕСЯТЬ лет назад в Автозаводском парке культуры и отдыха был заложен первый камень в фундамент будущего и первого в Нижнем Новгороде Аквапарка. Но, к сожалению, на данный момент строительство так и не началось. Но терпение не вечно, и жители города решили взять дело в собственные руки и во всем разобраться сами. <...> Все Жители Нижнего Новгорода и области, которые неравнодушны к этому вопросу, здесь вы можете найти самую свежую информацию и вложить свою маленькую лепту в общее большое дело (СМСА 2016).

Кроме того, был осуществлен сбор подписей в поддержку проекта:

«Хотите, чтоб был аквапарк?» Какой дурак скажет, что нет? Собираем подписи за аквапарк. В парке — не в парке. «Хотите аквапарк?» — «Конечно, хотим!» (И5).

Наконец, для продвижения проекта бизнес и власти использовали мир известности: они делали громкие репутационные заявления в медиа, призванные создать позитивный имидж будущего аквапарка.

«Они нарезали из парка швейцарский сыр»: защита парка «Швейцария»

Крупнейший в Нижнем Новгороде парк «Швейцария» общей площадью около 380 га находится на высоком правом берегу Оки в Приокском районе. Кроме собственно парковой территории парк, признанный ОКН регионального значения, охватывает водоохранную зону Оки и часть территории памятника природы «Урочище Слуда» (Воронина 2013). Заложен он был еще до революции силами учащихся и преподавателей нижегородских школ по инициативе Городской земской управы и вскоре получил свое историческое название «Швейцария» за красоту пейзажей. Впоследствии «шефами» парка стали комсомольцы завода им. Ленина. Также в развитии этой озелененной территории участвовали рабочие других городских заводов, школьники и студенты. Постепенно захватывая новые территории, в советское время парк пополнялся новыми посадками и благоустраивался: сначала довольно беспорядочно, затем — в соответствии с общим проектом. Состав зеленых насаждений расширился в 1958 г. с закладкой дендрария. На живописных аллеях размещались объекты досуговой инфраструктуры: деревянный кинотеатр, читальня, танцплощадка, а позже — аттракционы. В 1990-е гг. городские власти, не способные поддерживать парк в должном состоянии, передали террито-

рию вдоль пр. Гагарина муниципальному предприятию «Парк Швейцария» в аренду на 49 лет. Примерно в этот период на территории парка был организован зоопарк «Мишутка» (Официальный сайт парка «Швейцария» 2024; Воронина 2013).

Именно вокруг зоопарка, закрытого из-за нерентабельности в 2018 г., первоначально развернулся конфликт: озабоченные судьбой животных градозащитники попытались спасти организацию, однако потерпели поражение. Тем временем городская администрация объявила о предстоящей масштабной реконструкции парка, приуроченной к восьмисотлетию юбилею Нижнего Новгорода. Активисты и эксперты обнаружили, что благоустройство территории будет сопровождаться строительством крупных объектов социальной и коммерческой инфраструктуры (экошколы, детского центра, нескольких коворкингов, музея, ресторана, здания администрации и пр.), а значит, и вырубкой участков парка, выделенных под строительство. Поскольку текущий охранный статус территории не позволял полностью реализовать заявленные планы, в 2019 г. администрация инициировала публичные слушания, где обсуждалась возможность его пересмотра. Это послужило триггером мобилизации активистов, считавших, что предложенные изменения могут привести к уничтожению почти четверти зеленых насаждений.

Кульминации конфликт достиг в 2020 г., когда в преддверии юбилея город получил значительное федеральное финансирование на благоустройство парка (по разным данным, от 3 до 4 млрд руб.). Для осуществления строительных работ несколько участков парка были выведены из-под охрannого статуса, против чего немедленно выступили городские активисты. Дальнейший ход борьбы ознаменовался серией публичных акций горожан, в ходе которых они живой цепочкой окружали территорию парка, где уже начались работы. Эти акции дополнили широкий спектр усилий градозащитников в социальных медиа (создание сообществ защитников парка, освещение экологических и правовых измерений конфликта, публикация петиций и сбор подписей, документирование нарушений, допущенных в ходе работ по благоустройству, и т.д.) и в сфере уличной политики (народные сходы и пр.). Также защитники «Швейцарии» были активны на формальных аренах (обращения в органы исполнительной власти и в контрольно-надзорные органы различного уровня о незаконности выведения участков парка из границ озелененной территории общего пользования и о нарушениях при проведении работ). Экоактивистов, градозащитников и местных жителей поддерживали многие представители экспертного сообщества, тогда как другие эксперты выступили на стороне их оппонентов: мощной коалиции, объединив-

шей представителей региональной и федеральной власти, а также подрядчиков.

Несмотря на все усилия, защитникам парка не удалось добиться полного пересмотра проекта благоустройства, однако они все же достигли определенных успехов. В частности, «вырезанным» участкам был возвращен охранный статус, а экологический ущерб от реализации проекта снизился: количество предусмотренных проектом реконструкции построек сократилось, была предотвращена застройка «бровки парка» с нестабильными почвами, сопряженная с рисками обвалов и оползней.

В отличие от автозаводских активистов защитники «Швейцарии» эксплицитно обращались к ценностям *экологического мира* на всех стадиях конфликта:

*...в итоге «по реконструкции» будет вырублено и уже частично вырублено 218 здоровых деревьев <...> Можно ли сохранить эти деревья? Мы уверены, что можно. Нужно лишь желание и способность понять **ценность каждого дерева**, тем более того, которое уже росло полвека, очищая воздух, давая тень людям и приют птицам <...> Напоминаем, что в результате реализации проекта «благоустройства» парк потеряет еще порядка 3500 деревьев (СМЗПШ 2020).*

Они подчеркивали, что благоустройство не только нанесло парку прямой ущерб от вырубок, но впоследствии обернется неизбежной гибелью других зеленых насаждений в результате проведения инженерных коммуникаций и проезда строительной техники, а также уничтожением травяного покрова и плодородного слоя почвы:

*Так как парк очень заселен растительностью, там просто **корни обрубали** [когда прокладывали коммуникации] (И9).*

По комментариям экологов, работы поставили под угрозу редкие краснокнижные виды, а также повредили фауне парка.

Хотя, как и Автозаводский парк, «Швейцария» имеет статус ОКН, ценность этой территории конструировалась ее защитниками преимущественно как *экологическая*: парк описывался как *заповедная зона, уникальный массив широколиственного леса, сокровищница редких растений, легкие города*. Культурная ценность комплекса (например, ограды и входных групп, являющихся предметом охраны, и паркового ландшафта) оставалась периферийной. Отсылки к коммеморативной ценности парка также практически отсутствовали, хотя принципиальная возможность

апеллировать к памяти места была: как в дореволюционное, так и в советское время зеленые насаждения парка приумножались усилиями горожан: учащихся, педагогов, комсомольцев, рабочих, а в годы ВОВ жители разбили здесь огороды и пасли скот, так что парк спасал людей от голода. Метафоры, которые активисты использовали для стигматизации проекта в публичных дискуссиях и личных нарративах: «карательное благоустройство», «бульдозерная реконструкция», «экоцид800», — также укладывались именно в логику экологического мира.

Апелляции к экологическим ценностям не прекратились и после окончания основных работ: когда «Швейцарию» вновь открыли для посетителей, члены активистского ядра и профессиональные экологи оперативно осуществили оценку экологического ущерба, нанесенного парку, а также выходят в «экологические дозоры», регистрируя отсроченные последствия реконструкции (например, засыхание и спил деревьев, корни которых были повреждены во время строительства, проведения коммуникаций и установки осветительной системы) и контролируя качество новых посадок:

Зеленый блок там был ужасный. Там видовой состав растений был в основном из кавказских питомников, которые здесь не выживут, потому что они субтропические. И как бы опять-таки удалось достучаться до губернатора, он собрал специалистов... они показали Никитину все косяки в списке видов, и список видов удалось тогда скорректировать (ИЗб).

Результаты своей экспертизы они регулярно публикуют в социальных медиа, а также направляют в областное Министерство экологии и Управление административно-технического контроля. Наконец, они на добровольных началах консультируют руководство парка о том, как восстанавливать его экосистему.

Однако репертуар легитимаций активистов выходил далеко за пределы экологического мира. Ключевыми для них стали, в частности, апелляции к *домашнему миру*, объясняющие их личную озабоченность судьбой парка потребностью защитить *свое место*: давно знакомое и любимое, связанное с биографией и повседневными практиками информантов и их близких:

...Я любитель скандинавской ходьбы. Соответственно с палочками там все ходят, все друг друга знают, здороваются, естественно <...> Во-вторых, там есть площадка для турников, которую мои

друзья построили. Соответственно мы там встречались с ребятами, занимались периодически. Потом все-таки там какие-то были аттракционы, мы с детьми ходили туда гулять (И10).

Аргументы и риторика *индустриального мира* применялись защитниками «Швейцарии» для оспаривания законности проекта благоустройства. В их глазах, капитальное строительство в парке грубо нарушало как Региональный закон 100-З «Об охране озелененных территорий Нижегородской области», так и Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Как не соответствующее букве закона фреймировалось (впоследствии аннулированное под давлением городской общественности) решение городской думы об исключении участков парка общей площадью более 35 тыс. кв. м из границ озелененной территории общего пользования:

Парк — объект культурного наследия, и парк — озелененная территория общего пользования одновременно. Два регламента, которые не позволяют: на озелененной территории не позволяют не соответствующие объекты, объект культурного наследия не позволяет вообще никаких объектов (ИЗб).

Территорию парка с «вырезанными» для капитальной застройки зонами активисты называли «швейцарским сыром» и «решетом, пробитым пулеметом». После возвращения данным участкам охранного статуса, что делало невозможным капитальное строительство на них, активисты упрекали администрацию в манипулировании терминами в проектной документации для реализации задуманных изменений:

Муниципальный заказчик предложил поменять характеристики объектов: с капитальных на некапитальные, и их названия. Яркий пример: «ребрендинг» социального центра, который на глазах превратился в центр доступности среды (СМЗПП 2020).

Как и в предыдущем кейсе, отсылки к *миру рынка* использовались защитниками парка для конструирования негативного образа оппонентов. Так, они указывали на финансовые злоупотребления при составлении смет и реализации работ по благоустройству:

Наслаждайтесь, друзья! Скамейка за 70 тысяч, урна из тропического дерева (!!!) за 124 тысячи рублей (СМЗПП 2020).

Притчей во языцех в активистском сообществе стали «золотые туалеты», спроектированные подрядчиками:

А потом, ну, просто там по памяти, там туалет 8,7 квадратных метров — это 5,6 миллионов на строительство туалета. Ну куда?! Это коттедж, простите! (И10).

Однако апелляции к этому «миру» выполняют и менее очевидную функцию: присутствие бизнеса, привлечение новых инвесторов и в целом коммерческая логика развития, ставящая во главу угла извлечение прибыли — зачастую в ущерб природе и горожанам, — конструируются защитниками как главная угроза парку, и своим основным достижением они считают именно снижение будущих рисков коммерческого речедевелопмента:

*И все объекты, которые планировались, волшебным образом у нас теперь считаются не капитальными. <...> И это ценно — то, что они не капитальные, потому что ни у кого нет интереса купить этот объект себе, потому что ты его не поставишь на баланс, ты его **не продашь, не перепродашь, не загопишь** никуда, потому что это не капитальные объекты, это сарай. Неважно, что он двухэтажный, на бетонном фундаменте: это никого не волнует. Это сарай по бу-магам, в реестре он не стоит. **Бизнесу становится неинтересно лезть в территорию** (ИЗб).*

Преимущественно для характеристики мотивов и действий оппонентов защитники парка использовали и дискурсивные практики, укладывающиеся в логику *мира известности*. Они подчеркивали, что представители власти через яркие репутационные заявления и широкое медийное освещение сумели представить проект реконструкции в привлекательном свете, пообещав сделать парк современным, красивым и безопасным — в общем «парком мирового уровня», по выражению замминистра строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ М.Б. Егорова (Нижегородский парк... 2021). Большинство жителей города, не осведомленных об экологических и сопутствующих рисках, одобрительно отнеслись к перспективе реконструкции, тем более что необходимость благоустройства парка давно назрела. При этом СМИ искажали позицию активистов в конфликте, изображая их ретроградными борцами против любых изменений:

*...все-таки администрация... им удалось навязать вот эту риторичку. За счет, конечно, **массированного медийного освещения**, что, типа, активисты против благоустройства — так прямо капитально. Вот прямо **постоянно приходилось это читать**. <...> Нет, ребята, есть разница между тем, чтобы быть против проекта и против благоустройства (И11).*

Со своей стороны защитники парка сообщают об использовании ресурсов известности и репутации в чисто прагматических целях: для привлечения внимания городской общественности к проблеме и повышения ее осведомленности (И3а самоиронично называет это «рожей торговать»). Аналогичной цели была подчинена организация серии живых цепочек по периметру парка:

*Мы когда стояли в цепочках, машины останавливаются... Год идет реконструкция парка, год! Год закрыта территория забором. Ты мимо нее каждый день проезжаешь! Он встал и говорит: «А вы что стоите, что делаете?» — «А мы парк спасаем». — «А что с парком? Ой, забор!» Забор заметил через год, когда его остановили, извиняюсь, в забор носом ткнули. **Как донести до 1 200 000 жителей города эту информацию, как?!** (И3б).*

Одновременно участие в цепочках описывалось информантами в терминах *гражданского мира*: как возможность встретиться с единомышленниками, в буквальном смысле встать с ними плечом к плечу, пережить эмоционально нагруженное чувство общности:

*...вот какое выражение, есть хорошее: найти **своих** — и успокоиться. Вот у меня такое ощущение было. Потому что вот люди, вот они **неравнодушные**, они в этом же ключе думают, несмотря на то что они разных политических воззрений, у них такое [ответственное] отношение к городу (И12).*

Ценности общей гражданской ответственности и разделяемой идентичности не только удерживали активистов вместе, но и использовались ими как инструмент рекрутинга:

***ВСЕ, кто любит наш нижегородский парк Швейцария в его прекрасном естестве... надо спасти нашу жемчужину... хотя бы попытаться... сделать все, что должно, от себя!** (СМЗППШ 2020).*

Как и в Автозаводе, низовая инициатива горожан получила институциональное закрепление в форме попечительского совета парка.

Примечательно, что здесь ситуативно проявляются даже дискурсивные практики, свойственные *миру вдохновения* и *проектному миру*: активисты и экологи совместно разработали и представили общественности альтернативную концепцию развития парка, нацеленную на поддержание аутентичного природного ландшафта, а нижегородское объединение ландшафтных архитекторов совместно с ННГАСУ организовало проектный семинар «Парк Швейцария глазами молодежи», предложив студентам в командах создать свои сценарии развития паркового комплекса (В полку защитников... 2020).

Что касается языков легитимации, использовавшихся сторонниками благоустройства, то здесь ожидаемо доминировали апелляции к *индустриальному миру*: власти подчеркивали законность всех планов, а также четкое соответствие проводимых работ предписаниям. Так, на встрече с активистами, состоявшейся в феврале 2020 г., губернатор Нижегородской области Г.С. Никитин пообещал:

Какие-то парковки в парке... какой-то бизнес и застройка. Ничего этого не будет. Все требования законодательства будут соблюдены в соответствии со статусом охраняемого объекта (Капитальный отказ... 2020).

Отвечая на критику активистов, связанную с экологическим ущербом от реконструкции, представители администрации были вынуждены также прибегать к аргументам *экологического мира*: описывали состояние парка как аварийное и запущенное, настаивали на том, что вырубаются преимущественно старые и больные деревья, опасные для посетителей, обещали осуществление компенсационных посадок под жестким экологическим контролем. Мэр Нижнего Новгорода Ю.В. Шалабаев, ретроспективно оценивая благоустройство, заявил о том, что экологическая обстановка в «Швейцарии» даже улучшилась:

Чего только не говорили, в общем. Что парк останется голым, без деревьев, без кустарников. В итоге площадь озеленения парка даже увеличилась по сравнению с тем, что было. Деревья стали и кустарники более здоровыми (Шалабаев сказал... 2023).

Представители власти присоединились к всероссийской акции «Сохраним лес», состоявшейся в «Швейцарии» сразу после реконструкции, и поучаствовали в посадке саженцев (Нижегородский парк... 2021).

Наконец, апелляции к *гражданскому миру* использовались инициаторами благоустройства преимущественно для обесценивания заявлений и требований активистов: их число преуменьшалось; им отказывалось в праве выступать от имени горожан:

Да, у нас... здесь идет, прямо хочу сказать, что противостояние отдельной кучки людей... Одни и те же ходят [на общественные слушания], и при том, что интересно, люди... пришли, задали вопросы — и ушли, как будто отчитались. Просто со стороны наблюдать — это заказная тема. А самое-то очень интересное в том..., что пишется: «Вот, мы против», — всё. Люди нормальные говорят: «Боже мой, да мы, наоборот, за то, чтобы парк благоустроили, это же невозможно, что там происходит». А они говорят: «Нет, нам не надо, оставьте все, как есть» (И13).

Более того, реагируя на создание попечительского совета власти учредили объединение-близнец — общественный совет по благоустройству парка «Швейцария» при главе города, которое оттягивало на себя внимание горожан, пыталось легитимировать реконструкцию в их глазах и символически конкурировало с попечительским советом за то, чтобы выступать от имени городской общественности.

Заключение

Итак, в обоих исследовательских кейсах ценность оспариваемых парков не является ни очевидной, ни конвенциональной. Защитники Автозаводского парка культуры и отдыха дискурсивно конструируют его как памятник ландшафтной архитектуры 1930-х годов, элемент утопического проекта города-сада, неприкосновенный объект культурного наследия и лишь во вторую очередь как «легкие района». Экологическую ценность парка для них дополняет, а порой и «перевешивает» его историко-культурная и мемориальная ценность, связанная с эпизодами ВОВ. Напротив, инициаторы и сторонники проекта строительства аквапарка символически обесценивают территорию парка, фреймируя ее как оскудевающую и запустелую, и настаивают на том, что аквапарк не просто оживит угасающую зеленую зону, но и станет настоящим подарком району и городу.

Защитники парка «Швейцария» делают упор на его экологическую ценность, дискурсивно конструируя его как «легкие города», уникальный природный ландшафт, сосредоточие редких растений, тогда как историко-культурная ценность парка (как и в первом случае, формально закрепленная в виде статуса ОКН) остается для них периферийной, а комме-

моративная вовсе не артикулируется. Их оппоненты также признают экологическую ценность парка, однако подчеркивают плачевное состояние территории и настаивают на том, что масштабная реконструкция не наносит экологического ущерба, а, напротив, способствует поддержанию сложившейся в парке экосистемы.

В обоих конфликтах «сильные игроки», стремящиеся реализовать крупномасштабные проекты, демонстрируют схожие способы легитимации своих решений и действий: они последовательно используют язык *индустриального мира* (в автозаводском кейсе комбинируя его с языком *рыночного мира*) и ситуативно дополняют его апелляциями к другим «мирам» (*гражданский мир*, *мир известности* и пр.) для обесценивания и депроблематизации заявлений и требований активистов, «отзеркаливания» их аргументов и создания впечатления общественной поддержки. Между тем активисты и их союзники используют для стигматизации противников преимущественно дискурсивные инструменты *мира рынка*, а для легитимации собственных позиций апеллируют к целому ряду доступных «миров», переключаясь между ними в зависимости от расстановки сил в каждый конкретный момент спорного взаимодействия, имеющихся в их распоряжении здесь-и-сейчас ресурсов, адресата сообщения, выбранных тактик борьбы, тогда как принципиальная доступность аргументов в логике этих «миров» оказывается второстепенной. Так, выход на публичные арены может сопровождаться отсылками к *домашнему* и *гражданскому* мирам, а оспаривание законности действий оппонентов в судебном порядке требует преимущественного использования языка *индустриального мира*. Защитники парка будто осторожно нащупывают уместные и действенные языки легитимации в ситуациях множественных неопределенностей, что вполне соответствует аргументу Болтански и Тевено (2013) о прагматическом характере оправданий.

Обращения к *экологическому миру* выглядят как очевидный инструмент легитимации в конфликтах вокруг городских парков, однако на деле их роль амбивалентна: этот «мир» всегда остается самоценным для экспертной части активистского сообщества, но при этом выступает как «подручный», «самоочевидный» ресурс легитимации для всех защитников. Экологическая ценность парков оказывается фоновой: она настолько естественно «уже там есть» (always already there, см.: Foltyn, Keller, Klaes 2023), что не требует специальных усилий по заявлению и фреймированию. Это означает, в частности, что апелляции к экологическим ценностям не артикулируются отдельно, но как бы встраиваются в аргументы и риторике других «миров». Так, активисты ностальгируют по природным ландшафтам своего детства (*экологический мир* «вкладывается» в *домаш-*

ний), призывают горожан разделить ответственность за зеленые территории (*экологический мир* «вкладывается» в *гражданский*), прибегают к экологической экспертизе (*экологический мир* «вкладывается» в *индустриальный*).

В каждом из изученных кейсов у активистов обнаруживается свой специфический *дискурсивный репертуар* (Steinberg 1995), предполагающий комбинирование обращений к разным мирам оправдания. Такой репертуар является относительно устойчивым, но внутри него как ответ на развитие конфликта постоянно возникают новые аргументы и метафоры. Использование подобных легитимаций лишь иногда описывается информантами как вполне осознанное и инструментальное, тогда как в большинстве случаев оно происходит ситуативно, спонтанно, интуитивно и связано с интенсивными эмоциональными переживаниями. Это, однако, не мешает таким легитимациям поддерживать вовлеченность активистов, (вос)производить их солидарность и идентичность, несмотря на разный биографический опыт, профессиональный бэкграунд и политические воззрения, а порой — добиваться новых *дискурсивных возможностей* (Gamson, Meyer 1996) в публичной сфере и доносить свои требования до доминирующих участников конфликтных взаимодействий.

Список упомянутых информантов и материалов

И1: м., профессиональный эколог, защитник Автозаводского парка (АП), 2020

И2: ж., экологический активист, участница движения по защите АП, член попечительского совета АП, 2020

И3а, б: м., профессиональный эколог, участник движений по защите АП и парка «Швейцария» (ПШ), 2020, 2022

И4: м., гражданский активист, участник движений по защите АП и ПШ, 2020

И5: ж., экологический активист, участница движений по защите АП и ПШ, член Союза попечительских советов парков НН, 2020

И6: м., гражданский активист, участник движения по защите АП, 2020

И7: ж., экологический активист, участница движения по защите АП, член попечительского совета АП, 2020

И8: эксперт-лесопатолог, 2020

И9: ж., ландшафтный дизайнер, участница движения по защите ПШ, 2022

И10: м., участник движения по защите ПШ, член попечительского совета ПШ, 2022

И11: м., журналист, член экологического объединения, участник движения по защите ПШ, 2022

И12: ж., участница движения по защите ПШ, член попечительского совета ПШ, 2022

И13: ж., представитель департамента градостроительного развития и архитектуры НН, 2020

СМЗАП: социальные медиа защитников АП

СМСА: социальные медиа сторонников аквапарка

СМЗППШ: социальные медиа защитников ПШ

Литература / References

Агафонова И.С., Давыдов А.И. (2013) *Кинотеатр «Родина» в Автозаводском парке Нижнего Новгорода. Историко-культурная характеристика* [<https://opentextnn.ru/space/nn/dom/kinoteatr-rodina-v-avtozavodskom-parke-nizhnego-novgoroda-istoriko-kulturnaja-harakteristika/>] (дата обращения: 03.07.2024).

Agafonova I.S., Davydov A.I. (2013) *Rodina film theater in Avtozavodsky Park, Nizhny Novgorod. A historical and cultural record* [<https://opentextnn.ru/space/nn/dom/kinoteatr-rodina-v-avtozavodskom-parke-nizhnego-novgoroda-istoriko-kulturnaja-harakteristika/>] (accessed: 03.07.2024) (in Russian).

Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011) Новый дух капитализма. *Логос*, 1(80): 76–102.

Boltanski L., Chiapello E. (2011) The new spirit of capitalism. *Logos*, 1(80): 76–102 (in Russian).

Болтански Л., Тевено Л. (2013) *Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов*. М.: НЛО.

Boltanski L., Thévenot L. (2013) *On justification. The economies of worth*. Moscow: NLO (in Russian).

Воронина О.Н. (2013) *Ландшафтная архитектура нижегородских парков*. Н.Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет.

Voronina O.N. (2013) *Landscape architecture of Nizhny Novgorod's parks*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (in Russian).

Гладарев Б.С. (2011) Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. Хархордин О. (ред.) *От общественного к личному*. СПб.: ЕУСПб: 71–304.

Gladarev B.S. (2011). Historical and cultural legacy of Petersburg: The birth of the public from the spirit of the city. In: Kharkhordin O. (ed.) *From the Communal to the Public*. St. Petersburg: EUSPb: 71–304 (in Russian).

Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России (2021) Отв. ред. Е.В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН.

The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia (2021) Tykanova E.V. (ed.) Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Ковенева О.В. (2006) Тернистый путь защитника природы: экологическое действие в России и во Франции. *Неприкосновенный запас*, 2(46).

Koveneva O.V. (2006). The thorny path of a green lobbyist: environmental action in Russia and France. *NZ: Debates on Politics and Culture*, 2(46) (in Russian).

Ковенева О.В. (2008) От «памятника природы» к «monument naturel»? Междисциплинарный подход к асимметрии концептов (на материале французского и русского языков). *Вестник Московского университета*. Сер. 22. Теория перевода, 2: 49–65.

Koveneva O.V. (2008) From a “natural landmark” to a “monument naturel”? An interdisciplinary approach to the asymmetry of concepts (as exemplified in French and Russian languages). *Vestnik of Moscow University*. Ser. 22. Translation theory, 2: 49–65 (in Russian).

Медведев И.Р. (2017) *Разрешение городских конфликтов*. М.: Инфотропик Медиа.

Medvedev I.R. (2017) *Resolution of Urban Conflicts*. Moscow: Infotropic Media (in Russian).

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2011) Ситуативность рамок взаимодействия в условиях защиты локальными сообществами пространства Санкт-Петербурга. *Предел, граница, рамка. Интерпретация культурных кодов*. Саратов; СПб.: ЛИСКА: 170–183.

Tykanova E.V., Khokhlova A.M. (2011) Local communities of St. Petersburg seeking to protect urban space: The situational embeddedness of interaction frames. In: *Limits, Boundaries and Frames. The Interpretation of Cultural Codes*. Saratov; St. Petersburg: LISKA: 170–183 (in Russian).

Флигстин Н., Макадам Д. (2022) *Теория полей*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Fligstein N., McAdam D. (2022) *A Theory of Fields*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics (in Russian).

Чернышева Л.А., Хохлова А.М. (2021) Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий. *Журнал исследований социальной политики*, 19(2): 223–238.

Chernysheva L.A., Khokhlova A.M. (2021) Creating value and authenticity: Urban conflicts around historical buildings. *The Journal of Social Policy Studies*, 19(2): 223–238 (in Russian).

Amna E. (2010) Active, passive, or standby citizens?: Latent and manifest political participation. In: Amna E. (ed.) *New Forms of Citizen Participation: Normative Implications*. Baden-Baden: Nomos Verlag: 191–203.

Bourdieu P. (1998) *Practical Reason. On the Theory of Action*. Stanford: Stanford University Press.

Ciżewska-Martyńska E. (2018) The Cultural Perspective in Social Movement Theories and Past Research on the Solidarity Movement. *Polish Sociological Review*, 1(201): 27–45.

Gamson W., Meyer D. (1996) Framing Political Opportunity. In: McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (eds.) *Comparative Perspectives on Social Movements*:

Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Cambridge: Cambridge University Press: 275–290.

Gamson W. (1998) Social Movements and Cultural Change. Giugni M.G., McAdam D., Tilly Ch. (eds.) *From Contention to Democracy*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield: 57–77.

Giugni M.G. (2008) Political, biographical, and cultural consequences of social movements. *Sociology Compass*, 2(5): 1582–1600.

Giugni M.G. (2009) Political Opportunities: From Tilly to Tilly. *Swiss Political Science Review*, 15(2): 361–368.

Goodwin J., Jasper J.M. (1999) Caught in a Winding, Snarling Vine: The Structural Bias of Political Process Theory. *Sociological Forum*, 14(1): 27–54.

Jacobsson K., Korolczuk E. (2020) Mobilizing grassroots in the city: lessons for civil society research in Central and Eastern Europe. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 33: 125–142.

Jasper J.M. (1997) *The Art of Moral Protest: Culture, Biography, and Creativity in Social Movements*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.

Jasper J.M. (2010) Cultural Approaches in the Sociology of Social Movements. In: Klandermans B., Roggeband C. (eds.) *Handbook of Social Movements Across Disciplines*. New York: Springer: 59–101.

Keller R. (2011) The sociology of knowledge approach to discourse (SKAD). *Human Studies*, 34(1): 43–65.

Keller R., Hornidge A.-K., Schünemann W.J. (eds.) (2018) *The Sociology of Knowledge Approach to Discourse. Investigating the Politics of Knowledge and Meaning Making*. London: Routledge.

Koopmans R., Statham P., Giugni M., Passy F. (2005) *Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Lafaye C., Thévenot L. (2017) An Ecological Justification? Conflicts in the Development of Nature. In: Cloutier Ch., Gond J.-P. Leca B. (eds.) *Justification, Evaluation and Critique in the Study of Organizations: Contributions from French Pragmatist Sociology*. Bingley, UK: Emerald: 273–300.

McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (1996) Introduction: Opportunities, mobilizing structures, and framing processes — toward a synthetic comparative perspective on social movements. In: McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (eds.) *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge: Cambridge University Press.

McAdam D. (2004) Culture and Social Movements. Gusfield J., Johnston H., Laraña E. (eds.) *Ideology and Identity in Contemporary Social Movements*. Philadelphia: Temple University Press: 36–57.

Polletta F. (2006) *It Was Like a Fever: Storytelling in Protest and Politics*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Reed J.-P. (2014) Social Movement Subjectivity: Culture, Emotions, and Stories, *Critical Sociology*: 1–16.

Rochon T.R. (1998) *Culture Moves*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Steinberg M.W. (1995) Repertoires of discourse: The case of the Spitalfields silk weavers and the moral economy of conflict. In: Traugott M. (ed.) *Cycles and repertoires in collective action*. Durham, NC: Duke University Press: 57–88.

Steinberg M.W. (2002) Toward a more dialogic analysis of social movement culture. In: Meyer D.S., Whittier N., Robnett B. (eds.) *Social movements: Identity, culture, and the state*. Oxford: Oxford University Press: 208–225.

Thévenot L., Moody M., Lafaye C. (2000) Forms of Valuing Nature: Arguments and Modes of Justification in French and American Environmental Disputes. In: Lamont C., Thévenot L. (eds.) *Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States*. Cambridge, UK: Cambridge University Press: 229–271.

Tilly Ch. (1995) *European Revolutions 1492–1992*. Oxford: Blackwell Publisher.

Yin R.K. (2003) *Case Study Research. Design and Methods*. 3rd ed. London: Sage.

Источники

В полку защитников парка Швейцария прибыло (2020) *Сайт экоцентра «Дронт»* [<https://dront.ru/news/2020/03/13/v-polku-zashhitnikov-parka-shveysariya-pribylo/>] (дата обращения: 15.05.2024).

Запуск культурно-развлекательного комплекса с аквапарком в Автозаводском районе произойдет в апреле 2014 г. (2011) *ИМХО-НН* [<http://imhonn.ru/obeshania/30?ysclid=m1ncodu67q122284573>] (дата обращения: 31.05.2024).

Капитальный отказ. Губернатор поручил пересмотреть проект парка «Швейцария» (2020) *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/4260896?ysclid=m1q7w7jsk796005097>] (дата обращения: 15.05.2024).

На участке, отданном под аквапарк, активисты предлагают увековечить память о зенитчицах (2015) *Комсомольская правда-Нижний Новгород* [<https://nn.mk.ru/articles/2015/03/17/na-uchastke-otdannom-pod-akvapark-aktivisty-predlagayut-uvekovechit-pamyat-o-zenitchicakh.html>] (дата обращения: 30.05.2024).

Нижегородский парк «Швейцария» стал площадкой Всероссийской акции «Сохраним лес» (2021) *Комсомольская правда — Нижний Новгород* [<http://imhonn.ru/obeshania/30?ysclid=m1ncodu67q122284573>] (дата обращения: 31.05.2024).

Памятник зенитчицам предлагается установить в Автозаводском парке (2016) *Вести Приволжье. ГТРК «Нижний Новгород»* [<https://vestinn.ru/news/society/54307/>] (дата обращения: 31.05.2024).

Петиция «Требуем остановить уничтожение и застройку Автозаводского парка в г. Н. Новгород» (2015) [<https://chng.it/dgh9gdLqm4>] (дата обращения: 31.05.2024).

Сторожук С. Водно-семейные радости (2012) *Автозаводец* [<https://lib-avt.ru/kraevedenie/texts/vodno-semeynye-radosti>] (дата обращения: 31.05.2024).

Шалабаев сказал, что не стоит переживать из-за прокладки газопровода в Щербинках. Он привел в пример «Швейцарию» (2023) *Новостной портал «Нижний Новгород онлайн»* [<https://www.nn.ru/text/gorod/2023/06/14/72397124/>] (дата обращения: 21.05.2024).

Шанцев заложил первый камень в строительство нижегородского аквапарка (2011) *Информационное агентство «Время Н: новости Нижнего Новгорода»* [https://www.vremyan.ru/news/shancev_zalozhil_pervyj_kamen_v_stroitelstvo_nizhegorodskogo_akvaparka_foto.html?ysclid=m1nbin50w6629457793] (дата обращения: 24.05.2024).

IN SEARCH OF THE LANGUAGE OF LEGITIMATION: FRAMING THE VALUE OF CONTESTED CITY OBJECTS IN NIZHNY NOVGOROD

Anisya Khokhlova (a.khokhlova@spbu.ru)

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
Sociological Institute of the RAS — branch of the FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia

Citation: Khokhlova A. (2024) In search of the language of legitimation: framing the value of contested city objects in Nizhny Novgorod. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 202–237 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.8> EDN: LGCCIB

Abstract. The paper inspired by the ‘cultural turn’ in social movement studies seeks to comprehend the role of value orientations and discursive practices in grassroots activism, and analyzes the logics and rhetorical tools that urban activists and their opponents use to legitimize their positions in conflicts around city objects. It also studies how conflict participants construct (or reject and dismiss) the value of these contested objects. L. Boltanski’s and L. Thévenot’s pragmatic sociology and, in particular, their classification of ‘orders of worth’ serves as the theoretical framework of the research. Empirically, the paper focuses on two cases from Nizhny Novgorod where the urbanites attempted to protect city parks: Avtozavodskiy park of culture and recreation, and park ‘Switzerland’. A characteristic feature of the cases is that both parks are not only public greenspaces, but also formally recognized cultural heritage sites, which makes it possible to expect a wide-ranging repertoire of legitimation tools both from the proponents and the opponents of the transformations of these city territories. Relying on a collection of semi-structured interviews with conflict participants as well as publications in social media and regional news outlets, the author applies SKAD to reveal how the actors articulated the value of parks (or the lack of such), and what orders of worth they resorted to in their narratives. The analysis reveals the shaping of the discursive repertoires of

justification specific for different parties to urban conflicts, and demonstrates the controversial role of the green worth in these repertoires.

Keywords: discursive practices, the construction/framing of the value of city objects, legitimation tools, orders of worth, urban conflict.

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01093. <https://rscf.ru/project/24-28-01093/>

ГРАФФИТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРАКТИК

Федор Денисович Поляков (dieuxph@mail.ru)

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Цитирование: Поляков Ф.Д. (2024) Граффити как инструмент освоения городской среды: исследование пространственных практик. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 238–272. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.9> EDN: LHMVPO

Аннотация. Граффити всегда существовало и будет существовать в нелегальной среде, вследствие чего рождается потребность в регулировке публичного пространства города. Граффити сегодня могут создаваться по самым разным причинам. Например, любовные послания или рекламные надписи. А может быть и вовсе творчество граффити-сообщества в виде «тегов», «бомбинга», «рейтинга» и «муралов». И в том и другом случае граффити нацелено на коммуникацию с потенциальной аудиторией, пускай и в одностороннем порядке. Выделенная проблема, таким образом, поднимает вопрос о том, кем эта аудитория должна ограничиваться. Иначе говоря, это вопрос о том, насколько публичными могут быть пространства, выбранные для нанесения граффити. Цель исследования — раскрытие особенностей пространственной локализации граффити внутри городских территорий. Работа носит описательный характер и предлагает использование концепций конструирования городского пространства с помощью символов для анализа пространственной локализации граффити, на основе чего формируется методический аппарат исследования, состоящий из наблюдения и картографирования. На примере четырех административных районов Москвы (2241 случай граффити за февраль 2022 г.) анализируется содержание зафиксированных граффити и их расположение. Полученные результаты характеризуют взаимосвязь и причины возникающих проблем излишней публичности. На сегодняшний день существует достаточно большое количество граффити, выходящих за рамки субкультурного творчества. Однако чаще всего они заполняют места, которые практически не используются обычными жителями города. Чего нельзя сказать про самые простые субкультурные рисунки и надписи: чаще всего их наносят в пространствах, давно освоенных и присвоенных городским сообществом.

Ключевые слова: граффити, социология граффити, социология пространства, социология города, картографирование.

Введение

Первоначально появившиеся на стенах и заборах, постепенно заполнившие вагоны метро и автобусы, грузовики и лифты, граффити завоевали улицы Нью-Йорка 1970-х годов, а затем распространились по всему

миру. Нарисованные аэрозольной краской или маркером надписи по своему содержанию не были связаны ни с символикой, ни с искусством, ни с политикой. «То были просто чьи-то имена, чьи-то прозвища, взятые из андерграундных комиксов, — duke sprit, superkool, koolkiller, ace vipère, spider, eddie, kola и т.д., а рядом номер их улицы: eddie 135, woodie 110, shadow 137 и т.д., или же номер римскими цифрами, обозначающий как бы династическую преемственность: snake I, snake II, snake III и т.д. до пятидесяти, по мере того как имя, тотемное наименование подхватывалось авторами новых граффити» (Бодрийяр 2000: 156).

Конечно, несмотря на достаточно бедственное положение города, власти пытались контролировать граффити. Метки стирали, их авторов нередко арестовывали, а сама ситуация доходила вплоть до запрета продажи маркеров и баллончиков с краской (см., например: Glazer 1979; Castleman 1982; Lachmann 1988). Но приложенные усилия не принесли ожидаемого результата. Скорее наоборот, лишь возвели движение на новый уровень. Изначально примитивные «теги» стали сложнее, а их социальная значимость росла по мере приближения рисунков к уличному искусству (Lachmann 1988). Нечто, казавшееся эфемерным, переросло в новую субкультуру с разветвленной системой стилей и школ рисунка, начертание которого менялось в зависимости от участвующих в нем групп. В большинстве случаев у истоков направлений стояли молодые представители этнического гетто, в результате чего деление происходило не только по качеству и количеству граффити, но и по их территориальному расположению. По этой причине, например, модель «теггирования»¹ и «бомбинга»² территории (Ley, Cybriwsky 1974) отличается от модели распространения «райтинга»³ и «муралов»⁴ (Lachmann 1988; Castleman

¹ Теггирование — быстрое нанесение стилизованной подписи (тега), уникального для каждого автора граффити. Обычно используется для маркировки территории.

² Бомбинг — вид распространения граффити, в котором подписи и рисунки оставляются в труднодоступных для разрисовки или очень людных местах. В отличие от теггирования, в бомбинге важным является не количество и качество рисунка, а объем закрашиваемой поверхности, большая проходимость места, его обзорность.

³ Райтинг — наиболее распространенный вид нанесения граффити. Чаще всего представляет собой обводку контура букв подписи и их заливку. Это обобщающее понятие для разных стилей и техник рисунка (Pieces — «Куски», Bubble letters и др.).

⁴ Мурал — полноценный рисунок, масштабная и чаще всего анонимная работа. Термин используется нами в его сленговом значении. И хоть он имеет множе-

1982) и тем более от модели анонимных посланий и надписей (Reisner 1971). Появившаяся на волне крупных городских волнений особенность Нью-Йорка стала отражением борьбы, развертывающейся в совершенно ином пространстве, новым смысловым разграничением городской территории посредством знаков господствующей субкультуры, которое присоединилось к социальному, экономическому и административному делению.

Зарождение отечественного граффити принято относить к концу 1980-х гг. В СССР одновременно с модой на брейк-данс первые художники оформляли декорации танцевальных фестивалей, которые прошли волной по западной части страны, начиная с крупных городов Прибалтики. Хотя движение имело эпизодический характер, можно сказать, что в развернутом социокультурном понимании феномена «граффити» в Советском Союзе до этого времени не было. Действительно массовый характер оно обретает в последующие годы активной трансформации социальной структуры. Одними из первых общественному вниманию стали доступны работы русских пацифистов, панков, хиппи и других группировок альтернативной культуры. К середине 1990-х граффити начинают носить политический характер.

На сегодняшний день мнение россиян о граффити неоднозначно. Согласно последнему крупному опросу по теме, проведенному в 2018 г. ВЦИОМ, практически половина населения (45 %) считает, что граффити не являются искусством и уместны только в определенных случаях (Граффити 2018). Их поддерживает еще четверть наших сограждан (24 %), утверждающая, что граффити скорее связаны с порчей городского имущества, чем с искусством. Тем не менее есть и те, кто выражает обратную точку зрения (27 %), считая граффити отдельным видом прекрасного. Таким образом, даже поверхностный анализ мнений демонстрирует двоякую природу этого явления. С одной стороны, надписи или рисунки, нанесенные на объекты общественного пользования, расцениваются как акт вандализма. С другой стороны, они служат средством самовыражения и творчества. Повторно опираясь на данные упомянутого опроса, вполне закономерным кажется желание большей части респондентов (76 %) согласовывать граффити на стенах зданий. По сути, это отражение отношения между господствующей и маргинальной культурой, характер которых может меняться от диалога к дистанцированию.

ство сходств с монументальной живописью, фресками и настенной росписью, это иное культурное явление, со своей логикой, особенностями и историей.

Теоретическая основа исследования

Одним из ключевых остается вопрос генезиса современного граффити и его природы. На сегодняшний день выделяют два основных направления. Первый подход рассматривает «новое» граффити как коммуникативную практику, существующую со времен Античности. В этом случае граффити, подобно наскальной живописи, считается продолжением древних практик коммуникации. Показательным примером является работа Р. Рейснера «Граффити: две тысячи лет настенных надписей» (Reisner 1971).

Второй подход концептуализирует граффити как уникальный культурный феномен, возникший из протестных движений в США 1960–1970-х гг. Он рассматривается не как развитие наскальной живописи, а как результат радикальной трансформации культуры второй половины XX в. Эту точку зрения предложил Ж. Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» (Бодрийяр 2000), где анализу граффити посвящена отдельная глава. Согласно Бодрийяру, город перестает быть политико-индустриальным пространством, которым был в XIX в. Теперь это полигон знаков, средств массовой информации и культурного кода, где граффити — это протест против капиталистической системы. Это новый культурный феномен, который базируется не столько на текстовом послании, как было ранее, сколько на самом его акте.

Концептуальный спор актуализировал ряд вопросов, касающихся отдельных особенностей современного граффити. Появилось достаточно большое количество исследований, базирующихся на обширном эмпирическом материале. Примечательно, что многие авторы объяснению природы граффити опираются на теорию стигматизации Г. Беккера (Беккер 2018), что, в свою очередь, затрагивает тему девиантного поведения и институализации творчества как такового.

— Появляются первые исследования, раскрывающие мотивы и «карьерные устремления» субкультуры граффити (Castleman 1982; Lachmann 1988; Macdonald 2001).

— Внимание уделяется и специфике пространственной локализации граффити. Чаще всего данный аспект анализировался на примерах Лос-Анджелеса и Нью-Йорка (Ley, Cybriwsky 1974; Cummings, Monty 1993).

— Также граффити концептуализируется как форма сопротивления и культурного протеста (Hebdige 1979; Ferrell 1995).

— В дальнейшем многие исследователи начинают обращать внимание на противоправный характер субкультуры. Граффити в этом случае рассматривается как текст, понятный и признаваемый только среди самих

художников и участников криминальных группировок (Cummings, Monty 1993; Brewer, Miller 1990; Glazer 1979).

Таким образом осмысление феномена граффити происходило как в изучении составляющих частей городского пространства, так и с протекающими в них культурными процессами. Ориентируясь на историю изучения граффити, мы выделяем теоретический объект и предмет исследования.

Объектом исследования является социокультурное пространство города. Основа понимания города как культурной системы заложена еще мэтрами социологии. Однако в контексте изучения граффити наибольший интерес представляют работы, затрагивающие процесс конструирования городского пространства с помощью символов (Александр 2013; Бодрийяр 2000; Бурдые 2007; Лефевр 2015; Серто 2013).

Предметом нашего исследования стали граффити как практика освоения городской территории. Основой для анализа послужила теория структуралистского конструктивизма П. Бурдые (Бурдые 2007), а также ее критика, предпринятая в концепциях «изобретения повседневности» М. де Серто (Серто 2013) и «культурсоциологии» Дж. Александра (Александр 2013). Отдельное внимание в этом свете стоит уделить работам, связанными с концептуализацией «повседневных» городских пространств (Джекобс 2011; Линч 1982; Ольденбург 2018).

Цель исследования — раскрытие особенностей пространственной локализации граффити внутри городских территорий.

Тематика исследований граффити представлена преимущественно американскими и европейскими учеными. Но на сегодняшний день устойчивый интерес к ней проявляют и отечественные исследователи. Чаще всего граффити в их работах предстает как одна из молодежных субкультур, обладающая своей структурой, логикой развития и мотивацией у ее участников (Башкатов, Стрелкова 2006; Киселев 2005; Кузовенкова 2017а; Мельникова 2016; Омельченко 2006). Кроме того, существует большое количество работ, рассматривающих коммуникативный аспект граффити — их смысловое наполнение, виды и классификации (Маисеева 2013; Скороходова 1988; Швиндт 2019). К сожалению, граффити достаточно редко рассматриваются с точки зрения занимаемых территорий. Тем не менее можно выделить ряд исследований, которые, кроме коммуникативного аспекта, затрагивают тему пространственной локализации граффити (Желнина 2015; Калашникова 2020; Кузовенкова 2017б). Также хотелось бы выделить несколько источников, без которых оценка разработанности темы была бы затруднительной. По большей части они затрагивают историю отечественных граффити и процесса их изучения (Кирсанова 2017; Абрамов 2013; Bushnell 1990).

Несмотря на возрастающий исследовательский интерес к проблематике граффити, эмпирический анализ его территориальных особенностей чаще всего предстает односторонним, так как базируется вокруг других преимущественных факторов (коммуникации, мотивации участников и др.). И если в западной науке традиция изучения пространственной локализации граффити сложилась достаточно давно, то в отечественной науке она представлена лишь немногими работами. Существует потребность в продолжении подобных исследований.

Граффити как практика освоения социокультурного пространства города

Когда мы говорим про граффити, мы обращаем внимание не просто на рисунки или надписи на стенах. Прежде всего, это результат деятельности. Мы можем наблюдать, пишет Ю.А. Кузовенкова, «как различные социальные группы в стремлении к самореализации “перепрофилируют” городские территории, прибегая к коммуникационным стратегиям, отличным от уже существующих в их рамках» (Кузовенкова 2017б: 66). Безусловно, такая деятельность может преследовать самые разные цели. Но главное, что эта деятельность связана с освоением городского пространства с помощью определенных символов и связанных с ними знаков. Анализ использования территории города в подобном ключе требует обращения к понятию социокультурного пространства города.

Принципиально важным становится определение того, кто является субъектом познания по отношению к пространству — общество и его структура или индивид и его представления о пространстве. Попытками преодоления теоретических разногласий стали теории, рассматривающие процесс конструирования городского пространства с помощью символов (см., например: Лефевр 2015; Бодрийяр 2000; Бурдьё 2007).

Так, в концепции П. Бурдьё территорию города можно представить как конструкцию, в которой социальная структура и восприятие пространства взаимосвязаны. Их синтез возможен благодаря взаимодействиям людей и их «габитусу». «Габитус есть одновременно система схем производства практик и система восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он был сформирован» (Бурдьё 2007: 75). Выражаясь другими словами, взаимодействия людей не происходят в вакууме. Они предопределены заранее чувством «уместности». Оно формируется под давлением социальной структуры, использующей символы и осуществляющей «символическую власть». «Символы являются инструментами *par excellence* “социальной интеграции”: как инструменты познания и общения»

(Бурдые 2007: 91). Иначе говоря, символы являются тем, что разграничивает пространство города. Устанавливая определенный гносеологический порядок восприятия объектов, они сообщают место их использования в социальной структуре. Причем это справедливо относительно не только классовых различий, но и разных полей взаимодействия. Уместность отдельных практик взаимодействия, таким образом, объясняется неравномерным распределением разных видов капитала, каждый из которых пытается отстоять свою символику (Бурдые 2007: 69–71). Из этого следует, что распределение символических форм на территории города соответствует различным «социальным полям» взаимодействий, которые накладываются друг на друга. Между ними постоянно разворачивается «символическая борьба» за овеществление социального или освоение физического пространства.

В предложенной оптике П. Бурдые граффити могли бы считаться настоящей формой символической борьбы и захвата. Ведь в условиях жестко структурированного города, как отмечает Ж. Бодрийяр, «радикальным бунтарством становится уже заявить: “Я существую, меня зовут так-то, я с такой-то улицы, я живу здесь и теперь”» (Бодрийяр 2000: 159). Таким образом, вторгаясь в смысловую целостность городского пространства, граффити становятся своеобразным заявлением о новом обособленном социальном агенте.

Опираясь на концепцию П. Бурдые, можно сказать, что городская символика образует своеобразный миф, повествующий о жизни города. Сами символы становятся средством социальной интеграции, выступая как инструменты познания и общения. И граффити в этом случае могут посягать не столько на определенную территорию, сколько на ее мифологизированное прошлое, настоящее и возможное будущее. И тем острее будет складываться отторжение, чем более освоенными и присвоенными городским сообществом будут являться захватываемые пространства. Ведь, как отмечает П. Бурдые, «присвоенное пространство есть одно из мест, где власть утверждается и осуществляется, без сомнения, в самой хитроумной своей форме — как символическое или незамечаемое насилие» (Бурдые 2007: 52). Но граффити — это не всегда отдельный и закрытый субкультурный мир. Бывает, что они несут в себе смысл, разделяемый многими жителями города, возводя стенные рисунки в статус уличного искусства. В этом свете важным становится лишь заложенное в них сообщение и культурный контекст, позволяющий его прочитать.

Так, с помощью рисунков и надписей трансформировалось политическое значение Берлинской стены (до и после ее падения), а на улицах Торонто можно встретить множество работ, выступающих против коло-

ниализма (Ferrel 1995: 74–75). И то же самое вполне можно сказать об изображениях, пытающихся приукрасить жестко структурированный город, каждая из частей которого наделена своим режимом «пользования». Ведь как часть культуры граффити имеют собственную логику развития, которая может сосуществовать с установившейся символической системой.

В этом свете уместно обратить внимание на критику концепции П. Бурдьё. Как отмечает Дж. Александер, «культура, действующая через габитус, выступает скорее как зависимая, а не как независимая переменная» (Александер 2013: 74). Она обусловлена «символической властью» социальной структуры. «В его понимании системы стратификации используют соревнующиеся друг с другом в разных областях статусные культуры. Семантическое содержание этих культур имеет малое отношение к тому, как организовано общество» (Александер 2013: 74). И для того чтобы какой-то объект приобрел или утратил символическое значение, нужно нечто большее, чем его участие в социально-экономической структуре города. Необходимо, чтобы он участвовал в создании его общего смыслового поля. Иначе роль культуры в этом случае сводилась бы к воспроизводству неравенства, а не к производству новшеств.

Своеобразной критике П. Бурдьё также посвящается целая глава в «Изобретении повседневности» М. де Серто (Серто 2013: 123–145). Основным лейтмотивом замечаний является то же самое положение, но уже с иного ракурса. В фокусе внимания находятся устойчивые практики взаимодействия, которые должны следовать правилам «символической власти». Но, как подчеркивает М. де Серто, как часть культуры они развиваются по собственным законам. «[3]римому производству соответствует другое производство, определяемое как “потребление”: оно изворотливо, рассредоточено, но проникает повсюду, молчаливое и почти невидимое, поскольку заявляет о себе не посредством собственной продукции, а через способы использования той продукции, которая навязывается господствующим экономическим порядком» (Серто 2013: 41). Потребление — это практика освоения, в том числе городского пространства. Об этом де Серто пишет, разделяя понятия «стратегии» и «тактики» (Серто 2013: 50). Стратегия является тем, что утверждает место. Рассматриваемый как пространство стратегий, город предстает созданным из символов правительств, корпораций и других властных структур. Но если рассматривать город как пространство тактик, то он приобретает новые потребительские характеристики, в результате чего становится пространством борьбы из утвержденных «стратегий» и меняющих их потребительских «тактик».

Список проблем, возникающих из борьбы «стратегий» и «тактик», описанных М. де Серто, является достаточно большим. Лучше всего это прослеживается в изысканиях социологической урбанистики (см., например: Джекобс 2011; Линч 1982; Ольденбург 2018). Например, город — это не только места общественного пользования, их восприятие и удобство, но и что-то еще. И это «что-то» каждый раз добавляет новое измерение пространства города, которое в силу своей конкретики существует параллельно другим. Граффити в таком случае становятся еще одной практикой потребления городского пространства посредством специальных знаков, которые могут приобретать символическое значение. Важен лишь культурный контекст, позволяющий их прочитывать.

Граффити и культурный контекст городских территорий: пример Нью-Йорка 1970-х

Используя городское пространство как холст, граффити неизбежно становится воспринимаемым сообщением не только для участников субкультуры, но и для любого мимо идущего. Примером тому могут послужить одни из первых исследований, раскрывающих мотивацию авторов граффити. Достаточно часто в них описывается серия полицейских досье 1974–1976 гг., подготовленных по указанию шефа транспортной полиции Нью-Йорка Стэнфорда Гарелика (Castleman 1982: 166–167). Согласно отчетам, из 413 подростков, арестованных в 1974 г. за написание граффити, лишь 73 (17,6 %) были повторно арестованы за более тяжкие преступления. Второе подобное обследование за 1975–1977 гг. показало, что из 748 молодых людей, арестованных в 1975 г., уже 213 (29 %) впоследствии привлекались по уголовным делам.

Конечно, как подмечает Н. Глэйзер, такие данные не являются показательными относительно всех подобных арестов, совершенных за это время (Glazer 1979: 6). Все-таки за 1974 г. в сумме было задержано 1658 человек, а в следующем — 1208. Но порой этого вполне хватает, для того чтобы обозначить граффити как подготовку к более серьезной криминальной карьере. Так, на одной из пресс-конференций Гарелик заявляет: «Написание граффити — это школа для преступников. Статистически доказано, что граффити ведет непосредственно к более тяжким преступлениям» (цит. по: Castleman 1982: 167). Конечно, наличие статистической связи — это факт, не поддающийся сомнению. Особенно если учесть, что в обоих замерах были и те (по 10 % соответственно), кто повторно совершал и мелкие правонарушения. Тем не менее неправомерным будет заявление о причинности связи криминала и граффити, о которой говорил Гарелик.

Как отмечает Р. Лахманн, описывая эволюцию граффити Нью-Йорка, «полиция, окружные прокуроры и школьные консультанты, с которыми я беседовал в 1983–1984 гг., сомневались, что написание граффити и кража краски были предвестниками более серьезных преступлений. Один окружной прокурор объяснил, что “такая связь между граффити и реальными преступлениями существует только в нашей риторике”» (Lachmann 1988: 236).

Вопрос о криминальном амплуа граффити, затронутый Гареликом, связан с устройством субкультуры граффити. Ее закрытость часто приводила к восприятию граффити как части противоправного мира Нью-Йорка того времени. Но что значило участие в субкультуре для самих художников? Как делится один из информантов Н. Макдональд, «вы вероятно, идете на работу, идете домой, смотрите телевизор, ложитесь спать каждый день и думаете, что действительно живете. Что ж, позвольте мне сказать вам, что вы, вероятно, настолько настроены на это “нормальное” существование, настолько вскормлены из всех средств массовой информации этим идеальным изображением, что ваше восприятие реальности ограничено только тем, что вам позволено думать» (Macdonald 2001: 154–155). Такое обособление от «нормального» связано не столько с криминалом, сколько с попыткой создания иной социальной жизни. Однако связь граффити с криминалом остается неоднозначной. Чтобы понять ее происхождение, нужно изучить культурный контекст, в котором граффити приобретает символическое значение. Другими словами, обратить внимание на тех, кто создает и использует эти знаки.

Рассматривая способы, которыми авторы граффити позиционируют себя как членов отдельной социальной группы, Н. Макдональд отмечает, что граффити — это субкультура, которая выставляется всегда на показ. «Райтеры используют город как свой холст, осознавая, что посторонние ничего не знают или мало знают о знаках, которые они видят. Этот публичный, но очень закрытый парад их субкультуры, кажется, дает им чувство власти» (Macdonald 2001: 158). В этом отношении интересны наблюдения Д. Хебдиджа о сути такой власти: «Они играют с единственной силой, которая есть в их распоряжении — силой смущать, силой позировать... силой представлять угрозу» (Hebdige 1997: 402). Конечно, ощущение угрозы отличается от ее реальности. Но граффити в этом свете являются текстом не только для участников субкультуры, но и для любого прохожего. Ведь как символ они обладают определенной коннотацией. И хоть напрямую они не связаны с серьезными преступлениями (нападения, грабеж, насилие и наркотики), но всегда остается ощущение того, что все они являются частью противоправного мира. Описывая метро Нью-

Йорка 1970-х годов, Н. Глэйзер подытоживает: «Даже если граффитисты наименее опасны из них, их вездесущая маркировка убеждает пассажира в том, что на самом деле метро — опасное место, вид транспорта, которым можно воспользоваться только тогда, когда у кого-то нет альтернативы» (Glazer 1979: 4).

Таким образом, приобретая символическое значение, граффити начинают выполнять функции трансляции смысла и социального структурирования. Причем у такого символического захвата существует несколько «тактик» потребления пространства. Например, рассматривая территорию Филадельфии того же периода, Д. Лей и Р. Зибровски акцентируют внимание на разнице между субкультурными тегами и метками уличных банд (Ley, Cybriwsky 1974: 491–505). Разбросанными по всему городу чаще всего оказываются теги и бомбинг одиночных художников — «королей стен». Их территория в подавляющем большинстве случаев линейна и соответствует основным транспортным артериям города. Целью таких граффити является след в культурном пространстве, выходящий за пределы гетто. Чем наглее завоеванное пространство, тем выше статус конкретного «теггера». Жилые же кварталы достаются уличным бандам, каждая из которых претендует на пометку стен своей и чужой территории. «Короли стен, уличные банды и защищенные районы — это социальные группы, утверждающие территориальную юрисдикцию; каждый публично заявляет о своих правах на пространство через открытое объявление на стенах» (Ley, Cybriwsky 1974: 504).

К похожему выводу приходят и С. Каммингс и Д. Монти, рассматривая культуру уличных банд Лос-Анджелеса и Чикаго (Cummings, Monty 1993: 137–171). Они отмечают, что граффити могут служить самым разным целям. Часть из них служит территориальными маркерами. Другие же могут создаваться для насмешки или оскорбления другой уличной банды. Более того, нередки случаи, когда через граффити ведется диалог на спорных территориях: когда граффити одной группировки закрашиваются, дополняются или оставляется анонимное и чаще всего оскорбительное послание.

В этом смысле настенные надписи продолжают практику, существующую еще до появления современных граффити. С возникновением же одноименной субкультуры, а также участием в ней криминальных группировок надписи дополняются новыми сленговыми тематиками. Потому критически важным становится то место, где расположены такие послания. Ведь чем дальше они проникают в открытые пространства, где у них становится больше шансов быть увиденными, тем более обобщенный характер они носят (Reisner 1971: 4–5). Потому, например, содержание

надписей у школы существенно разнится от того, что можно встретить в городских переулках.

Обращая внимание на тех, кто производит граффити, мы, по сути, пытаемся ответить на вопрос о том, для чего эти граффити создавались. Используются ли они для анонимного послания, пометки подвластной банде территории? Или же это вовсе способ для того, чтобы выделиться среди других райтеров? Исторически сложилось так, что к началу 1970-х гг. в Нью-Йорке тегов стало настолько много, что невозможным было бы отличие только за счет количества персональных меток. Потому многие райтеры, соревновавшиеся друг с другом за признание и известность, усложняли свою подпись, экспериментируя с ее стилем и техникой (Brewer, Miller 1990: 348–352). Менялось буквально все, начиная с цветового оформления и размера рисунка, заканчивая его расположением и сложностью составления. Например, для создания больших рисунков могли использоваться малярные валики, распылители с разной площадью покрытия и даже перезаправленные краской огнетушители (Castleman 1982: 21–26). Так из простого и агрессивного «бомбинга» появлялись первые Throw-up, которые стали основой для формирования других техник «райтинга».

Естественно, что далеко не каждый райтер готов рисковать и тратить несколько часов для завершения работы в публичном месте. Более того, далеко не каждый райтер был способен на детализацию рисунка. В результате чего сложные работы все чаще выполнялись в местах с небольшим людским потоком, чтобы райтеры могли избежать ареста и сосредоточиться на рисовании.

Даже такая простая вещь, как подпись, усложнялась, обростала художественными элементами и становилась способом проявить свое творчество. Изначально, чтобы теги и райтинг становились заметнее, их немного приукрашивали. Они могли дополняться рамками, подчеркиваниями, крыльями, коронами, дьявольскими рожками и другими простейшими рисунками (Castleman 1982: 52–65). И если сначала подписи дополняли схематичными изображениями, то появление отдельных от них самостоятельных произведений — муралов — стало вопросом времени.

Одними из первых типовых муралов стали Characters, посвященные персонажам из мультфильмов, комиксов, кино и книг. Все-таки граффити возникло в этническом гетто Нью-Йорка, и как райтинг, так и муралы были связаны с хип-хопом и массовой культурой (Brewer, Miller 1990). Однако в дальнейшем муралы стали затрагивать актуальные темы, вроде экономических, политических или социальных проблем (война, безработица, расизм, полицейское насилие и т.д.). Такие муралы обращались к ауди-

тории извне, что привлекало интерес владельцев торговых галерей и аукционов. Конечно, первоначально граффити ценились не из-за художественных качеств. «Дилеры обходили эстетические достоинства искусства граффити в своих рекламных презентациях, и вместо этого противопоставляли прошлое художников из бедности и преступности с их нынешней способностью “рисовать” подобно настоящим обученным художникам» (Lachmann 1988: 241). И пусть некоторые райтеры не имели такой предыстории, но их творчество было легитимировано. В результате граффити, переходя со стен на полотна, становились «уличным искусством».

Культура граффити в России: от заимствования к самостоятельной идентичности

Субкультурные граффити стали неотъемлемой частью жизни современного города не так давно. Возникнув в начале 1970-х, они захватили улицы Нью-Йорка, а затем распространились по всему миру, осваивая все новые и новые пространства. Как символ они постепенно перестают вызывать острую реакцию, теряясь на фоне общего городского дискурса. Тем не менее «символическая власть» граффити оказывается столь же неопределенной, сколько и социокультурные условия, в которых она реализуется. Ведь уровень сопротивления, с которым сталкиваются подобные рисунки и надписи, варьируется от страны к стране, от города к городу, от места к месту.

Потому, например, возникновение отечественных субкультурных граффити становится возможным лишь во время активной трансформации социальной структуры. Так, во времена перестройки о себе заявляют русские пацифисты, панки, хиппи и другие объединения альтернативной культуры, в результате чего появляются их первые работы (Абрамов 2013: 27–29). И хотя такая традиция настенных надписей схожа по исполнению с современными граффити, она отличается по своей форме и содержанию (рис. 1). Более того, как это подмечает Ю.А. Кузовенкова, «она не объясняет, как простые надписи на стенах могут стать целой субкультурой, как на первый взгляд обычное подростковое хулиганство может обрести сложной системой норм, стандартов поведения, идеалами и, в конечном итоге, идеологией» (Кузовенкова 2017а: 196).

Сама же «культура» в настенных надписях и рисунках появляется к середине 1990-х, когда граффити заимствуются как часть многосоставной субкультуры хип-хопа (Скорородова 1998: 147). Помимо граффити к ней также относится одноименная мода, музыка (рэп, битбокс, диджеинг), танцы (брейк-данс, локинг и др.), спорт (катание на скейтбордах

Рис. 1. Граффити с названиями рок-групп, Москва, 1988 г.

Источник: Bushnell J. (1990) *Moscow graffiti: language and subculture*. Boston: Unwin Hyman.

и т.д.) и все то, что в дальнейшем будет ассоциироваться с широким понятием «уличной культуры». Через составляющие хип-хопа, таким образом, часть молодежи имела возможности для досуга и творческой самореализации в условиях развернувшегося социально-экономического кризиса. «Западная субкультура давала им средство самовыражения, которое, по замечанию одного из интервьюентов отсутствовало в отечественной молодежной культуре: “Для молодежи тогда ничего не было”» (Кузовенкова 2019: 116–117). Тем самым развивалась не только новая среда, которая могла бы отвечать интересам и потребностям молодежи и отражать ее атрибуты. Благодаря чему граффити постепенно отделяются от хип-хопа и к концу 2000-х окончательно обособляются. На «задний план» отходят внешний вид райтера и его музыкальные предпочтения, уступая место различным направлениям и стилям рисунка, а также регулирующих их нормам. При этом сохраняется базовый принцип граффити — его нелегальность (Мельникова 2016).

Логика становления отечественной субкультуры граффити во многом следует пути ее развития в США 1970–1980-х, когда подобные рисунки и надписи считались неотъемлемой частью хип-хоп индустрии (Скорик 2016: 68–69). Однако в таком заимствовании окончательно теряется их «радикальное бунтарство», о котором говорил Ж. Бодрийяр. Если графф-

фити Нью-Йорка появились как протестные заявления жителей гетто «о своем существовании», то после они были преобразованы в среду для обсуждения экономических, политических и социальных проблем, как и сама субкультура хип-хопа, которая стала воплощением творчества и переживаний американских социальных низов. В России же граффити возникают по совершенно иным причинам, в условиях, когда окончательно распалась доминировавшая коммунистическая культура и публично противостоять было некому (Омельченко 2006). Потому в отечественных реалиях граффити перестают быть инструментами символического сопротивления и культурного протеста (см., например: Hebdige 1979; Ferrell 1995). Они не противопоставляются доминирующей культуре, подобно бомбингу на вагонах метро Нью-Йорка 1970-х. Как и не пытаются перестроить правила использования городского пространства, подобно тегам уличных банд (см.: Lachmann 1988). Прежде всего это средства формирования культурной идентичности и досуга, которые переросли в средство самореализации и отдельную субкультуру. «Цель граффитчиков — не сломать старую традицию и установить новую (что и является целью сопротивления), а нарушить установленные правила. Это не столько сопротивление чему-либо, сколько нарушение ради нарушения. Им важно, что рисовать на стенах запрещено, в противном случае не будет интереса к этой деятельности, она потеряет для них всякий смысл» (Кузовенкова 2017а: 208).

Анализируя эволюцию отечественной граффити-субкультуры, становится очевидно, что ее траектория во многом обусловлена особенностями культурной среды, в которой она развивается. Ведь в подобном заимствовании меняется субкультурная ценность самих рисунков и надписей. А значит и их символическое значение, которое может посягать на смысловую целостность определенных мест. Потому важно определить, насколько освоенными и присвоенными городским сообществом являются те места, которые выбирают для нанесения граффити, так как в конечном итоге от этого может зависеть публичность этих граффити, а также оценка их легитимности со стороны городской аудитории.

Методология исследования

Чтобы раскрыть особенности пространственной локализации граффити, прежде всего необходимо оценить распространенность основных направлений надписей и рисунков по территории города. Для этого нами проведено структурированное наблюдение за граффити Москвы, после чего на его основе был сделан контент-анализ. Выбор данной методики, с одной стороны, позволяет первично описать реальное распределение

видов граффити. С другой же стороны, он открывает возможность охвата достаточно большого массива данных, что, в свою очередь, обеспечивает статистическую значимость полученных результатов и их репрезентативность.

Обоснованием выбора территорий для наблюдения послужили критерии, значимые с точки зрения теоретических основ исследования. Отбор происходил среди пространств, сопоставимых по площади, но отличных по своему социокультурному контексту. Для упрощения отбора мы опирались на данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики (Росстат) по Москве. В итоге с некоторыми корректировками были выбраны следующие муниципальные образования и соответствующие им районы (табл. 1).

Таблица 1

Выборочная совокупность районов Москвы
(сводные показатели на 1 января 2021 г.)

Название района	Административный округ	Площадь, км ²
Арбат	Центральный	2,11
Северное Измайлово	Восточный	4,20
Замоскворечье	Центральный	4,32
Капотня	Юго-Восточный	8,06

Наибольшим по площади оказался район Капотня благодаря Московскому нефтеперерабатывающему заводу (площадь более 2,86 км²) и обширной парковой зоне. Доступ к городскому парку открыт для всех, а территория завода закрыта для посторонних. Поэтому она исключается из нашего исследования, уступая место окружающей территории, которая формирует облик небольшого спального района рядом с крупным промышленным производством.

Совершенно иным социокультурным контекстом обладает меньшее по площади Замоскворечье. В юго-восточной части района расположен Павелецкий вокзал, окруженный офисными зданиями и бизнес-центрами. На юго-западе встречаются больницы, здания РЭУ им. Плеханова и современные жилые высотки. В центральной части района акцент смещается на историческую застройку: пространство «корпораций» переходит в малоэтажные дома, церкви, музеи, университеты, магазины, кафе и рестораны. Их число увеличивается ближе к станциям метро «Третьяков-

ская» и «Новокузнецкая» на севере района, где также находятся гостиницы, элитная недвижимость и административные здания.

Похожим, на первый взгляд, контекстом обладает наименьший по площади район Москвы Арбат. Впрочем, количество достопримечательностей на его территории выделяет символическое значение района на фоне всего города. Можно сказать, что его пространство берет свою точку отсчета от одноименной улицы, популярной среди горожан и туристов. Потому южная и восточная части района представляют собой не только историческую застройку, но и открытую зону общественного пользования, где скопились небольшие магазины и рестораны, лавки и кафе, музеи и театры, а также задворки и переулки этого публичного пространства, порой скрытые от глаз сторонних посетителей. Эта территория отделена от севера и запада района Садовым кольцом и улицей Новый Арбат, вдоль которых расположены сетевые магазины, гостиницы и офисы. За этими границами «туристическое» пространство сменяется «правительственным», благодаря истории домов советской номенклатуры и расположению административных зданий. При этом в дворах парадных строений скрываются обычные панельные и кирпичные многоэтажки.

В качестве примера пространства «массового жилья» мы рассмотрели территорию Северного Измайлово. Жилой массив представляет собой типичный спальный район с уличной сетью многоквартирных домов и обилием зелени. Основу застройки составляют пятиэтажные «хрущевки», занимающие большую часть района. Со временем район расширился, и в его западной и восточной частях появились кварталы панельных домов высотой от девяти до семнадцати этажей. Многие старые дома включены в программу реновации, поэтому расселены и пустуют. На месте снесенных зданий строятся или уже построены современные монолитные высотки, выделяющиеся на общем фоне.

За февраль 2022 г. на территории выбранных районов был зафиксирован 2241 случай граффити (табл. 2). Тут стоит внести ряд важных уточнений относительно реализации процедуры наблюдения. Граффити — это крайне недолговечные знаки, возникшие в результате освоения городского пространства. Рисунки и надписи исчезают с поверхности города так же быстро, как и появляются. И чтобы повысить качество получаемых данных, а также минимизировать их зависимость от времени наблюдений, на каждый из районов отводилось не более одной недели. Причем ранее осмотренные территории не подвергались повторной фиксации, даже несмотря на возможные изменения (в том числе из-за погодных условий). Наблюдения носят описательный характер и не нацелены на раскрытие динамики освоения пространства города. Тем не менее

они позволяют приблизиться к пониманию того, какими бывают граффити, что чаще всего в них сообщается и где они рисуются.

Таблица 2

Распределение граффити по районам

Название района	Площадь, км ²	Всего граффити	
		Абсолютные частоты	Относительные частоты, %
Арбат	2,11	383	17,1
Северное Измайлово	4,20	611	27,2
Замоскворечье	4,32	853	38,1
Капотня	8,06	394	17,6
Итого		2241	100

Наблюдение за граффити Москвы: основные направления надписей и рисунков

При первом приближении больше всего граффити нанесено на территории Замоскворечья (38,1 %). Чуть меньше надписей и рисунков приходится на Северное Измайлово (27,2 %). И почти в равных пропорциях они распределены между Арбатом (17,1 %) и Капотней (17,6 %). Но не стоит упускать из внимания и размеры районов. Гуляя по Арбату (181 граффити на 1 км²), шанс встретить граффити значительно выше, чем на улицах Северного Измайлово (145 граффити на 1 км²). Арбат лишь немногим уступает прогулке по Замоскворечью (197 граффити на 1 км²), где и было зафиксировано рекордное количество граффити. Более того, административно-территориальное деление района не всегда совпадает с размерами фактически используемой жителями территории. Потому соотношение количества граффити к площади района может быть не всегда показательным, как это произошло в случае с Капотней (49 граффити на 1 км²). Следовательно, результаты наблюдений требуют большей детализации. К ней мы вернемся в следующем разделе статьи. Однако даже сейчас, опираясь на теоретическое изучение вопроса, мы можем сказать, что в городском пространстве граффити распределяются неравномерно. У такого распределения есть как минимум 3 модели, которые зависят от стилистических направлений надписей и рисунков (табл. 3).

Таблица 3

Распределение видов граффити по районам
(в % от общего числа граффити района)

	Теги и бомбинг	Рейтинг	Муралы	Надписи	Стикеры
Арбат	59,2	2,6	3,1	2,6	32,5
Северное Измайлово	76,8	11,8	4,6	4,9	2,0
Замоскворечье	65,8	6,8	3,3	1,9	22,3
Капотня	81,5	5,0	2,3	7,6	3,6

Основу такого распределения составляют граффити-теги и бомбинг. В силу своего функционального назначения (быстрая отметка) они как можно чаще наносятся на объекты городской инфраструктуры. Для упрощения анализа мы объединили эти категории, так как распространяются они по одной модели. Кроме того, большинство случаев бомбинга, зафиксированных в ходе наблюдений, отличаются от рейтинга по своей стилистике. Лишь 4 случая *whole car* и *whole train* бомбинга мы отнесли к рейтингу (когда объемные рисунки наносились на машину или вагон). Теги и бомбинг в большей степени характерны для Капотни (81,5 %) и Северного Измайлово (76,8 %). Чуть меньше для Арбата (59,2 %) и Замоскворечья (65,8 %). Но такую разницу можно было бы объяснить использованием стикеров.

Стикеры представляют собой нарисованные райтером наклейки, которые точно так же используются для пометки городской территории (Швиндт 2019: 4). По сравнению с тегами и бомбингом у них есть преимущества. Например, скорость нанесения на поверхность. Более того, содержание таких наклеек может быть самым разнообразным и объединять в себе как подпись, так и изображения. Но, как правило, стикеры бывают совсем небольшого размера. Они недолговечны и портятся вследствие плохой погоды. И это при том условии, что стикеры значительно дороже маркера или баллончика с краской. Потому их использование целесообразно лишь в определенных случаях. Скажем, для того чтобы выделить среди других райтеров или в местах с большой проходимость, где существует вероятность быть пойманным. Таким образом, наклейка стикеров на улицах Арбата (32,5 %) и Замоскворечья (23,3 %) позволяет на говорить о некоторой типологии, так как в других районах она практически не встречается. Чего нельзя сказать про распределение рейтинга

и муралов, а также надписей. В каждом из районов (за исключением Северного Измайлово) они представлены в приблизительно равных пропорциях. Хотя в данном случае количественная разница не слишком отображает качественную, ведь пропорции составлены относительно общего числа граффити на соответствующей территории. Интересным представляется изучение вклада каждого района в определенный вид граффити (табл. 4).

Таблица 4

Распределение районов по видам граффити
(в % от общего числа граффити конкретного вида)

	Теги и бомбинг	Рейтинг	Муралы	Надписи	Стикеры
Арбат	14,3	6,3	15,6	11,6	36,3
Северное Измайлово	29,7	45,1	36,4	34,9	3,5
Замоскворечье	35,6	36,4	36,4	18,6	56,0
Капотня	20,4	12,2	11,7	34,9	4,2

Так, более двух третей всех надписей приходится на спальные районы — Капотню и Северное Измайлово (по 34,9 % соответственно). Что уже выделяет их на фоне остальных, сообщая о некоторых особенностях освоения их пространства. Тут стоит сделать важное замечание — надписи не всегда являются субкультурными. Они могут создаваться совершенно по разным причинам. Однако не стоит исключать их из общего анализа граффити на территории города, так как независимо от того, являются надписи субкультурными или нет, в глазах стороннего наблюдателя они точно так же могут посягать на смысловую целостность объектов городской инфраструктуры.

Тем не менее у Северного Измайлово в этом смысле значительно больше общего с Замоскворечьем, чем с Капотней, даже несмотря на то что районы обладают совершенно разным социокультурным контекстом. Суммарно на их территорию приходится более 80 % всех случаев рейтинга (большая часть которых, 45,1 %, находится в Северном Измайлово) и 70 % всех муралов. Иными словами, в пространстве этих районов существуют места, которые одинаково привлекательны для творчества субкультуры, т.е. подстроены под реализацию интересов авторов подобных рисунков, и где рисунки не встречают должного сопротивления. И такая неочевидная закономерность имеет объяснение, которое мы постараемся проверить в следующем разделе статьи.

Мы полагаем, что именно место размещения граффити, вкупе с формой и смысловым (символическим) наполнением рисунков и надписей, определяют рамки их публичности. Так, стикеры и теги могут теряться среди прочих объектов городской культуры, так как чаще всего они бывают небольших размеров и наносятся в самых незаметных и труднодоступных местах, чтобы сохранять метку райтера как можно дольше. В равной степени это относится к рейтингу и муралам. Даже несмотря на яркость рисунков, сложность их исполнения и объем закрашиваемой поверхности, место их расположения может быть точно так же скрытым от глаз большинства простых обывателей. По этой причине территория Замоскворечья, несмотря на рекордное количество граффити, может выглядеть вполне ухоженной и чистой, тогда как Северное Измайлово может показаться более разрисованным.

Специфика выбора мест для граффити: опыт социального картографирования

Определяя особенности пространственной локализации граффити, необходимо обратить внимание не только на объемы занимаемых ими поверхностей, но и на те места, которые выбраны для их нанесения. Для этого мы преобразовали данные ранее проведенного наблюдения в более подходящую для анализа картографическую форму (рис. 2), благодаря чему открылась возможность проверки наличия связи между видами граффити и спецификой выбора мест для них.

Так, рассматривая территорию Арбата, мы можем выделить сразу несколько особенностей ее зарисовки. Прежде всего в глаза бросается обилие граффити-тегов и бобминга. В большинстве случаев модель их распространения линейна и соответствует основным пешеходным улицам. Гуляя по Воздвиженке, Старому Арбату или Поварской улице, чаще всего мы можем увидеть теги на заборах, шлагбаумах, водосточных трубах и знаках дорожного движения, которые располагаются вдоль проезжей части. В месте пересечения этих улиц (площадь Арбатские ворота) можно наблюдать целое скопление стилизованных подписей. В частности, в большом количестве они встречаются в подземных переходах, а также на широких строительных заграждениях напротив выхода из станции метро «Арбатская». Совокупность этих мест можно характеризовать как самое посещаемое транзитное пространство района (пространство, которое необходимо пересечь, миновать для достижения конечных целей) (Запорожец, Лавринец 2009: 51). Но к подобным пространствам можно отнести и другие места. Кроме подземных переходов, это могут быть небольшие улицы и переулки, соединяющие области «приватного» и «публичного»

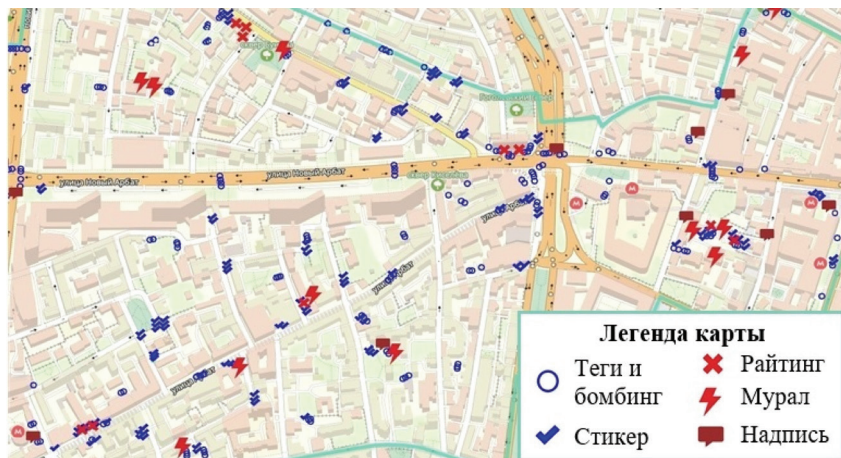

Рис. 2. Арбат, южная и восточная части района (фрагмент карты)

(в трактовках Дж. Джекобс, Р. Ольденбурга и других представителей социологической урбанистики). Хорошим примером может послужить устройство территории вокруг Старого Арбата (рис. 3.). Сама улица является открытой зоной общественного пользования. За исключением Стены памяти Виктора Цоя она практически очищена от творчества субкультуры. Чего нельзя сказать об отходящих от нее задворках и переулках. Примечательно, что именно на них приходится основная часть стикеров всего района. Тем не менее, продвигаясь вглубь «приватных» дворовых территорий, граффити можно встретить все реже и реже. Исключением будут лишь редкие случаи муралов, которые находятся на обезличенных стенах сооружений городской инфраструктуры. Подобно рейтингу на заборах стройки, они стремятся занять поверхности, лишенные символического содержания. С одной лишь разницей: в силу своего субкультурного назначения бомбинг выставляется напоказ, рискуя быть закрасненным или смытым, муралы же, напротив, скрыты от глаз сторонних посетителей. Только единицы легализованного стрит-арта выставлены на всеобщее обозрение.

Характеризуя пространства как транзитные, приватные или публичные, мы обращаем внимание на то, каким режимом пользования они наделены. Самыми общими словами мы пытаемся описать то, в каком ключе происходит их освоение городским сообществом. Важно лишь не упускать из внимания, что не все из этих пространств освоены в равной степени, как и то, что не все из них обладают одинаково важным симво-

Рис. 3. Граффити в транзитном, публичном и приватном пространстве (Арбат)

лическим содержанием. Ведь независимо от вида надписей и рисунков, чаще всего они наносятся на поверхности, лишенные истории и дополнительного символического значения. Перефразируя З. Баумана, они занимают крайне локальные «неместа», существующие в рамках конкретного символического пространства (Бауман 2008: 112). Граффити вписаны в него, но не с целью соблюдать и поддерживать его правила, а с целью нарушать их. Следовательно, предопределены будут и условия их размещения. Иллюстрацией этого наблюдения может стать территория Замоскворечья (рис. 4).

Историческая часть района воспроизводит модель распределения граффити по улицам Арбата. Особое внимание привлекает концентрация стикеров, облепивших территорию вокруг Пятницкой улицы. Особым интересом для их размещения пользуются водосточные трубы и таблички с информацией об объектах культурного наследия. На одну такую табличку может приходиться до 14 стикеров. Даже несмотря на небольшой размер стикеров, мы можем проследить модель их распространения. Как и на Арбате, она выстраивается вокруг главного публичного пространства района. Менее людные улицы чаще всего зарисованы граффити-тегами, которые можно увидеть на заборах, знаках дорожного движения и других объектах городской инфраструктуры. К особенностям района относятся места скопления тегов, такие как подземные переходы, мостовые сооружения, фальшфасады реставрируемых зданий и строительные ограждения. Как и полагается, на поверхностях последних иногда встречается бомбинг или отдельные случаи райтинга, в то время как большинство муралов скрывается внутри случайных дворовых территорий.

Впрочем, сходство зарисовки Арбата и исторической части Замоскворечья обусловлено их социокультурным контекстом. Но городская среда

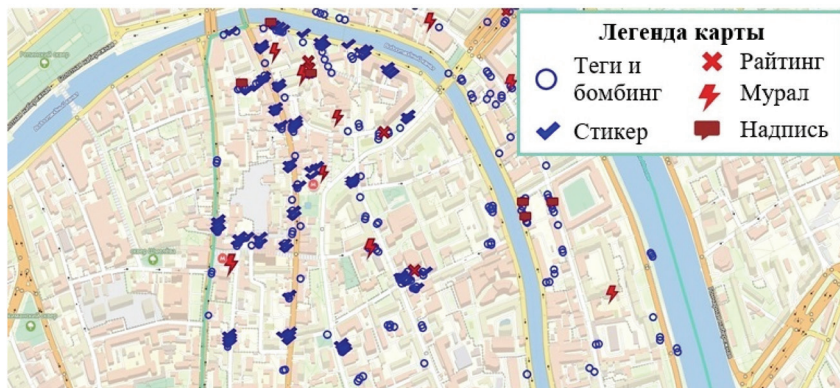

Рис. 4. Замоскворечье, северная часть района (фрагмент карты)

не всегда состоит из присвоенных пространств, наделенных обилием символов и связанных с ними смыслов. Более того, достаточно часто такие пространства не используются по своему функциональному назначению и обходятся стороной. Как отмечает К.Н. Калашникова, «все описанные сообщения существуют в публичном пространстве города, но скопление, наложение, избыток многих видов [граффити] можно наблюдать в местах, которые маркируются как “ничьи”» (Калашникова 2020: 106). Подтверждение тому можно найти, рассматривая южную часть Замоскворечья (рис. 5).

Например, мы сразу же можем выделить проезд, пересекающий железнодорожные пути Павелецкого вокзала. Проезд представляет собой огражденную автомобильную дорогу, вдоль которой пролегают узкие тротуары. Именно дорожные ограждения стали целью многих теггеров, стремящихся попасть на «охраняемую» привокзальную территорию, которая, к слову, стала рекорсменом района по количеству нарисованных муралов и случаев рейтинга. Можно сказать, что это одно из тех мест, которое представляется действительно изрисованными, но не единственным. К похожим «ничьим» местам также можно отнести пешеходные тоннели под Шлюзовым мостом, который находится на юго-востоке района.

Жуков проезд, как и набережные, соединенные автомобильной дорогой, достаточно редко используется пешими жителями города (рис. 6). Они не подходят ни для прогулок, ни для того, чтобы дойти до какой-либо значимой зоны общественного пользования. Но для райтеров эти места приобретают другие характеристики. С одной стороны, разрисовка

Рис. 5. Замоскворечье, южная часть района (фрагмент карты)

Рис. 6. Граффити в местах, неосвоенных городским сообществом (Замоскворечье)

их стен является способом продлить время существования рисунка, а также возможностью потренироваться. С другой стороны, они становятся обособленной площадкой для коммуникации внутри локального граффити-сообщества. Рисунки, казалось бы, создаются «для себя» и не ориентированы на широкую городскую аудиторию. Тем не менее на них открывается совершенно новая перспектива с точки зрения пассажиров поездов и автомобилей. И даже если потенциальная аудитория ограничена, то, как пишет Ю.А. Кузовенкова, «это легко компенсируется с помощью размещения фотографии рисунка в социальных сетях, что на порядок увеличивает количество просмотров» (Кузовенкова 2017: 68).

В общем чем менее освоенными и присвоенными городским сообществом являются перепрофилируемые территории, тем больше шансов, что в них найдется место для реализации творчества субкультуры. Однако

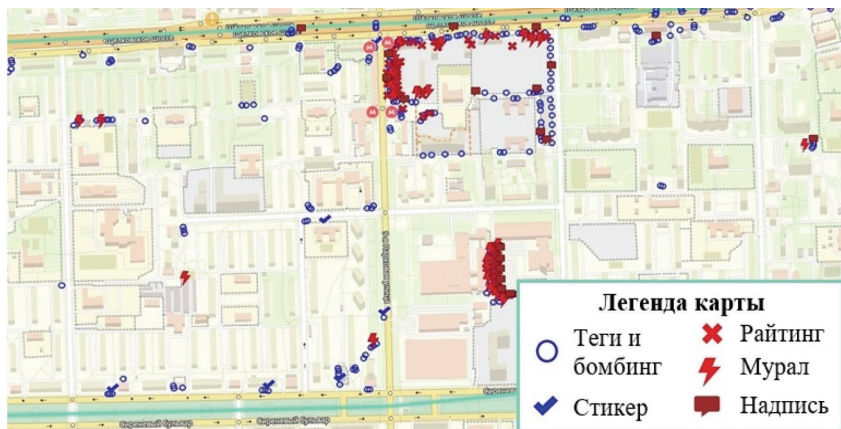

Рис. 7. Северное Измайлово, центральная часть района (фрагмент карты)

это вовсе не означает, что такие места должны оставаться неизведанными точками на карте города. И если в случае с южной частью Замоскворечья они скрыты от глаз большинства простых обывателей, то жители Северного Измайлово видят их практически каждый день (рис. 7).

Способствует тому почти что целый квартал возле станции метро «Щелковская», который попал под программу реновации и в скором времени будет снесен (рис. 8). Фактически он представляет собой огражденную и охраняемую от сторонних посетителей территорию с пустующими и расселенными домами. Граффити рисуются как на окружающем ее сплошном заборе, так и на лицевом фасаде зданий. Причем ограждения изрисованы преимущественно тегами, надписями и бомбингом, в то время как стены зданий отведены для более объемных рисунков в виде муралов и рейтинга. Примечательно, что большая часть из них выходит на оживленную 9-ю Парковую улицу, которая является главным публичным пространством района. На нее, кроме единственного на ближайшую округу метро, также приходится сопутствующие торговые центры, рынки, нагромождения небольших магазинов, кафе и ресторанов быстрого питания. Потому мы можем говорить о некоторой заинтересованности райтеров в зрителях из широкой городской аудитории, даже если та вторична по отношению к творчеству субкультуры.

Конечно, эта часть 47 квартала представляет собой достаточно редкий случай «ничьих» мест. Рисунки не встречают должного сопротивления, находясь при этом у всех на виду. Однако логика их распространения остается неизменной. И вряд ли это место можно назвать одним освоен-

Рис. 8. Граффити в местах, неосвоенных городским сообществом (Северное Измайлово)

ных и присвоенных городским сообществом. Тем не менее, гуляя по Северному Измайлово, можно встретить и другую локацию, не столь замечаемую, но такую же изрисованную. Продвигаясь вниз по 9-й Парковой, мы можем отметить небольшой переулочек за территорией торгового центра «Первомайский». Переулок ведет к преимущественно приватным территориям: автомобильной парковке для работников торгового центра, заднему двору спортивного комплекса «Измайлово», а также частному гаражному кооперативу. Стены последнего и стали объектом внимания граффити-сообщества. Формально рисовать на них нельзя, это может привести к вполне реальному наказанию. В то время как для неформальных рисунков существует целое окно для возможностей, начиная с того, что случайный прохожий не будет мешать их выполнению, заканчивая тем, что в случае риска райтер может попросту убежать, ведь, подобно огражденной территории 47 квартала, переулок обособлен от остального городского окружения, хорошо просматривается и, вероятнее всего, плохо охраняется.

В остальном же Северное Измайлово во многом повторяет установившуюся типологию распределения граффити. Теги и бомбинг наносятся вдоль основных транзитных пространств — Щелковского шоссе и Сиреневого бульвара. Их частота увеличивается по мере приближения к главному публичному пространству района. Также по пути к нему изредка встречаются случаи райтинга. Правда, в отличие от тегов и бомбинга, чаще всего наблюдать их можно на задворках, отходящих от улиц. В частности, на стенах тепловых пунктов, контейнерных площадках для сбора мусора или заборах, ограждающих зону выгрузки очередного продуктового магазина. В глубине дворовых территорий количество наблюдаемых граффити стремительно уменьшается. Лишь редкие примеры муралов

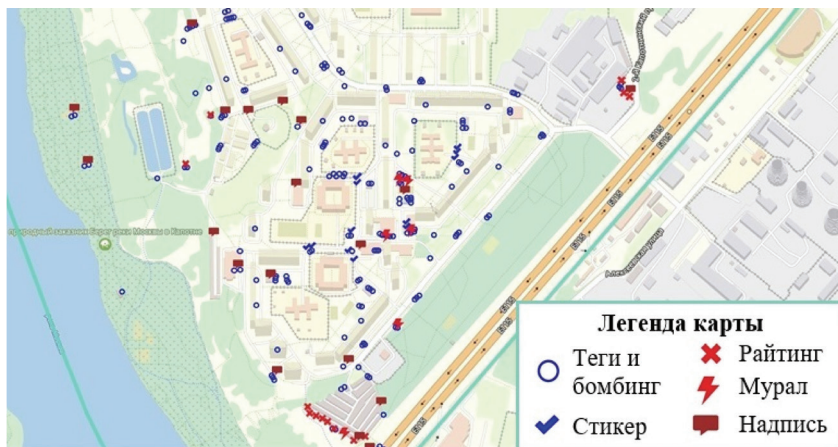

Рис. 9. Капотня, 5-й квартал (фрагмент карты)

и настенных надписей, занимающие стены гаражных и подсобных сооружений, выделяются на фоне всего однообразного районного окружения. В этом отношении Северное Измайлово почти не отличается от Капотни (рис. 9).

Можно сказать, что территория этого района — миниатюрная модель всех особенностей размещения граффити, о которых мы говорили выше. Ведь жилая часть Капотни состоит всего из нескольких улиц и проездов, объединенных пятью кварталами. Основным публичным пространством является ее южная часть, в которой сосредоточены несколько супермаркетов, множество небольших магазинов, отделение почты и единственное на район кафе. Именно вокруг них нанесено подавляющее количество тегов, бомбинга и стикеров. Причем наносятся они не только на объекты городской инфраструктуры, но и на стены и окна самих зданий. Также особенно часто теги оставляются на поверхностях трансформаторных подстанций или тепловых пунктов, на которых иногда рисуются и упрощенные муралы. Остальная же часть меток располагается вдоль 1-го Капотнинского проезда и улицы Ивана Гераськина, которые ведут к этому публичному пространству. Изрисованными оказываются знаки дорожного движения, фонарные столбы и автобусные остановки. Что касается более объемных рисунков, то они вынесены на окраины жилого массива и находятся в тех местах, где практически никто не ходит. Например, это могут быть стены отдаленной и пустующей автомобильной парковки. Или тыльная сторона гаражного кооператива, обзор на которую открывается только из низины городского парка. Главной же особенно-

стью района является большое количество надписей: нецензурная брань и оскорбления, признания в любви, манифестирующие лозунги и другие послания. В большинстве случаев такие сообщения оставляют у входов в парк или возле подъездов жилых домов, где они и ждут своего адресата.

Таким образом, обращая внимание на выявленные закономерности, мы можем констатировать наличие связи между видами граффити и спецификой выбора мест для них. Так, теги, бомбинг и стикеры сопровождают основные публичные пространства района. Причем стикеры и бомбинг наносятся исключительно в самых людных его местах. В то время как муралы и райтинг, напротив, стремятся занять стены наименее освоенных пространств. Можно сказать, что рисунки и надписи действительно обладают возможностью обращать на себя внимание, выделяясь на фоне всего городского окружения. А в определенных случаях они и вообще подстраивают это окружение под реализацию творчества субкультуры. Но чаще всего эта возможность встречает значительное сопротивление, ставящее под сомнение их способность быть видимыми. Ведь город — это множество мест, в большей или меньшей степени освоенных и присвоенных его жителями. И даже если граффити-сообщество «перепрофилирует» его территорию, то происходит это лишь в рамках определенных социокультурных условий. Граффити вписаны в них, но не с целью соблюдать и поддерживать их правила, а с целью нарушать их. Тем самым неизбежно возникает проблема их неконтролируемой публичности.

Заключение

Регулировка граффити в публичном пространстве города прежде всего требует определения особенностей их пространственной локализации. Первым шагом в достижении обозначенной цели стал выбор подходящей теоретической оптики для анализа пространства. Принципиально важным стало определение того, кто является субъектом познания по отношению к городскому пространству — общество и его структура или индивид и его представления о пространстве. Попытками преодоления теоретических разногласий стали теории, рассматривающие процесс конструирования городского пространства с помощью символов.

Обозначив перспективу изучения пространства, мы смогли перейти к описанию граффити как одной из практик его потребления. Используя пример Нью-Йорка 1970-х, мы разобрали основные модели распространения граффити и их причины, во многом зависящие от культурных условий, в которых существовала и развивалась субкультура граффити того времени. Потому, рассматривая традицию отечественных граффити, нам предстояло ответить на вопрос, соответствует ли она западной модели.

Как оказалось, нет. Логика развития отечественной субкультуры во многом следует пути ее развития в США 1970–1980-х, однако в подобном заимствовании меняется сама субкультурная ценность рисунков и надписей. Следовательно, в отечественных условиях могли поменяться и тактики потребления пространства с помощью граффити.

Для того чтобы проверить это, нам предстояло ответить на вопрос, какими бывают граффити и что чаще всего в них сообщается? Основываясь на теоретическом изучении вопроса, были выделены три основных модели распространения надписей и рисунков, которые легли в основу предстоящего структурированного наблюдения. Независимо от социокультурного контекста выбранных для анализа районов Москвы, граффити предстают преимущественно в субкультурном амплуа. Наиболее распространенными оказались граффити-теги и бомбинг. Чуть реже встречаются стикеры, выполняющие аналогичную функцию пометки городской территории. Значительно редки примеры райтинга. И наименее распространенными видами граффити стали муралы, а также надписи. Таким образом, граффити в подавляющем большинстве случаев ориентированы на посвященную аудиторию. Подтверждением тому также стали особенности их размещения внутри обозначенных территорий.

Теги, бомбинг и стикеры сопровождают основные публичные пространства районов. Причем стикеры наносятся исключительно в самых людных местах, в то время как муралы и райтинг, напротив, стремятся занять стены наименее освоенных пространств. Выявленные закономерности, таким образом, демонстрируют наличие связи между видами граффити и спецификой выбора мест для них. Важен не только размер, яркость и смысл, но и место расположения граффити. Тем не менее не стоит упускать из внимания и причины такого распределения по территории города.

В отечественных реалиях граффити перестают быть инструментами символического сопротивления и культурного протеста. Они не противопоставляются доминирующей культуре, подобно бомбингу и муралам на вагонах метро Нью-Йорка 1970-х. Как и не пытаются перестроить правила использования городского пространства, подобно тегам уличных банд. Прежде всего это средства формирования культурной идентичности и досуга, которые переросли в средство самореализации и отдельную субкультуру. Райтерам важно, что рисовать на стенах запрещено. В противном случае не будет интереса к этой деятельности, и она потеряет для них всякий смысл. Исходя из этого контекста складываются особенности пространственной локализации на территории города.

Литература / References

Абрамов Р.Н. (2013) Политические граффити в России 1990-х гг.: опыт ретроспективного анализа. *Вестник Удмуртского университета. Серия 3. Философия. Социология. Психология. Педагогика*, 4: 25–33.

Abramov R. N. (2013) Political graffiti in Russia in the 1990s: an attempt at retrospective analysis. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya 3. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series 3. Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy], 4: 25–33 (in Russian).

Александр Дж. (2013) *Смыслы социальной жизни: Культурсоциология*. М.: Праксисис.

Alexander J. (2013) *The Meanings of Social Life: Cultural Sociology*. Moscow: Novoye izdatel'stvo (in Russian).

Бауман З. (2008) *Текущая современность*. СПб.: Питер.

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter (in Russian).

Башкатов И.П., Стрелкова Т.С. (2006) Характеристики молодежно-подросткового граффити. *Социологические исследования*, 11: 141–145.

Bashkatov I.P., Strelkova T.S. (2006) Characteristics of youth and teenage graffiti. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 11: 141–145 (in Russian).

Беккер Г. (2018) *Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности*. М.: Элементарные формы.

Becker G. (2018) *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Moscow: Elementarnyye formy (in Russian).

Бодрийяр Ж. (2000) *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет.

Baudrillard J. (2000) *Symbolic Exchange and Death*. Moscow: Dobrosvet (in Russian).

Бурдьё П. (2007) *Социология социального пространства*. СПб.: Алетейя.

Bourdieu P. (2007) *Sociology of social space*. St. Petersburg: Aleteia (in Russian).

Джекобс Дж. (2011) *Смерть и жизнь больших американских городов*. М.: Новое издательство.

Jacobs J. (2011) *The Death and Life of Great American Cities*. Moscow: Novoye izdatel'stvo (in Russian).

Желнина А.А. (2015) Креативность в городе: реинтерпретация публично-го пространства, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2: 45–59.

Zheltnina A.A. (2015) Creativity in the City: Reinterpretation of Public Space. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2: 45–59 (in Russian).

Запорожец О.Н., Лавринцев Е. (2009) Хореография беспокойства в транзитных местах: к вопросу о новом понимании визуальности. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) *Визуальная антропология: городские карты памяти*. М.: Вариант: 45–66.

Zaporozhets O.N., Lavrinets E. (2009) Choreography of anxiety in transit places: towards a new understanding of visibility. In: Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (eds.) *Visual anthropology: urban memory maps*. Moscow: Variant: 45–66 (in Russian).

Калашникова К.Н. (2020) Визуальная коммуникация в городском пространстве Новосибирска: дифференциация и восприятие. *Вестник Томского государственного университета*, 458: 101–109.

Kalashnikova K.N. (2020) Visual communication in the urban space of Novosibirsk: differentiation and perception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 458: 101–109 (in Russian).

Кирсанова Е.А. (2017) Социально-философский анализ концепций стрит-арта: генезис и подходы к определению феномена. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 38: 121–129.

Kirsanova E.A. (2017) Social and philosophical analysis of street art concepts: genesis and approaches to defining the phenomenon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 38: 121–129 (in Russian).

Киселев С.В. (2005) Знаково-психологические мотивы граффити в молодежной субкультуре. *Социологические исследования*, 9: 112–115.

Kiselev S.V. (2005) Sign and psychological motives of graffiti in youth subculture. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 9: 112–115 (in Russian).

Кузовенкова Ю.А. (2015) «Право на город»: практики легитимации граффити и стрит-арта. *Культура и цивилизация*, 4–5: 31–46.

Kuzovenkova Y.A. (2015) “The Right to the City”: Legitimization Practices of Graffiti and Street Art. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 4–5: 31–46 (in Russian).

Кузовенкова Ю.А. (2017а) Граффити Самары: сопротивление и присваивание. Титков А.С., Архипова А.С., Радченко Д.А. (ред.) *Городские тексты и практики. Т. 1: Символическое сопротивление*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС: 196–210.

Kuzovenkova Y.A. (2017a) Samara Graffiti: Resistance and Appropriation. In: Titkov A. S., Arkhipova A.S., Radchenko D.A. (eds.) *Urban Texts and Practices. Volume 1: Symbolic Resistance*. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS: 196–210 (in Russian).

Кузовенкова Ю.А. (2017б) Особенности освоения городского пространства сообществами граффити и стрит-арта. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 4(33): 66–69.

Kuzovenkova Y.A. (2017b) Features of the development of urban space by graffiti and street art communities. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 4(33): 66–69 (in Russian).

Кузовенкова Ю.А. (2019) Поколения в граффити: от сопротивления среде к игре с нею? Шамсутдинова Н.К. (ред.) *Конструирование молодежных городских субкультур*. Уфа: Аэтерна: 115–118.

Kuzovenkova Y.A. (2019) Generations in graffiti: from resistance to the environment to playing with it? (In: Shamsutdinova N.K. (ed.) *Konstruirovaniye molodezhnykh gorodskikh subkultur* [Construction of youth urban subcultures]. Ufa: Aeterna: 115–118 (In Russian).

Лефевр А. (2015) *Производство пространства*. М.: Strelka Press.

Lefebvre A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Production of Space]. Moscow: Strelka Press (in Russian).

Линч К. (1982) *Образ города*. М.: Стройиздат.

Lynch K. (1982) *The Image of the City*. Moscow: Stroyizdat (in Russian).

Мельникова Е.А. (2016) Карьерные траектории граффити-райтеров: трансформируя давление в удовольствие и признание. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1: 125–136.

Melnikova E.A. (2016) Career trajectories of graffiti writers: transforming pressure into pleasure and recognition. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 1: 125–136 (in Russian).

Ольденбург Р. (2018) *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества*. М.: Новое литературное обозрение.

Oldenburg R. (2018) *Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other “hangout” places as the foundation of community*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Омельченко Е.О. (2006) Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности. *Журнал исследований социальной политики*, 2(4): 151–182.

Omelchenko E.O. (2006) The Beginning of the Youth Era or the Death of Youth Culture? “Youth” in the Public Space of Modernity. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2(4): 151–182 (in Russian).

Серто М. (2013) *Изобретение повседневности. 1. Искусство делать*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Certo M. (2013) *The Invention of Everyday Life. 1. The Art of Making*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge (in Russian).

Скорик А.В. (2016) Граффити как субкультура социального вызова и протеста. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 1(21): 63–69.

Skorik A.V. (2016) Graffiti as a subculture of social challenge and protest. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 1(21): 63–69 (in Russian).

Скорородова А.С. (1998) Граффити: значение, мотивы, восприятие. *Психологический журнал*, 1(19): 144–164.

Skorokhodova A.S. (1998) Graffiti: meaning, motives, perception. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1(19): 144–164 (in Russian).

Швиндт У.С. (2019) Стрит-арт как способ выстраивания диалога с жителями города (на примере 4 административных районов г. Екатеринбурга). *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 2(10): 5–28.

Shvindt W.S. (2019) Street art as a way of building a dialogue with city residents (on the example of 4 administrative districts of Yekaterinburg). *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [The world of science. Sociology, philology, cultural studies], 2 (10): 5–28 (in Russian).

Brewer D., Miller M. (1990) Bombing and Burning: The social Organization and Values of Hip Hop Graffiti Writers and Implications for Policy. *Deviant Behavior*, 11: 345–369.

Bushnell J. (1990) *Moscow graffiti: language and subculture*. Boston: Unwin Hyman.

Castleman C. (1982) *Getting Up: Subway Graffiti in New York*. Cambridge: MIT Press.

Cummings S., Monty D. (1993) *Gangs: the origins and impact of contemporary youth gangs in the United States*. New York: State University of New York Press.

Ferrell J. (1995) Urban graffiti: crime, control, and resistance. *Youth and society*, 27 (1): 73–92.

Glazer N. (1979) On Subway Graffiti in New York, *The Public Interest*, 54 (1): 3–11.

Hebdige D. (1979) *Subculture: The Meaning of Style*. London: Methuen.

Lachmann R. (1988) Graffiti as Career and Ideology. *The American Journal of Sociology*, 2 (94): 229–250.

Ley D., Cybriwsky R. (1974) Urban graffiti as territorial markers. *Annals of Association of American Geographers*, 4 (64): 491–505.

Macdonald N. (2001) *The Graffiti Subculture: Youth, Masculinity and Identity in London and New York*. New York: Palgrave Macmillan.

Reisner R. (1971) *Graffiti: Two Thousand Years of Wall Writing*. New York: Cowles Book Company.

Источники

Граффити: искусство или вандализм? (2018) ВЦИОМ [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/graffiti-iskusstvo-ili-vandalizm>] (дата обращения: 30.07.2024).

Кадастровая карта: земельный участок 77:04:0004020:1017 (2021) Росреестр [<https://pkk.rosreestr.ru/#/search/55.649297821512945.37.809655829568605/15/@2y1wvgtyr?text=77%3A4%3A4020%3A1017&type=1&nameTab&indexTab&opened=77%3A4%3A4020%3A1017>] (дата обращения: 30.07.2024).

База данных “Показатели муниципальных образований (БД ПМО)” (2021) Росстат [<https://gks.ru/dbscripts/munst/munst45/DBInet.cgi>] (дата обращения: 30.07.2024).

GRAFFITI AS A TOOL OF URBAN ENVIRONMENT APPROPRIATION: A STUDY OF SPATIAL PRACTICES

Fedor Polyakov (dieuxph@mail.ru)

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Citation: Polyakov F. (2024) Graffiti as a tool of urban environment appropriation: a study of spatial practices. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 238–272 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.9> EDN: LHMVPO

Abstract. The relevance of this research lies in the fact that graffiti has consistently existed and continues to exist within a legally ambiguous or outright illegal context. Consequently, there is a need to manage and regulate public spaces within cities. It is important to note that graffiti today can be created for various reasons, including personal messages (such as love letters), commercial purposes (advertisements), or as expressions of the graffiti subculture, encompassing forms like “tags”, “bombing”, “writing”, and “murals”. In all these cases, graffiti aims to communicate with an intended audience. This raises the question of who that audience is and, consequently, what limitations, if any, should be placed on it. In other words, the central question is the extent to which the spaces chosen for graffiti application are truly public. Therefore, the purpose of this study is to identify the characteristics of graffiti’s spatial distribution within the urban environment. This article proposes using the concept of symbolic urban space construction to analyze this spatial localization. Following this approach, the research employs methods such as observation and mapping of graffiti. Using data collected from four administrative districts of Moscow (2241 instances of graffiti recorded in February 2022), we analyzed both the content of the graffiti and their locations. The results characterize the relationship between graffiti’s placement and the issue of its perceived excessive public visibility. While many contemporary graffiti works extend beyond the boundaries of purely subcultural expression, they are often applied in spaces less frequented by the general public. This contrasts with simpler subcultural drawings and inscriptions, which are more commonly found in spaces already actively used and appropriated by the urban community.

Keywords: graffiti, sociology of graffiti, sociology of space, sociology of the city, mapping.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ «АНТРОПОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА: ГОРОД. АКАДЕМИЯ. ТРИ ВЕКА ЖИЗНИ»

*Наталья Евгеньевна Мазалова*¹
(mazalova.nataliya@mail.ru),

*Константин Александрович Галкин*²

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

² Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Цитирование: Мазалова Н.Е., Галкин К.А. (2024) Конференция: «Антропология Петербурга: Город. Академия. Три века жизни». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 273–277. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.10> EDN: LKHJFW

В 2024 г., 14 мая, в Социологическом институте РАН — филиале ФНИСЦ РАН состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Антропология Петербурга: Город. Академия. Три века жизни», посвященная 300-летию Российской академии наук. Организаторами конференции выступили Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН и Музей антропологии и этнографии РАН. Знаменательно, что именно с Кунсткамеры начинается история Российской академии наук, она уже 300 лет является символом академии, в Кунсткамере зародились многие российские науки — астрономия, география, геодезия, метеорология, топография, а также оформилась этнография как наука.

Акцент в работе конференции был сделан на научных исследованиях антропологии и социологии Петербурга, социологии гуманитарной науки, проводимых в двух академических учреждениях — СИ РАН — филиале ФНИСЦ РАН и МАЭ РАН. Рассматривалась роль и значение гуманитарных наук и ученых-гуманитариев Академии наук в Петербурге в контексте развития Санкт-Петербурга и Российской академии наук. Конференция преследовала цель обсудить развитие гуманитарной науки в городе в условиях современного меняющегося мира и в исторической перспективе. Она была посвящена проблемам городской антропологии, которые, несомненно, относятся к числу приоритетных в отечественной гуманитарной науке. В настоящее время изучение культурной и социальной специфики города, городских пространств и городских сообществ требует междисциплинарного подхода, объединения специалистов разных отраслей, которые и приняли участие в конференции.

Следует отметить, что конференции приурочена к еще одной знаменательной дате — 50-летию изучения этнографии Петербурга в МАЭ. Пленарное заседание конференции открыли доклады В.В. Козловского и Н.Е. Мазаловой. Пленарный доклад В.В. Козловского (директора СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН) «Санкт-Петербург — арена и плацдарм цивилизационных перемен российского общества» посвящен изучению роли Санкт-Петербурга в цивилизационных трансформациях в России и значению самого города в рамках подобных трансформаций. В докладе освещены особенности цивилизационных перемен в российском обществе, в которых Санкт-Петербург играл ключевую роль как место формирования особой идентичности. Петербург представлен как «лаборатория модерности», промышленная мастерская страны и арена социальных и научных революций. Этот тезис отражает основную идею конференции, где Санкт-Петербург выступает как пространство, формирующее идентичность ученых и объединяющее различные гуманитарные науки.

В докладе Н.Е. Мазаловой (МАЭ РАН) «Ленинградская часть института этнографии АН в позднесоветский период: 1960–1980-е гг.» рассматриваются развитие этнографической науки в Ленинграде. Отличительные черты науки в это время некоторые исследователи видят в схоластическом теоретизировании и централизации исследований, координирующихся со стороны головного Института этнографии в Москве, а отношения государства и науки характеризуются как патерналистские. Н.Е. Мазалова, опираясь на объективные законы развития науки и используя концепцию Т. Куна о циклах развития науки как смене парадигм, доказывает, что этот период можно рассматривать как «золотой век» ленинградской этнографии. Н.Е. Мазалова делает вывод о том, что в рассматриваемый период отношение к знанию и исследовательские приоритеты этнографической науки претерпевали существенные изменения. В ЛЧ ИЭ на протяжении рассматриваемого периода сложился баланс инновационной науки и традиционной, что обеспечило устойчивое развитие пространства ленинградской этнографической науки.

Работа конференции продолжилась в рамках нескольких секций, каждая из которых сосредоточилась на отдельной ключевой теме, связанной с городскими контекстами и научными исследованиями. Обсуждения охватывали широкий спектр вопросов, включая роль города в развитии науки, особенности ленинградских и петербургских школ гуманитарных наук, а также влияние городских контекстов на исследовательскую практику.

На секции «Исторические аспекты развития научных школ и проектов в Российской академии наук» рассматривались как научные направления

этнографии и социологии, так и отдельные проекты в разные периоды развития науки. Работа секции была посвящена изучению различных аспектов развития научных школ. Участники этой секции подробно рассмотрели, как научные школы формируются, какие кризисы и трудности они могут переживать, а также перспективы применения различных исследовательских методов. Важным аспектом обсуждения стало признание сложности и нелинейности процесса развития современных исследований. Участники согласились, что научные школы сталкиваются с множеством вызовов, и их развитие часто происходит неравномерно и под влиянием различных внешних и внутренних факторов. В рамках секции были рассмотрены развитие индологической науки XX в. как продолжение традиции изучения «живой Индии», которое проводилось с конца XIX в. в МАЭ, проанализирован феномен ленинградской школы африканистики, возникшей на базе Восточного факультета СПбГУ и отдела Африки МАЭ (Кунсткамера) РАН, а также сделан обзор, определены основные цели и задачи коллекции биографий Биографического фонда Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН.

Обсуждение на секции показало, что успешное развитие научных школ и эффективное применение различных исследовательских методов — важные факторы поддержания актуальности и живости научной деятельности. Уникальные коллекции и инновационные методы исследования играют ключевую роль в этом процессе, способствуя созданию новых знаний и дальнейшему развитию научной области.

На секции «Научные карьеры ученых Российской академии наук» с применением биографического метода рассматривались биографии петербургских ученых Академии наук и их роль в становлении и развитии академической науки Петербурга, а также их «встроенности» в социокультурное пространство города. В рамках секции был проведен глубокий анализ биографий петербургских ученых, что позволило значительно расширить понимание их влияния на развитие науки. Особое внимание уделялось различным аспектам их карьерных путей, включая ключевые моменты научной деятельности, взаимодействие с академическим и общественным сообществом, а также их личные и профессиональные достижения. Целый блок докладов был посвящен биографиям ученых МАЭ РАН, например Жозефа Николя Делиля, советского и российского этнографа, лингвиста, североведа И.С. Вдовина, ленинградского индолога С.А. Маретиной, этнографа Т.А. Шрадер и монголоведа-историка и востоковеда Н.П. Шастина. Анализ коммуникации ученых с общественностью оказался особенно важным. Участники секции подробно рассмотрели, как ученые взаимодействуют с различными слоями общества, каким образом

их научные идеи и результаты становятся доступными широкой аудитории, а также какие формы коммуникации наиболее эффективны для популяризации науки. Подчеркивалось, что активная и грамотная коммуникация играет ключевую роль в распространении научных знаний и в формировании общественного интереса к научным исследованиям. Ключевым выводом, сделанным на секции, стало то, что биографии ученых и их стиль коммуникации играют решающую роль в развитии модернизационных идей в науке. Фигура ученого признана центральной в этих процессах, поскольку именно ученые задают импульс для развития научных школ и направляют развитие научной мысли. Исторический тренд, отраженный в докладах, показал, как личные качества ученых, их карьерные выборы и стиль общения влияют на научное сообщество и на научную деятельность в целом.

Секция «Петербург и петербуржцы в текстах» была посвящена представлению Санкт-Петербурга в текстах, исследовала роль города как источника разнообразных исследовательских, публицистических и художественных текстов. Внимание было сосредоточено на том, как эти тексты структурируют городское пространство и как город конструируется в них.

На секции «Город: пространства, репрезентации, идентичности», посвященной городу и идентичностям, обсуждались различные аспекты городских пространств и их влияние на формирование идентичности. Участники акцентировали внимание на особенностях развития городского пространства и его социологическом и антропологическом осмыслении. Главным выводом стало признание нелинейности развития городских пространств и важности их анализа с разных перспектив и методологических подходов для выявления уникальных аспектов в развитии городов.

Ключевые выводы конференции связаны с тем, что городское пространство Санкт-Петербурга тесно переплетается с научными и культурными трансформациями, что влияет на формирование уникальной городской идентичности. Для исследования этой идентичности необходимо использовать разнообразные методы и их сочетания. Также был сделан важный вывод о том, что будущее общественных наук невозможно без интеграции различных исследовательских подходов. В частности, подчеркивалась необходимость соединения антропологических и социологических методов для более полного анализа городского развития.

Историческая ретроспектива научного развития в Санкт-Петербурге также стала важной частью обсуждения. Доклады и дискуссии сфокусировались на том, как исторический контекст и социальные перемены влияли на развитие науки в городе. Анализировались ключевые этапы

и события, оказавшие значительное влияние на формирование научной среды и научных школ в Петербурге.

Особое внимание было уделено роли академии наук и ее влиянию на карьеру ученых. Рассматривались вопросы о том, каким образом академия наук поддерживает и развивает научные исследования, как влияет на карьерный рост ученых и какие возможности открывает для научных исследований. Поднимались вопросы о том, как академические институты могут способствовать или препятствовать научной деятельности и каким образом они формируют научную среду.

CONFERENCE “ANTHROPOLOGY OF ST. PETERSBURG: THE CITY. THE ACADEMY. THREE CENTURIES OF LIFE”

Natalya Mazalova (mazalova.nataliya@mail.ru),
Konstantin Galkin

¹ Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences

² Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, a Branch of the Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Citation: Mazalova N., Galkin K. (2024) Conference “Anthropology of St. Petersburg: The City. The academy. Three centuries of life”. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 273–277 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.10> EDN: LKHJFW

Abstract. On May 14, 2024, the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences hosted the All-Russian scientific conference with international participation “Anthropology of St. Petersburg: City. Academy. Three Centuries of Life” dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. The conference was organized by the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. The conference focused on scientific research in anthropology and sociology of St. Petersburg conducted in these academic institutions.

Ж
У
Р
Н
А
Л

С
О
Ц
И
О
Л
О
Г
И
И

С
О
Ц
И
А
Л
Ь
Н
О
Й

А
Н
Т
Р
О
П
О
Л
О
Г
И
И

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем статей — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученые степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты, **ключевыми словами** (5–8 слов) и подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы предоставляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:

<http://www.jourssa.ru>

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian and English language.

Articles should not exceed:

- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:

The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

A brief information about the author including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: <http://www.jourssa.ru>

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: <http://www.jourssa.ru>
по адресу Научной электронной библиотеки:
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2024 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоцис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.jourssa.ru>

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77 – 86351 от 11.12.2023 г.

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>

Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.

Сайт: <https://www.sociologynet.ru>

Главный редактор: В.В. Козловский

Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория К1, индексируется в международной базе данных WoS RSCI

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.jourssa.ru>
- на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Сайт издателя: <https://www.sociologynet.ru>

Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96

Электронная почта редакции: jssa@list.ru

Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2024. Том 27. № 4. Дата выхода в свет 25.12.2024.

Формат бумаги 60x84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,2. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Реноме»

Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40